

І.М.М.О.В.Т.А.І.
КЛЪС КАЙМАНОВ

РАБЫ
БЕССМЕРТЯ

16+

Ильяс Найманов
Рабы бессмертия
Серия «I.M.M.O.R.T.A.L.», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28737816

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-12687-9

Аннотация

Книга является продолжением книги «Янтарь. Вирус бессмертия» и открывает новую серию книг I.M.M.O.R.T.A.L. о населяющих и нащупывающих пределы Зоны отчуждения ЧАЭС зомби. Главный герой, некробиолог Трофим, продолжает свою деятельность по изучению вируса, но происходящее вокруг слишком быстро меняется. Постоянные бои и стычки, Выбросы, прорывы мутантов и появление нового, агрессивного вида зомби на границах Зоны, заставляют Большую Землю отвернуться от всех находящихся в Зоне сталкеров, наглухо перекрыть для прохода периметр, оставляя им несложный выбор: во что превратиться после своей смерти.

Содержание

Глава 1. Свобода	4
Глава 2. Начало	18
Глава 3. Новый дом	35
Глава 4. База	55
Глава 5. Под кронами	82
Глава 6. Черные братья	103
Глава 7. Приказано забыть	119
Глава 8. Овод Пустотелый	141
Глава 9. Брат	157
Глава 10. Контакт	171
Глава 11. Лука	200
Глава 12. Подземелье	222
Глава 13. Без следов	251
Глава 14. Снова Армейские склады	273
Глава 15. Коса и камень	296
Глава 16. Генерал	316

Глава 1. Свобода

Через два часа Трофим был на поверхности, вымотанный на нет, с бледным сталкером на руках, жизнь которого теперь была вне опасности, но он все еще был без сознания. Его тут же окружили свободовцы, человек пятнадцать.

Трофим нашел взглядом Якоря, хмуро смотрящего на него.

– Нашли?

– Нашли, – кивнул Трофим. – Разлом, куда я упал, знаешь?

– Да, – ответил Якорь.

– Возьмите взрывчатку и обрушьте его вниз. Устройте этой твари веселую жизнь, – глаза Трофима сверкнули ненавистью, заразив ею всех окружающих.

– Мы сделаем, Док. Мы все сделаем, – ответил Якорь. – Сизый, Бура, Медведь, по ящику в зубы и на разлом.

Тот час трое огромных свободовцев в светло-зеленых экзоскелетах развернулись на исполнение. Якорь нагнулся к своему другу, который начал приходить в себя.

– Держись, Моль, не родилось еще то, что так просто покончит с нами, – голос Якоря кипел гневом, – Ксенон, Толкач, горючую смесь, бочку до разлома вперед. Я ей покажу, Док, я ей устрою...

Два свободовца переложили сталкера на носилки, сняв с него рюкзак. Моль, едва открыв глаза, нашел взглядом Трофима, хотел что-то сказать, но не нашел сил, только безвольно уронил руку, качнувшуюся в такт шагов уносящих его бойцов.

– Здорово его потрепало, Док, – выдыхая дым сигареты, сказал Якорь, провожая друга взглядом. – Так что твои камушки не подействовали? Надкусили нашу Моль ходячие?

Трофим отрицательно качнул головой. Внезапно защитный комбинезон показался ему слишком тесен и душен, он судорожно открыл забрало и вдохнул крепкий утренний воздух с запахом сигаретного дыма. Он вспомнил, как увидел невероятную картину синих облачков артефакта из рюкзака, опутывающих красные камни кристалла, подшитые к прокладке комбинезона.

– Нет, Якорь, работают камушки. Где его рюкзак? – спросил он, ища взглядом снятый рюкзак Моля.

Один из бойцов подал ему рюкзак. Трофим расстегнул его и в отдельном внутреннем кармане, представляющем собой растягивающуюся прорезиненную сетку, нашел артефакт, подобранный в подземной лаборатории. Артефакт в сером свете пасмурного утра Зоны теперь не светился, но его особый синий, похожий на черничный, свет притягивал взоры всех сталкеров.

– Вот из-за него камушки не сработали, – уверенно сказал Трофим.

Якорь вложил сигарету в рот и хмыкнул, осторожно взяв артефакт. Взвесил в руке, пробуя на вес.

– Знатный хабар... Бабушкин клубок. Редкая вещь. Свойств только у нее полезных почти нет, пси-защита немного, но для сильных сборок идет как надо, – сталкер выпустил облако дыма, сощурился один глаз от вернувшегося ему в лицо облака. – Моль давно такой искал, собирает одну лабуду... нашел на свою голову, – Якорь отдал артефакт обратно ученому. – Положи обратно, Док, спасибо, что братана не бросил. Мы уже собирались к вам лезть, вон ребята собрали.

Трофим обвел взглядом команду. Около десятка человек, с автоматами, обступивших говорящих, стояли без лишних слов. Даже не видя лиц, закрытых масками, он чувствовал, насколько серьезно они были настроены.

– Ну лезть вам туда все равно надо будет, – вспомнил он и поманил Якоря поближе к себе, желая негромко сказать ему на ухо.

Сталкер выкинул окурок и наклонился.

– Там артефактов за большими воротами накопилось под сотню...

Брови Якоря приподнялись, он непроизвольно поднял руку и попытался натянуть комбинезон капюшона на лоб.

– Понял тебя, Док, давай дуй к костру, отдохни, а мы тут с бойцами разберемся.

Трофим кивнул и двинулся в сторону изб Пепелища.

Спать хотелось невероятно, вчерашний бесконечный день, бессонная ночь, два часа буксирования сталкера по подземелью – все это именно сейчас начало валить его с ног. Добравшись до одной из изб, где сидел всего один человек, Трофим, не помня, как поздоровался со сталкером, расстелил чей-то спальный мешок и, не раздеваясь, завалился на него, уйдя в долгий, глубокий, восстанавливающий сон.

Проснулся он после обеда. Пепелище оживилось, вчера отбившееся от нескольких квадов долговцев, сейчас оно заполнилось бойцами Свободы. Некогда населенный пункт, состоявший из пары десятков домов, из которых более-менее целыми были всего три, половина сгорела, оставив только печные трубы, а оставшаяся часть изб состояла либо из порушенных стен, либо превратилась в развалины, переживал свой пик по количеству живого населения. Человек тридцать бойцов трудились внутри и за пределами деревеньки. Снаружи бойцы минировали подходы и обустроивали огневые точки, укрепляя их бревнами и материалами из развалин, внутри двигали оградки, помечали границы аномалий, чтобы случайно не влететь в них, и опять же готовили деревеньку к обороне.

Напротив Трофима сидел его коллега Берик.

– Ну что, Трофим Аристархович, выспался? Давай поедим, да на Янтарь. Задержались мы, как никогда.

Берик Капезович сидел в комбине зоне Ветер Свободы, подаренный ему группировкой, поскольку его Сева была на

Трофиме. Рядом на костерке в котелке что-то бурлило, и поднимался ароматный пар мясного блюда. Проследив за голодным взглядом Трофима, он хохотнул.

– Вот это правильно, Трофим, я как раз про это и говорю! Иди руки мой, там умывальник, – он указал черпаком. – Я уже накладываю.

Ученого не нужно было просить дважды. Он прошел к умывальнику с вертикальным клапаном-краном, к которому прилагался кусок хозяйственного мыла, влажное полотенце и фляга с ковшиком. Скинул с себя комбинезон и, поливаясь холодной водой, мылясь и фыркая, приступил к водным процедурам.

– Давай полью, Док, – раздался знакомый голос над ухом.

Трофим обернулся. Рядом стоял Моль, без комбинезона, в камуфляжной рубашке, штанах и сланцах.

– О, как самочувствие, Моль? – облегченно спросил Трофим. – Я ж боялся спросить...

– Нормально, Док, отошел уже. Мне Якорь рассказал, из-за чего принял меня твой профессор. Земля ему углем. Надо же, никогда бы не подумал, что клубок так подведет. Я вообще, когда его увидел, думать перестал, – улыбнулся сталкер, набирая ковшик.

– Я вообще за тебя перепугался, пока он мне зубы заговаривал, ты чуть было не отбыл... на шею, ага... вот сюда давай... еще, – командовал Трофим поливающему его водой сталкеру, ловя себя на мысли, что потрясение, пережитое им

прошлой ночью, теперь, казалось, не имело для него значения, все стало как-то проще и прямее.

Никаких сожалений и опасений, никаких Водопьяновых, «лаборантов», Лукасов, зависимостей от начальства, отчетов. Странное чувство, которое он когда-то давно ощущал, будучи влюбленным в свою красавицу-жену... легкость, бесстрашие и уверенность, ожидание и вера во что-то, что-то забытое и такое знакомое... вера в свои силы и в то, что то, что он сейчас делает, является единственно верным для него. Он должен быть здесь и сейчас, он делает то, что делает его существование осмысленным и полноценным, сильным и спокойным, наполненным жизнью и духом, готовым воспрепятствовать всему, что будет мешать этому пониманию себя и окружающего... Наверное, так ощущается свобода. Эта мысль застала Трофима так неожиданно и просто, что он застыл с прижатым к лицу полотенцем, ощущая, как отмирает и обесцвечивается в его памяти Янтарь, коллеги, администрация, его собственные исследования, которые не являются именно тем, что он в действительности считал настоящими открытиями.

– Ну, ты что замерз, Док? – услышал он голос Моля. – Полотенце несвежее? Сейчас крикну, поменяют.

– Нет. Не надо, – Трофим оторвал полотенце от лица.

Вдруг окружающая его деревенька зацвела красками, звуками и запахами. Приятного зеленого и полынного цвета трава, яркие крепкие, хоть и кривые березки, мелкие синие

цветы с ярко-желтым глазком возле стены избы, глубокая шероховатая поверхность бревен приятного темного йодно-го цвета. Некробиолог поднял глаза, с трудом сдержав возглас изумления. Глубокое небо с высокими объемными фиолетовыми облаками, обрамленными белыми перьями движущегося пара, просвечиваемыми местами солнцем, чьи прямые лучи танцевали на земле... «Зона, какая же ты другая... Почему я раньше никогда не видел этого? Может, с водой что-то не так?», – вдруг мелькнула догадка у Трофима. Он заглянул во флягу, ловя в ее отблесках проплывающие облака, которые в отражении стали еще выше и объемнее.

– Вода... Что за вода? – спросил он растерянно.

– Обычная вода, местная из колодца, – пожал плечами сталкер, – мы ею сто лет как умываемся, пьем. Может, науке она и не подходит, а нам, сталкерам, только так, – Моль зачерпнул ковшом из фляги и отпил. – Хорошая вода, Док, зря беспокоишься.

Через минуту они уже были у костерка, где дежурил Капезович, и на грубо сколоченном столике стояла миска с крупно нарезанным местным серым хлебом, только что наполненная тарелка для Трофима, несколько тарелок в стопке, железные кружки, сахар в пакете и ложки. Он тут же добавил еще одну железную тарелку для свободовца и наполнил ее густым ароматным варевом.

– Уважаю хорошего кашевара, – улыбнулся Моль, принимая тарелку и садясь на отпиленный кусок бревна, заменя-

ющий табурет.

– Ас болсын, – пожелал ему приятного аппетита Берик и сам принялся за еду, помогая себе хлебом.

Трофим начал есть, не особо вникая в суть разговора сталкера и его коллеги. У него в голове происходили совсем другие процессы и мысли. Так же погруженный в раздумья, он принял кружку крепкого сладкого чая и, глядя сквозь стену, прокручивал что-то в голове. Наконец, прием пищи был окончен, поставив кружку на стол, он решительно повернулся к свободовцу.

– Моль, ваше предложение еще в силе? – твердо спросил он, глядя сталкеру в глаза.

– Какое? А, да ты что, Док?! Надумал? Так... сейчас, Док, погоди, – Моль привстал и отыскал взглядом в движущихся людях нужного ему человека. – Эй, Шпагат, – Моль пронзительно свистнул. – Зови Якоря, по-быстрому, одна нога здесь, другая там.

Шпагат, невысокий рыжий курносый сталкер с открытым лицом и торчащей из короба за спиной антенной, обмотанной камуфляжной тканью, кивнул и, сориентировавшись по ПДА, метнулся в нужном направлении.

– Это ты правильно, Док, решил. Мы тут столько хабара подняли, хватит тебе две лаборатории отгрохать, еще и сверху останется. Выход у нас на Большую Землю имеется, часть прибытка от нашей с тобой ходки твоя по всем правилам. Скажешь, сколько, мы твоей семье отправим и на побывку

проводим, – сталкер потер руки. – Я скрывать не буду, нам кадровые ученые нужны, и сами не дураки, конечно, но спецы – это спецы, так что, Док, не пожалеешь, – Моль подмигнул Берику. – Ну а ты, Капезыч, давай к нам тоже. Что ты там на Янтаре забыл? Ни души, ни жизни. Условия те же, работай, изучай – не хочу, – сталкер выжидающе уставился на Берика Капезовича.

– Нет, Моль, спасибо. Трофим, ты как-то неожиданно прям, – обратился он к коллеге, обескуражено почесывая лоб.

– Да нет, Берик, на это есть свои причины, и поверь мне, они более чем серьезны.

Трофим еще раз прокрутил в голове, как объект третьей категории, всего несколько дней назад представившийся Юрком, прозвищем из прошлой жизни носителя, спросил его, Гудина Трофима: «А ты. Ты. Помнишь, кто ты?», как профессор, которого, очевидно, похоронили под разломом, кричал, изумленный его негодованием: «Мы с вами уже совсем другие люди. Вы же тоже на стадии гамма, неужели вы не понимаете?», вспомнил, как просвечивались и стали вдруг видимы сердце, кровеносные сосуды, легкие сталкера Моля, который сейчас сидел напротив него и, положив ладонь на теплый шероховатый стол, ожидает, что скажет Трофим... Если его заражение подтвердится, то он станет объектом исследований, и что-то подсказывает ему, что тогда он точно не увидит родных. Да, методы определения виру-

са не совершенны, вирус слишком вариативен. Нередко он сам не мог найти его признаки даже в заведомо зараженных образцах, которые брал у ходячих мертвецов. Что ж, его решение примкнуть к группировке Свобода было единственно верным. Незаметно для Трофима подошел сталкер Якорь и встал, возвышаясь над столом.

– Ну что тут у вас, Моль? – спросил он немного раздраженным голосом. – Надеюсь, не за ерундой меня позвали. Дел невпроворот, сам знаешь.

– Не за ерундой, – успокаивающе махнул рукой Моль и повернулся к Трофиму. – Якорь у нас тут старший, поэтому все к нему. Говори, Док.

– Якорь, – Трофим прокашлялся, – я тут подумал. Мне на Янтарь дороги нет. Поэтому можно к вам в Свободу?

Якорь просветлел лицом, морщины разгладились, он сдержал улыбку и присел рядом с Капезовичем, поправляя усы.

– Так, а ты, Капезович, как? Понесешь науку в массы? – подмигнул он Капезовичу.

– Нет, спасибо. Я уж лучше как-нибудь так... – растерявшись, смущенно ответил он.

– Ну хозяин – барин, – согласился Якорь, – мы тебя навещать будем, может, передумаешь, – пошутил он. – Хорошо. Хорошо, Док, кривляться не будем, бойцов и сталкеров у нас много, а вот инженеры, ученые, хирурги – это всегда добро пожаловать. Как ты работаешь, мы знаем, грехов за тобой

нет, так что... ты принят.

Якорь торжественно пожал руку сталкеру и снова стал серьезен.

– Светить тебя не будем. Конечно, надолго тебя замаскировать не получится, но, главное, вопросы по тебе там, на Большой земле, успеть решить. Лаборанты твои в погребе сидят, про то, что ты вышел из бункера, не знают. Капезыч скажет, что ты не вышел, то есть пропал без вести. Скажет? – обратился он к Берiku.

– Скажу, – кивнул Берик.

– Мы тебя через недельку с родными соединим или на побывку отправим, успокоишь, скажешь, что уволился, перешел на более интересную и выгодную работу. По деньгам тоже все решим, мы не жадные и не бедные, особенно сейчас. Так, что еще? Теперь, Док, тебе к нам на базу на Армейские склады надо. Скоро сюда сохатые попрут, выбивать нас с точки будут, но мы приготовились, обломаются. Такую поляну и подземный городок отдавать нельзя. Нашивки тебе пока не понадобятся, далеко все равно ходить не надо. Там я подскажу, встретят, расположат, походишь, освоишься, выберешь себе место под лабораторию, сделаешь список оборудования и далее, и далее... Но идти надо сейчас, с нашими ребятами. Готов?

– Надо – так надо, – кивнул Трофим. – Берик, комбинезон оставишь?

– Забирай, Трофим, раз такое дело.

– Добро, добро. Все, Док, времени мало, я сейчас мужикам свистну, пойдете на склады. Кнопку только отстегни, Капезычу отдай, а ты, Берик, тоже собирайся, надо тебя и ваших «лаборантов» навстречу сохатым отправить, так и нам проще, и им минус. А то попадете под местную раздачу, они разбираться не будут, извиняться тем более, – скомандовал Якорь. – Я пошел, мы штаб вниз переносим, нашли хороший погребок с надежным перекрытием... Все вопросы к Молю, Док. Все пока, на базе увидимся, – он хлопнул Трофима по плечу и покинул троицу.

Трофим сидел, пытаюсь сообразить, как и что он сейчас будет делать. Все оказалось так неожиданно быстро и просто, хотя ему, наверное, казалось, что с его переходом в Свободу должно было произойти что-то памятное, гром, молния, небо упасть вниз, зазвучать гимн чего-либо, салюты... Но ничего этого не произошло.

– Ну, брат, добро пожаловать, – сказал Моль, – по-хорошему надо со всей базой отметить это, познакомиться, но не до этого сейчас. Разведка подсказывает, что Долг сюда собирается. Seriously собирается, – сталкер почесал небритую бороду. – Кстати, профессора нашего подземного на ноль перемножили, теперь чисто то место. Воронище образовалось... мама не горюй. Ребята рассказывают, три ящика тротила туда скинули, в разлом, чуть земляной волной не накрыло. Обвалилось все внутрь, а там своя свадьба, воронки, карусели, трамплины... В общем, как давай это все бес-

новаться, разбрасываться, фейерверк такой был... Жженой землей и камнем на сто метров все усыпано и зацементировало все, так что, если этот проход и вел под Янтарь, то теперь его нет. Можешь не переживать, спас ты своих... бывших, – сказал Моль, с очевидным выражением удовольствия на лице представляя картину буйства аномалий. – Артефакты даже выкидывало, немного, но и то хорошо. Наши подобрали и обратно, теперь вот как раз и понесем хабар на базу.

Тут сталкера окликнули. Трофим обернулся, шесть человек в комбинезонах Страж Свободы с пухлыми рюкзаками, полным вооружением махали им рукой.

– Ну что, Док, это за тобой. Мужики у нас понимающие, толковые, сам познакомишься, дорога не близкая, но к вечеру, даст Зона, прибудете. Давай прощайся и в дорогу, можешь не брать с собой ничего, – сказал Моль, повернувшись обратно к ученому.

Трофим встал. Встал и подошел к нему его коллега. Крепкое мужское рукопожатие и объятие.

– Ну, Берик, пока, – попрощался Трофим.

– До свиданья, Трофим Аристархович. Пиши, если что, я выскочу, помогу чем смогу, – сказал Берик.

Трофим повернулся и, застегиваясь на ходу, двинул в сторону ожидавших его бойцов Свободы. Суровый ветер Зоны толкнул его в спину, подгоняя к ожидающим. Моль улыбнулся своим мыслям, глядя, как в такт кивнули низкие кривые березки. Проводив взглядом скоро исчезнувшую группу

пу сталкеров, он повернулся к Берику. Теперь настал и его черед покинуть территорию Пепелища, новый укрепленный район группировки Свобода.

Глава 2. Начало

Пепелище, занятое Свободой, готовилось к обороне. Вырытые и замаскированные огневые точки, под прикрытием аномалий, заминированное направление с нескольких сторон с оставленными тропинками прохода для своих. Датчики движения, консервные банки, стекла, вкопанные под разными углами металлические оградки, установленные замаскированные подъемные осветительные мачты, которые могли подняться на высоту двух метров за секунду и осветить или ослепить противника, запитанные от аккумуляторов на артефактной сборке, – все это делало внезапное появление противника невозможным. Конечно, стая кабанов или других мутантов может здорово всполошить посты, но мутант не всегда был настолько глуп, чтобы переть на автоматы двуногих. Кроме того, группировка оборудовала несколько скрытых точек наблюдения под прикрытием огневых точек из чердаков трех целых изб Пепелища. Ближе к вечеру практически все работы снаружи Пепелища были закончены.

Подземный ход, ведущий в подземную лабораторию X6, был замаскирован и теперь мог открываться и закрываться только снаружи. Сталкеры вынесли оттуда сотню килограмм артефактов, и теперь бегунки по трое постоянно курсировали с Армейских складов на Пепелище с оборудованием и обратно с Пепелища на главную базу с артефактами. Некото-

рые артефакты можно было переносить только в специальных контейнерах, которые сами по себе весили по три, пять килограммов, поэтому взмыленные бойцы иногда напоминали сами себе муравьев, которые колонной тащат ценный груз в свой муравейник.

Вечернее, переходящее в ночное, небо простирало свои темнеющие и отсвечивающие холодной сталью хищные крылья облаков над Зоной. К ночи все передвижения останавливались. Ночью даже самые отважные сталкеры, идущие своей тропой, не раз чувствовали на себе пристальный взгляд, стоящий им больших усилий, чтобы продолжить путь. Мутанты ночью становились агрессивнее, для многих это было время кормления, для других – время сражения за свою жизнь. Поэтому разумнее всего было встать на ночлег, разжечь костер и обозначить и тем, и другим, что ты не являешься добычей и не являешься охотником, но если духа на это не находилось, то следовало спрятаться в укромном месте и не подавать признаков своего присутствия. Кроме того, признаки многих аномалий, с трудом определяемые днем, ночью вообще становились невидимыми, что также не придавало уверенности двигающемуся сталкеру, заставляя его остановиться, если он все же хочет встретить следующее промозглое и хмурое утро. Ночью могли двигаться только крайне уверенные в своих силах сталкеры, не считающиеся с мутантами и располагающие достаточным опытом и време-

нем для определения и обхода аномалий. Но кто именно мог двигаться под прикрытием темноты?

Первые две мины прилетели одновременно в разожженные костры свободовцев, раскидав яркие головешки и рассыпав осколки в окружающих их бойцов. Брань и крики всполошили ночь. Невидимый противник, группировка Долг, распределившись на позициях, с приходом темноты начала методичный обстрел из минометов, не торопясь, но и не прохладаясь. В их распоряжении была вся ночь, к утру они планировали разнести все укрепленные точки Пепелища, а с рассветом зачистить их штыком и гранатой. Свободовцы, унося с собой раненых, бросились по заготовленным укрытиям, погасив костры. Еще несколько мин приземлилось на крыши изб, разворотив их, но не в силах обрушить стены. Еще и еще, три миномета без остановки работало по Пепелищу, шаря в темноте сеющими осколками ударами, попадая в аномалии, некоторые из которых глушили силу взрыва, съедая часть осколков, но если мины попадали в жарки, то взрывались на подлете, рассеивая смерть с высоты. Мины корежили оставшиеся коробки изб, рвали березки, с дымным грохотом срывали траву, скрипя разлетающимся металлом в стенах и кирпичных печах. Тем временем несколько бойцов вынесенных за пределы Пепелища контрольных пунктов выдвинулись на подавление минометных расчетов противника. В их преимуществах были скрытность, знание местности и снайперские винтовки. Между тем Пепелище кипело

взбешенными аномалиями, дымом и пылью, неохотно загорелась, но вскоре погасла одна из изб. Бойцы залегли, уйдя по погребам и огневым точкам. Их задачей было переждать удар, а потом встретить противника, который рано или поздно пойдет зачищать Пепелище огнем.

Якорь сидел в одном из погребов, который являлся штабом. Сталкер уже передал бойцам с внешних постов указания. Те, в свою очередь, передали их дальше, сталкерам группировки, застрявшим на марше, те дальше и дальше, пока новость не дошла до основной базы на Армейских складах. ПДА в условиях Зоны работали на ограниченное расстояние, поэтому Якорь не мог быть уверен, что склады получают сигнал. Действовать нужно было самим. Опытные в своем деле бойцы в каждом из схронов расположили аптечки, запасы питья, еды и артефакты для лечения ранений. Потери среди личного состава составляли всего несколько человек, погибших сразу, остальные стремительно восстанавливали силы, рубцевались раны, осколки вытаскивались пинцетами, которые под воздействием артефактов чуть ли не сами выпрыгивали наружу.

Сидевший в штабе за несколькими планшетами Шпагат наконец сообщил:

– Есть. Нашли утырков. Три минометных расчета, каждый под охраной трех квадов.

– Отступить есть куда? – спросил Якорь, чей потемневший взгляд не предвещал ничего хорошего.

Шпагат быстро отправил сообщения группам.

– Два расчета в открытом месте, один в подлеске, – ответил он.

– Кто там из наших с оптикой? – спросил Якорь, имея в виду снайперов.

– Душа, Стальной, Сахарок, – тут же ответил Шпагат.

– А, хорошо... Эти смогут, – оскалился сталкер, – передай, пусть прострелят трубу и уходят. Сахарок в подлеске? Тот пусть по живому стреляет, растяжки во фронт, – распорядился он.

Шпагат кивнул, его пальцы быстрыми пауками пробежали по сенсорным экранам планшетов.

Взрывы, методично разрушающие поверхность Пепелища, продолжались. Один упал над штабом, чуть громче шелкнув в потолок. Якорь сел на скамейку и принялся терпеливо ждать. Он понимал, снайперам нужно было выбрать позиции, чтобы не быть перехваченными при отступлении квадами противника. Душа и Стальной были, что называется, снайперами от бога, всегда несколько раз мерили, прежде чем один раз отрезать, потому и были живы. Душа наверняка выстрелит одновременно с хлопком выстрела из миномета, сделав это невидимо для долговцев, Стальной же попытается пробить трубу вместе с миной, желая вызвать ее детонацию и гибель расчета. Якорь усмехнулся, вполне в почерке Стального. Он как командир всех поступающих в его распоряжение бойцов знал лично и представлял возможности каждого.

Безумцев и нерадивых отправляя на базу, хотя, справедливости ради надо сказать, что таких достаточно быстро отсеивала сама Зона, поэтому только единицы отправлялись назад.

Сахарок. Сахарок не являлся снайпером по природе. Ранее являвшийся больше звероловом, умел делать засады, заметать следы, выходить противнику в тыл, его Винторез с калибром 9х39 мм СП-5 с желтой полосой на коробке – дозвучившей боеприпас, был, наверное, единственным признаваемый им боеприпасом. Но вот через несколько минут мины стали падать реже, еще через десяток секунд смолк еще один миномет, еще минута, и расчет из подлеска заглох, выплюнув последнюю мину, улетевшую далеко в сторону и грохнувшую за Пепелищем.

Якорь терпеливо ждал сообщения от снайперов. Потеря любого из них будет ощутимой.

– Душа вышел, – наконец просиял Шпагат.

– Хорошо, ждем остальных, – кивнул Якорь, нервно барабаня пальцами по коленке.

– Сахарок говорит: минус два, и один триста красные, – прочитал сообщение сталкера Шпагат.

Якорь кивнул. «Дай сигнал нашим, пусть поднимаются, встречать надо, как Стальной отпишется, сообщи». С этими словами сталкер взял автомат и, сутулясь, чтобы не чиркнуть головой по потолку, который не поднимался вверх над полого поднимающейся лестницей из широких дубовых до-

сок, двинулся к выходу. Между тем Пепелище ожило. Дым и пыль еще не рассеялись, аномалии продолжали пульсировать, постепенно снижая ритм, а бойцы тихо, не подавая световых сигналов, уже заняли позиции в ожидании противника.

Долговцы приняли бой, навязанный им Свободой. Поскольку минометы были выведены из строя, было два варианта: либо отступить и прийти в следующий раз, либо проверить ситуацию боем. Долг ожидал, что артобстрел принес большие разрушения и потери в живой силе, и сейчас, пока враг оглушен, можно будет взять его бронированной лапой и раздавить в норе, как кот мышей. Жаждающая мести группировка выбрала второй вариант. Разделившись на две части, почти по двадцать человек в каждой, они двинули флангами на Пепелище. Левый фланг шел вдоль лесополосы, правый по полю вне пределов прямой видимости. Командующий операцией майор Сизый посчитал позором уйти с поля боя, когда Пепелище возможно было уже смято и обескровлено, в этом и была его роковая ошибка. Фланги, обходя деревню, перешли на движение ползком, скрываясь в высокой траве. Тыл им прикрывали тяжеловооруженные бойцы в экзоскелетах, слишком шумные и громоздкие, чтобы ползти незаметно. Их задача была в том, чтобы пойти прямым ходом на противника по проложенным для них тропинкам, вызывая огонь на себя, после того как первые бойцы Долга достигнут стен и оградок деревни. Вызванный их появлением

огонь обороняющихся будут тут же подавлять практически уже находящиеся у деревни бойцы, таким образом вычисляя огневые точки, действуя четко и слаженно, долговцы рассчитывали выбить Свободу из Пепелища. Но этим планам не суждено было сбыться. Майор Сизый недооценил стремительность и численность возведения укреплений, и наличие минных заграждений противника. После того как в темноте взвизгнуло несколько сигнальных осветительных ракет, а после начали подрываться на минах бойцы, он скомандовал назад, но было уже поздно. Взметнувшиеся вверх осветительные мачты, расположенные по периметру Пепелища, высветили и ослепили подползающих бойцов, шквальный огонь из огневых точек гвоздил их к земле. Огонь экзоскелетов, стоящих в тылу, был не эффективен, кроме того, отступившие снайперы Свободы издали шелкали бронебойными по спинам экзоскелетов, опасно обещая рано или поздно нащупать слабое место в конструкции или пробить броню. Безжалостный огонь обороняющейся группировки в течение получаса заставил всех копошащихся в пыли и траве долговцев замереть либо навсегда, либо притвориться мертвыми и надеяться на чудо спасения. Якорь разумно приказал не покидать пределов Пепелища и не выходить из огневых точек, опасаясь огня снайперов противника и уцелевших, затаившихся в траве долговцев. Игра в кошки-мышки продолжалась, но теперь кошкой была обороняющаяся сторона, а затаившиеся в траве долговцы обескураженными мышами, ищущими

спасения от неминуемой пули с первыми лучами солнца.

Световые мачты яркими полосами освещали едва шевелящуюся под легким ветром высокую полынь, контрастными тенями играющую на не такой видной травяной братии других видов. Выжившие и затаившиеся в траве долговцы видели только слепящие диодные фонари, за которыми не было видно ничего. Расстрелять мачту, хотя бы одну, можно было только ценой своей жизни, но это был бы слишком бездарный размен. Прикрывающие экзоскелеты вели огонь со снайперами в противоположной стороне, но и это был слишком неравный бой. Достаточно свободно перемещающиеся снайперы легко и незаметно меняли позиции на знакомой местности, постепенно три из пяти экзоскелетов правого фланга повалились в траву, а на левом фланге ринувшиеся помогать товарищам броней и огневой мощью бойцы, подорвавшись на минах, споткнувшись о вкопанные металлические оградки, потеряли скорость, повалились и были добиты сфокусированным огнем обороняющейся стороны и огнем Сахарка, зашедшему им в спину.

Боец с позывным Овод, один из трех выведенных из строя экзоскелетов правого фланга, получил повреждения и, будучи не в силах управлять поврежденным экзоскелетом, выключил осветительные приборы и нажал кнопку SOS, ожидая помощи. Из скорлупы он выбираться не торопился, снайпер, стрелявший ему в область поясницы, раз за разом разбивая композитную броню, добрался-таки до защищенного

модуля управления ногами, расположенного сзади на поясице, и теперь вполне мог ожидать, когда долговец решит покинуть свою скорлупу, чтобы подставиться под окончательный выстрел. Надо отдать должное противнику, он не пытался испортить экзоскелет, он делал все филигранно и выверено. Каждый раз заходя ему в спину, либо с железными нервами дожидаясь, пока Овод дойдет до предыдущей точки обстрела, обыщет место во всех доступных его экзоскелету спектрах и повернет обратно, чтобы вновь произвести выстрел удаляющемуся бойцу практически с того же места, либо стреляя с другой позиции. Пятиться долго в ночной Зоне Овод не мог, поскольку иначе он бы рано или поздно шагнул в аномалию. Вся эта игра в «догону-убью» продолжалась почти два часа и осталась за Свободой.

Долговец, лежащий на спине, с поврежденными приводами гидроцилиндров хода молча следил за индикатором желтого цвета, показывающим неопознанный объект, приближающийся к нему. «Давай же, собака, подойди, проверь, живой или нет», – думал долговец, ожидая момента, когда противник приблизится на то расстояние, когда бежать и прятаться ему будет уже бесполезно, чтобы схватиться ему за глотку железными руками и оторвать голову, выкинув ее подальше в аномалию. Если не получится схватиться руками, то пулемет с наполовину полным коробом уравнивает их шансы, он отстрелит ему ноги. Долговец непременно хотел навалиться на врага, заползти на руках на него всей своей по-

что двухсоткилограммовой тушей брони, раздавить, уничтожить в отместку за все те два часа, когда снайпер, издеваясь, разбивал ему механизм. «Давай, давай... все подходите... по одному порву...» – холодно думал он, видя, как уменьшается расстояние, наблюдая теперь три желтые не определенные маячком, запеленгованные детектором жизненные формы. Фигуры шли медленно, треугольником, очевидно, держа его на прицеле, готовые стрелять в любой момент. Овод слегка прикрыл глаза, он дождется их, даст приблизиться вплотную, притворится, что без сознания от потери крови. Умереть он всегда успеет, он даже даст приоткрыть себе маску, чтобы они могли посмотреть на его лицо, а затем он включит прожектор и ослепит светом первого, схватит его, подомнет под себя и не отпустит. Потом, если переживет очереди прикрывающих, возьмется за пулемет и уничтожит их... И только потом вылезет из скорлупы и двинет к своим. Три желтых маячка уже подошли вплотную. Кто-то явно остановился над ним... смотрит, не видимый на фоне черного ночного неба. Усиленный динамиками внешней акустической связи шум подсказывает, что противник присел рядом. Долговец закрыл глаза. Чья-то рука потянулась к маске экзоскелета, пытаясь оторвать или открыть ее, но даже не представляя, где кнопка открывания. «Дикари... дегенераты... вы даже маску открыть не можете, я вас тут всех оставлю...» – зло думал Овод, понимая, что противник ни черта не смыслит в конструкции экзоскелета. Рядом присел еще один враг,

шурша одеждой и броней, и сразу нащупал нужный рычажок под подбородком. «Двое сразу, в руки, ну держись!» – Овод врубил осветительные приборы одновременно с дуновением внешнего ветерка, залетевшего под открывающуюся маску. Яркий сноп света ударил в нечто склонившееся над ним, руки, взлетевшие в движении к неприятелю, застыли. То, что нависало над ним, не было человеком. Ржавые струпы тонкой кожи, как сворачивающиеся чешуйки рептилии, на некогда человеческом лице, тонкий нос с горбинкой, лысая ржавая голова в тех же струпьях, узкие губы и желтые глаза с ушедшими в точку зрачками. Он что-то шептал...

– Добро пожаловать, – шепнуло существо, и йодного цвета слюна сорвалась с его губ, капнув на лицо Овода.

Овод заорал и рванулся, чтобы схватиться с чудовищем в борьбе, но руки ослабли, вырывающийся крик ярости вышел бессильным стоном, и он обмяк, не в силах противостоять чему-то, что вдруг лишило его сил и практически сознания. Он почувствовал, как его схватили за элементы экзоскелета и поволокли, выключив освещение. «Это не Свобода» – последнее, что успел понять он, перед тем как совершенно потерять контроль над телом и сознанием.

Ночь подходила к концу. Посеревшее на востоке небо еще только начало окрашиваться в зеленый цвет, и разбуженный ветер легко толкал опавшие с деревьев листья по старому растрескавшемуся асфальту, чиркая трескучими сухи-

ми кромками по его поверхности. Легкий, едва заметный туман начал подниматься из увлажненной почвы, постепенно сгущаясь по мере наступления холода. Вороны как всегда возмущенно орали утреннему холодку в вершинах деревьев. Долговцы, залегшие вокруг Пепелища, пользуясь сгустившимся туманом, начали отползать, оставляя погибших и раненых. Свобода не стремилась уничтожить выживших, в следующий раз они сделают больше выносных постов и сделают подобное отступление противника невозможным, но сейчас ввязываться в бой и нести потери не являлось целью зеленых. Противник и так потерял больше половины убитыми, а раненые останутся и, если захотят помощи, то получат ее в обмен на информацию о позициях Долга, а если не захотят помощи, то пусть выбираются как знают, Зона сама рассудит, кому и что положено.

Тем временем где-то на территории, приближенной к научному комплексу Янтарь, в неприметной лощине, заполненной туманом, поросшей чахлыми деревцами тополей и осины, шевельнулся и провалился вниз верхний слой земли, увлекая за собой клубы пара и прелую листву подстилки. Черный прямоугольный люк образовался в том месте, где никогда ничего не было. Через минуту оттуда появился хорошо сохранившийся мертвец в куртке новичка и с автоматом АК. Он с не свойственной его братии ловкостью огляделся и, оскалившись редкими коническими зубами, вдохнул утренний воздух. Тут же рядом с ним появилось еще

несколько голов. Постояв немного, один из, как их называли некробиологи Янтаря, объектов, одетый в драную олимпийку с нашитыми на ней светоотражающими нашивками с цифрой шесть, и наколкой «Зубр» на костяшках пальцев выбрался на поверхность. Осмотревшись, он выбрал направление и, ничуть не отличаясь походкой от живого человека, двинул в выбранную сторону, постепенно исчезая в тумане. Двери позади него закрылись с легким лязгом, оставив сырую поверхность ржавого железа прямоугольным вырезом на фоне бурой лесной подстилки, вскоре затянутой туманом.

Редкий туман, появившийся и на Пепелище, вполне мог стать гуще, дать маскировку долговцам, позволив им уйти, поэтому Якорь не стал ждать, когда Зона даст им эту возможность, и с опережением событий предложил сдаться всем желающим.

– Господа долговцы, – зазвучал динамик, вынесенный на один из чердаков, – с вами говорит сталкер Якорь. Делаю уникальное предложение. Кто хочет сдаться – встает и поднимает оружие над головой, кто ранен и не может встать – ставит оружие стволом в землю, кто хочет уйти без спроса – пеняет на себя. Это территория Свободы, отныне Пепелище – наша укрепленная база. Мы будем находиться здесь столько, сколько считаем нужным, и ни у кого спрашивать не собираемся. На все раздумья даем вам двадцать минут, через двадцать минут открываем огонь по всему, что не выполняет наши требования. Время пошло.

Динамик щелкнул выключателем, оставив бойцов Долга в тягостных раздумьях один на один с собой. По истечении двадцати минут пара бойцов встала с поднятым оружием и еще несколько воткнули автоматы стволом вниз рядом с собою.

– Стоим, не двигаемся, – приказал динамик над Пепелищем.

Два бойца в зеленых экзоскелетах, аккуратно перешагивая специально подсвеченные для них лазерной указкой мины, перетащили раненых и сдавшихся в деревню.

– Время вышло, – сказал Якорь. – Работайте, – кивнул он своим.

В туман полетели гранаты, очереди пулеметов, автоматов, умертвив не сдавшихся и добив раненых. Белый туман похоронным саваном накрыл дымящийся и разбереженный взрывами участок с обеих сторон Пепелища, скрывая от взгляда наблюдателя тайны смерти и новой жизни, захватившей управление над телом человека, заставившей четырех бойцов встать и, постояв несколько минут, подобрав оружие, двинуть неровной, ломаной походкой в сторону Янтаря. Кружащие сверху вороны, казалось, видели сквозь туман, сделав несколько кругов в высоте, они безошибочно выбрали действительно умерших и с громким карканьем спикировали на них за своим куском. Почуявшие пиршество смерти в окoliце в тумане, не являющемся для них препятствием, пришли слепые псы, тревожно прядая порванными и проку-

санными ушами. Часто припадая широкими мордами к земле, они переминались и поскуливали от нетерпения и опасения, вызванного большим количеством запаха пороха и крови. Наконец они выдернули одно тело, лежащее ближе к ним. Оттащив его с рыком, забирая друг у друга кровавые куски мяса, принялись разрывать его, мотая мощными шеями и клацая зубами. Еще несколько псов учуяли замершего в страхе неподвижного бойца и, рыча, одновременно бросились к нему. Крик и выстрел пистолета оборвались еще с одной жизнью.

Вздрагивая и шарахаясь собственного движения, из подлеска в точке минометного расчета вынырнуло несколько плотей. Одна из них, самая крупная, осторожно приблизившись к убитому Сахарком бойцу, подняла острую хитиновую клешню и с размаха пробила ею бронежилет и тело человека, тут же кинувшись прочь, но боец был недвижим. Вернувшись и победно стрекоча, мутант, работая обеими клешнями как ножницами, принялся терзать броню, с усилием, но неумолимо разрушая защиту. К обнажившемуся телу уже тянули рты меньшие мутанты, исходящиеся нитями слюны. Вскоре совместными усилиями тело было объедено. Вздрыгнув, словно от холода, шевельнулся и сел на земле еще один боец с пулевым ранением шеи, лежавший под кустами, из шеи которого серой влажной губкой выступило тело вируса, залатав рану. Посидев несколько минут, боец встал и поплелся на известную ему базу в сторону Ростка. Мутанты,

мигом попрятавшиеся в кустах, проводили мертвеца взглядом и снова принялись за еду, как только его силуэт растворился в тумане. Мелкая синеватого цвета плоть боязливо обнюхивала направленный в небо ствол миномета, сильно пахнущий порохом. Открыв свой обагренный кровью ротик, она попыталась куснуть металл. Миномет не устоял и с глухим стуком упал на землю. Присев от страха, мутант отскочил, но тут же приблизился, поднимая одну из клешней. Подойдя чуть ближе все в той же напряженной присевшей позиции, он изо всех своих сил ударил по трубе, неожиданно громко звякнув металлом. Неодобрительное хрюканье от большого мутанта вернуло его обратно ближе к сородичам, уже головами провалившимся в тело выедаемого ими бойца.

Зона не позволяла так просто пропадать ничему, она как воронка забирала в себя жизнь и плоть всего, что попало в нее со стороны, перемалывая, разрывая, спрессовывая, и только после крайней меры насыщения исторгала из себя редкие не поддающиеся объяснению артефакты. Только редкие счастливицы выходили из Зоны обратно богатыми и здоровыми, но они навсегда оставались результатом ее деятельности, ее порождениями.

Глава 3. Новый дом

База Свободы на Армейских складах. Несколько двухэтажных строений, пара крытых шифером ангаров, куча мелких построек, восстановленных из подручных материалов, шесть смотровых вышек, да уходящий в никуда железнодорожный тоннель, густо поросший аномалиями и заваленный металлическими конструкциями. Все это огорожено бетонным забором с колючей проволокой. Группировка во главе с ее лидером Гипсом долго работала над восстановлением зданий, крыш, заборов, вышек. Все это доводилось до ума из подручных средств и теперь являлось единым взаимосвязанным комплексом, в котором уживались и находили себя все те, кто не нашел себя на Большой Земле либо скрывался по своим причинам в Зоне, но об этом никто не спрашивал. В конце концов, кто хотел быть один, оставался одиночкой, бандиты шли к своим, а здесь, как ни странно, собирался мирный и образованный люд, распрямлявшийся и крепнувший от вольного воздуха Зоны и стычек с долговцами и военными.

Гипс возглавлял группировку более двух лет. Его прозвище говорило само за себя и настораживало многих. Бывший спортсмен-единоборец, о чем он не любил распространяться, он быстро и надежно успокаивал оппонентов. Начиная простым сталкером, натаскавшись по аномалиям, побегав от

и за бандитами, он решил что-то менять. Вступил в Свободу и очень скоро за свой крепкий кулак и верность слову, а еще за четкую позицию в своем видении правильных отношений в группировке он обзавелся поддержкой и дружбой многих крепких сталкеров Свободы, и после того как предыдущий лидер погиб в глупой перестрелке с наемниками, он общим большинством был выбран в лидеры, от чего, собственно, и не отказывался. С тех пор ранее анархическое управление группировкой было упорядочено, каждый был задействован в чем-то полезном для базы, сам Гипс обзавелся хорошими связями на Большой Земле, выгнав нужным людям редчайшие артефакты, восстанавливающие молодость, здоровье, продлевающие жизнь, дающие прибавку к физическим, умственным показателям и восстанавливающие деторождение. Все эти дары Зоны, в нужное время поднесенные сильным Большой Земли, дали ему доступ к таким возможностям, о которых не мог даже мечтать ни один из предыдущих лидеров. Военные, собравшиеся в какой-то момент отбить назад Армейские склады, вдруг смирились с давнишней потерей, мало того, тонким, но верным ручейком начались поставки оружия. Медикаменты и оборудование также стали появляться на базе, насосы, электрические компоненты, инструмент – все это начало тем или иным способом стягиваться к базе. Через Сидоровича, через расположенные у Периметра тайники, откуда бойцы в экзоскелетах доставали тяжелые упаковки, будучи в прямой видимо-

сти пулеметчиков с вышек, через вольных сталкеров, груженных как верблюды нужными вещами, – все это необходимое для восстановления базы добро текло на Армейские склады.

Гипс лично разговаривал с вольными сталкерами, имевшими хорошие знания и практику в чем бы то ни было, ставил их на довольствие группировки и соответственные задачи, начиная с починок комбинезонов и постепенно выводя на разработку новых. Также два сталкера, Худой и Рваный, поднаторели в сборке артефактов с требуемыми итоговыми свойствами, в результате на базе появился свет, тепло, усилилась медицина и куча других важных моментов. Отношения с экологами, давно испорченные, также восстанавливались. Некогда вызывавшие раздражение у свободовцев ученые теперь не обстреливались, наоборот, было дано указание страховать и по возможности приглашать к себе. Но ученые с Янтаря крайне редко двигались без охраны Долга, соответственно, и возможностей для контакта было не много. Трофим был первым из высококвалифицированных специалистов Зоны, кто решился на такой шаг.

Гипс планомерно и методично накачивал группировку кадрами, превращая ее из кучи плохо организованных сталкеров в сильную и современную группировку, выходящую на качественно новый уровень, где каждый желающий мог занять свое место и заниматься тем, в чем был сильнее или в чем видел для себя будущее. В дальнейшем Гипс амбициозно хотел заменить Свободой и Янтарь, и Долг, и наемников,

превратив Зону в надежный и мощный источник процветания, по крайней мере для тех, кому было с ним по пути, а таких, как вы понимаете, становилось все больше и больше.

На склады Трофим пришел с группой сталкеров без заключений, уже в темноте. Там его определили в баньку и показали место в одной из комнат двухэтажного здания. В комнате было две кровати, шкаф и две тумбы. Для обычного сталкера это бы показалось верхом шика, этакий люкс с пятью звездочками, но Трофим ввиду малого опыта пребывания в долгих рейдах воспринял эти удобства как должное. Посмотрев из настоящего окна второго этажа на горящие на улицах костры, на темнеющие на фоне неба вышки с выключенными прожекторами, услышав отдаленные звуки гитары, он вспомнил свою комнатку на Янтаре, не имеющую окон и иногда больше напоминающую ему камеру одиночного заключения. Тут же, в комнате было странным образом тепло, несмотря на то что на улице было никак не больше десяти градусов. Трофим приоткрыл окно, вдыхая ночной запах и оставив форточку приоткрытой, завалился спать, накрывшись одной простынкой, понимая, что он сделал правильный выбор.

Незаметно наступило утро. В комнату к нему, едва стукнув, сразу вошел помощник Гипса по прозвищу Афган, невысокий, склонный к полноте человек с открытым простодушным лицом, располагающим к шуткам и разговору. Афган был в легкой матерчатой камуфляжной куртке, плотных

также камуфляжных штанах, берцах и нелепо смотрящейся на нем синей вязаной шапочке с двумя уголками.

– Доброе утро, Док. Выспался? – поинтересовался он, протягивая руку. – Я помощник Гипса, Афган.

Трофиму показалось, что он спросил это искренне, и если бы он ответил, что не очень, то Афган бы посоветовал поспать еще.

– Доброе. Вроде выспался, – ответил Трофим, с удивлением отмечая, что за его настоящим окном светло, а на щеке чувствуя отпечаток складки подушки.

– Давай одевайся, умывайся, я снаружи на скамейке подожду, – сказал он и вышел.

Как все было просто. Просто одевайся, просто умывайся и просто выходи на свежий воздух, где можно посидеть на скамейке без обязательного комбинезона, охраны и разрешения посмотреть в небо. Сделать, наконец, если есть желание, зарядку, а может быть, даже окатить себя холодной водой из ведра. Слыханное ли дело для бункерного обитателя Янтаря, дышащего фильтрованным и дезинфицированным воздухом? Трофим потряс головой, стараясь не лыбиться как идиот на новый фантик, но это не сильно получалось.

Через десять минут он уже спустился вниз со второго этажа и вышел к сидящему на скамейке Афгану. Тот сидел, откинувшись назад, вытянув ноги и оперевшись руками сзади на скамейку, безмятежно глядя в небо. Трофим осмотрелся. Здесь все было по-другому. Вместо близкого серого бе-

тонного забора Янтаря ему открывалась пара сотен метров почти открытого пространства и только потом ограничение забором. От этого казалось и светлее, и больше воздуха. По одному такому же двухэтажному дому стояло справа и слева. Там впереди находилось железнодорожное полотно, ниже поверхности земли уходящее в тоннель, и мост над ним, ведущий на выход из базы.

– Пойдем к Гипсу, заодно и позавтракаешь, – сказал Афган, вставая и снимая шапочку, обнажая лысую голову. – Жарко...

Скоро они были в баре, обустроенном в ангаре. В баре практически никого не было, все ушли по своим заданиям, ходкам и делам, либо отдыхали, как это делали несколько человек, спящих вдоль стен прямо в спальнях мешках. За одним из столов сидел лидер группировки Гипс. Также одетый в куртку, рубашку и штаны все камуфляжного цвета. Квадратная голова, челюсть, маленькие синие глаза-буравчики, ломаный нос, седая голова и усы ранее русого цвета. Он больше напоминал Трофиму вояку или бандита, чем того, кто мог бы пригласить его в свои. Несколько смутившись, Трофим неуверенно пошел к столику.

– Подходи, подходи, – махнул ему рукой Гипс.

Голос был приятный, мужской, какой-то по-хозяйски отеческий.

– Здравствуйте, – поздоровался Трофим, протянув руку.

– Здравствуй, Трофим Аристархович, можешь на ты, у нас

выкать не принято, – оценивая взглядом Трофима, сказал Гипс. – Я Виктор Семенович, но это по паспорту. Кстати, документы твои на днях мы добудем и работу твою не законченную тоже выудим... то, что в электронном виде.

– А... – открыл было рот Трофим.

– Не спрашивай, как, – мягко прервал его вопрос Гипс. – Ну как тебе тут у нас? Комната устраивает?

– Да, спасибо. Вполне.

– Это хорошо. О работе твоей мне Моль рассказывал, да и ребятам в целом. Правильно получается, ходячие они только потому и ходячие, что ими двигают. Мы тоже за эти вопросы брались, но университетов тут не все кончали, так что весовые категории в этом деле у нас, так сказать, совсем не те, – заметив недоверчивый взгляд Трофима, он улыбнулся, обнажив ряд крупных желтоватых зубов, сколотых местами. – Ты не смотри, что морда у меня кирзовая, я науку очень уважаю. Я вообще, Док, хочу здесь производство открыть, только вот с разрешениями беда, не знают, как нашу продукцию сертифицировать, и, вообще, бизнес можем большим дядям попортить.

– А какое производство? – удивился Трофим.

Производство в Зоне? Это было совершенно непостижимо для его понимания.

– Да любое, вот, например, хоть вечные батарейки, – сказал Гипс, – хоть пластыри-заживляйки на раны, хоть бестопливные печи. У тебя в комнате сегодня тепло было?

– Да, – немного подумав, ответил Трофим.

– На улице ночью всего пять градусов, батареи сняты давно, а в комнате тепло. Это потому что под полом лежит наш местный подогрев. Дел-то на копейки, вон ребята наши, Худой да Рваный, из артефакта «капля» сделали. Знаешь такой? – получив утвердительный кивок Трофима, Гипс продолжил. – Так они придумали, как его приоткрыть, и он потихоньку теплоту выпускает. Уже полтора года работают, еще не один не остыл. Ребята говорят, лет на сорок каждого хватит. Сходишь познакомишься потом. Там они в ангаре работают, еще у нас растениевод один, Хутор его кличут, потом Пиксель, ну тот по компьютерам и программам больше, Коваль по оружию и броньке, и Калмык, тот по мутантам специалист.

– А я вам зачем? – неуверенно спросил Трофим, чувствуя, что у такого хозяина все и всегда должно иметь смысл.

– Для коллекции! – громко сказал Гипс и расхохотался. – Шучу я, Трофим. Ты ж у нас микробиолог, это то, что руками не пощупать и простым глазом не рассмотреть. Я так думаю, ты сам сделаешь то, что тебе по душе, мы тут планы пятилетки не даем, у нас Свобода, а не Долг. А мы... хоть даже промеж своих пользу обретем. Вот, например, ребятам нашим Моль рассказал, с твоих слов, что за вирус, откуда, какие категории, что он при жизни вырастает и заменяет собой клетки хозяина, а потом таскает его по Зоне в поисках кормежки, что воздействие электромагнитное от него на по-

давление исходит, как защита, так многие у нас сразу спокойнее спать стали. А то шутка ли дело, жуть такая по Зоне шатается, – Гипс выжидающе уставился на него.

– Так я вообще-то некробиолог, – поправил Трофим.

– Да ты что?! Тогда вы нам не подходите, – сказал Гипс и, видя растерянное лицо Трофима, расхохотался опять. – Шучу я, Док, уверенней надо быть в своих силах. Ты ж отважный человек, с мертвецами вплотную работаешь, с руки кормишь, – Гипс приложил руку к груди. – У меня духа на это не хватает, я у тебя думал занять, а ты тут стесняешься. Ладно, Док, давай так. Отдыхай, ходи, знакомься, место себе присмотри под лабораторию, список сделай, какое оборудование тебе надо, а мы как подвезем тебе все, что требуется, так и начнешь работать. Кстати, насчет работы, все, кто у нас на Свободу работают, получают вознаграждение. Мы же все сюда за этим пришли... – он внимательно посмотрел на Трофима, – ну почти все. Вы с Модем знатную поляну нашли, годовой, считай, доход всем нам сделали, даже больше, твоя премия составляет, – он быстро чиркнул на бумаге цифру и показал ученому.

Трофим широко раскрыл глаза.

– Ого!

– Да, это ого, – Гипс повернул бумажку к себе и удовлетворенно посмотрел на цифры. – Я бы даже больше сказал, о-го-го! Но у нас все по справедливости, пока я тут главный. Лишних прихлебателей сверху нет, нашел, дошел, провел коман-

ду, получи. Вот... А зарплата твоя составит, – он снова чиркнул на бумажке и повернул к Трофиму.

– Это очень хорошо...

– Да, это я считаю правильным. Тебе иногда нужно будет делать ходки со сталкерами, когда дело будет касаться вопросов твоей специализации, – сказал Гипс.

– Я с удовольствием, – искренне ответил ученый.

– А сталкеры помогут тебе в любое время, у нас с этим проблем никогда нет. Но мы по общей договоренности можем пользоваться всеми твоими открытиями. Согласен?

– Согласен, чего уж там, – кивнул Трофим.

– Вот и договорились, Трофим Аристархович, – сказал Гипс, вставая и протягивая руку. – Я пойду, а ты завтракай, у нас сегодня кабанятина славная, рекомендую. Товарищ славно готовит мясо.

– Какой товарищ? – не понял Трофим.

– Это наш бармен, он же шеф-повар, кличка у него такая – Товарищ, – хмыкнул свободовец. – Здорово настроение повышает мужикам, как выпьют. Товарищ, налей, Товарищ, хочу этого, того... Товарищ, послушай здесь... Ну, в общем, увидишь, разберешься.

Гипс удалился, Трофим остался один за длинным деревянным столом. Что ж, лидер группировки оказался совсем не плохим человеком, вряд ли их директор Водопьянов мог бы предложить такие условия даже самому себе.

База группировки Долг. Росток. Кабинет лидера группировки Долг, полковника Рожка. Полковник удивительно был похож на одного из первых лидеров группировки генерала Воронина, только чуть меньше ростом и плотнее. То же лицо, та же выправка, но в отличие от Воронина у Рожкова были усы, плотной, стриженной седеющей бахромой спускающиеся чуть ниже верхней губы. Перед полковником сидел измученный боец в камуфляже, без брони с перевязанной рукой, один из спасшихся из операции под Пепелищем долговцев. В кабинете было по-спартански просто. Стол Рожка со стулом, отдельный большой стол для совещаний, несколько шкафов с папками и документами и большой сейф в дальнем правом углу, к которому были приварены четыре толстые металлические пластины, а сами пластины приварены к массивным металлическим штырям, торчащим из стены. Рожок устало провел ладонью по лицу, выслушав рассказ бойца.

– Сколько ребят наших полегло... ах вы ж суки... – процедил он сквозь зубы.

– Мы не могли знать, что они там так сильно укрепились, – ответил боец. – В последние сутки пришлось снять наблюдение. Слепые псы слишком интересовались, мы могли потерять наблюдателей и раскрыть себя.

– Нужно было выдвинуть второй пост.

– Мы бы выдвинули, товарищ полковник, но связь подвела. Они не смогли сообщить, что ушли с точки. Когда мы получили сообщение, уже собрался основной отряд, поэто-

му пошли сразу боем.

– За каким чертом они там так окопались? – спросил очередной раз в никуда Рожок.

В дверь постучали и тут же вошли. Так разрешалось делать только адъютанту полковника.

– Ну что, Тара, что разнюхал? – хмуро спросил полковник.

– Есть информация, товарищ полковник, – чеканя доложил Тара.

– Выкладывай, – приказал Рожок.

– Только что вернулись из Пепелища сотрудники одной из лабораторий Янтаря, не в полном составе. Один из них, некий Гудин Трофим Аристархович, так и не вышел на поверхность, спустившись в какое-то подземное сооружение. Считают пропавшим без вести.

– Ну пропал, так пропал. Что за сооружение? Чего он туда полез?

– Не можем знать, товарищ полковник. Данных нет. Полез за объектом исследования своей лаборатории. За зомбированным, – ответил Тара, преодолевая желание вытянуться в струнку.

– Вот недоумок... – негромко сказал полковник, после чего перевел взгляд на сидящего напротив бойца. – Свободен, боец, в лазарет.

– Есть в лазарет, – долговец встал и с видимым облегчением вышел.

– Присаживай, давай прикинем, – указал на освободившийся стул полковник.

Адъютант присел, по-прежнему удерживая осанку.

– Так значит, там на Пепелище есть вход в некое сооружение. Пепелище занял противник, в кратчайшие сроки окопался как крот, сделал заградительную минную полосу, обложился снайперами, а мы и знать не знаем, что они там задумали? – неодобрительно спросил полковник адъютанта.

– Похоже на то, товарищ полковник.

– Эх, авиацию бы сюда. Вмиг бы расшвыряли этих обезьян. Так кто там пропал, чин, звание, должность?

– Некий Гудин Трофим Аристархович, заместитель заведующего лабораторией номер шесть, – отчеканил Тара.

– Заместитель заведующего... Заместитель не потянет. Из-за него вертолет не поднимут, если бы заведующий, то может быть, – раздумывал Рожок. – Потом, кто за ним под землю ползет? Вояки? Хрена с два, у них своя песня. Нет, авиацию не дадут, – отрицательно мотнул головой полковник. – Ребят наших мы этим обезьянам не простим. Значит так, Тара, узнавай мне все, что касается этого пункта. Кто, где, когда, зачем. Мы теперь это дело принципиально оставить не можем, у нас тут противник под боком гнездо вьет, а мы его башку открутить не можем? Не порядок. Задание ясно?

– Есть найти информацию, – подскочил Тара. – Разрешите идти?

Полковник махнул рукой, засовывая сигарету в рот. Адъютант, развернувшись кругом, вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

– Ну ничего, Гипс, отольются мышке кошкины слезы, – прикуривая сигарету, по привычке закрывая спичку сложенными лодочкой ладонями, проговорил Рожок, – ох отольются...

Обожженный кислотами и радиацией, но живой и не сдающийся Рыжий лес молчаливо склонял тяжелые ветви изменившихся кленов почти до самой земли, образуя купола, в которых находили себе убежище от дождя снорки, слепые псы, псевдособаки и многие другие обитатели Зоны. В тех местах, где ветви касались земли, рано или поздно появлялся корень, укрепляя ветвь в ее положении, давая рост новому деревцу, уже имевшему характерный красно-рыжий оттенок. Это дерево приспособилось и даже нашло чем завлечь в свои объятия тех, кто будет охранять его от свирепых мутировавших древоточцев и мелких крыс. Сосны и ели также нашли себе способ защиты, приютив на своих ветвях длинные мочала жгучего пуха, моментально съедающего в своих объятиях любую живность. Странная паутина поросла между деревьями, закрыв собой кабаньи тропы. Кабаны же при всем их весе и ярости не осмеливались подходить к ней близко, предпочитая пробивать новые тропы пусть даже через шиповник, с невероятно прочными, практически стальными

иглами, чем рвать паутину, которая оставалась на холке мутанта, прорастая внутрь и через неделю опутывая его смертельным сплошным серебристым коконом. Тополя обзавелись мощной токсичной корой, пробовать на вкус которую можно было только один раз, а их пух прорастал даже в старых ранах, если они успевали затянуться с этим семенем. Вообще, все, что было в живых в Зоне, научилось сражаться за свою жизнь, быстро и причудливо меняя облик. Если бы не кабаны, псевдогиганты, грызуны и другие всеядные, питающиеся семенами и молодыми побегами Рыжего леса, то, вероятно, вся Зона была бы покорена этим медленным и неприхотливым зверем.

Овод очнулся стоящим у дерева. Экзоскелет конструктивно мог стоять сам по себе, если человек внутри него не подаст сигналов к перемещению. Маска экзоскелета по-прежнему была открыта, запах сырости, древесины, прелой листвы и хвои вместе с полумраком медного цвета крон над головой дали ему понять, что он находится в Рыжем лесу. Последнее, что он помнил, – это ржавое, шелушащееся лицо чудовища, склонившееся над ним и капнувшее на него слюной. Это было отвратительно. Еще он помнил, как силы вдруг оставили его настолько, что он даже не смог крикнуть, а потом его потащили вместе с экзоскелетом... и, видимо, дотащили до Рыжего леса. Впереди перед ним широким безжизненным черным пятном простиралась поляна. Трава на ней словно выжжена и растоптана, но горелого запаха не было. Долго-

вещ покрутил головой, пытаясь понять, почему он не может двинуться, ведь он был в экзоскелете, и очень мало что могло противостоять ему, но странное дело, хоть он сейчас и чувствовал свои ноги и руки, он не мог ими пошевелить. Он даже не был связан, он просто стоял прислоненный к почерневшему мертвому хвойному дереву, роняющему свои хрупкие черные иглы вниз. Овод начал крутить головой, надеясь разогнать кровь по телу, и возможно это поможет пошевелиться. В конце концов, они не убили его и даже не сняли экзоскелет, кроме того, они притащили его в Рыжий лес, наверняка они тут уже издохли, глупцы! Рыжий лес не терпит посторонних, это известно всем и каждому!

Мотая головой, боец постепенно чувствовал, как тепло от уставшей шеи постепенно спускается ниже. Вот поверхность шеи почувствовала несколько уколов медицинской системы, которая наконец определилась с его диагнозом и решила что-то вколоть. Интересно, что она выбрала? Вот он уже смог напрячь пресс и слегка пожать плечами. Экзоскелет его конструкции не имел таких элементов, чтобы отразить это движение, тем не менее металлические руки чуть заметно шевельнулись, скрипнув подсохшими штоками гидроцилиндров.

– А... очнулся... – раздался тихий, бесцветный, шуршащий змеиным шиком голос позади должника.

Боец замер. Конечно же, он очнулся, теперь этого не скроешь, а надо бы. Может быть, его оцепенение прошло чуть

позже, само, но поздно теперь уже хитрить. Сглотнув не существующую слюну, он спросил хриплым, пересушенным голосом:

– Кто ты, сволочь? Мы же тебя найдем...

– Найдем... – повторил голос, словно вспоминая его значение, уже из-за левого плеча.

Нечто, что говорило, провело по его затылку и спине. Он, конечно, не мог этого чувствовать через броню, но четко почувствовал, как что-то чуждое вторглось в его мозг, заставив на миг потеряться во времени и пространстве, а затем онемение скользнуло вдоль позвоночного столба, заставив тело вновь потерять чувствительность. Ужасное ржавое лицо полчеловека медленно показалось с левой стороны, так что он мог видеть только половину этого лица, не в силах даже повернуть глазами, паралич взял его полностью. Овод сделал попытку что-то сказать, но язык не слушался. Существо встало перед ним. Ростом долговец был не из мелких, а толстая подошва экзоскелета добавляла ему еще с пяток сантиметров, но существо было выше него. Ржавая чешуя или лоскутами сползающая кожа, желтые, горчичного цвета белки глаз и йодного цвета зрачки. Скрытые в глубине желтого рта едва видимые ровные ржавые зубы. Расплывшись мыслями, потеряв восприятие, он все-таки понял, что когда-то это был человек. Медицина по-прежнему продолжала вкалывать в бесчувственную шею бойца препарат за препаратом. Возможно, благодаря этому Овод не терял сознание. Су-

щество стояло напротив и смотрело на него, словно изучая, наконец, оно, сделав неуловимое движение, не попадающее в поле зрения бойца, слегка моргнуло. Человек почувствовал, что может говорить и двигать головой.

– Ты! – яростно шептал он. – Ты! Долг убьет тебя! Мы найдем тебя, слышишь, тварь?

– Я не тварь, – ответило существо.

– А кто ты? Кто?!

– Я вспоминаю... я скоро вспомню. Мне нравится это место, – прошипело оно, приблизившись и вплотную разглядывая бойца.

Было что-то непостижимое в этом взгляде и движении существа. Оно словно разглядывало человека изнутри, изучая видимые только ему процессы, а стоящий перед ним человек был не более чем что-то, что не имеет ценности и вообще смысла как такового.

– Чего ты хочешь? – с ненавистью спросил долговец.

– Они тоже меня спрашивали, – ответило оно.

– Кто «они»? – сверля взглядом Ржавого, спросил долговец.

– Они, – существо посмотрело за спину Оводу.

Долговец попытался посмотреть назад, но обзор был ограничен. Он почувствовал, как заныла заколотая иглами медицины шея. Ржавый по-прежнему стоял и смотрел на него, но теперь отдалившись. Сейчас Овод смог осмотреть его, это был мужчина, пусть в далеком прошлом, но изначально это

мужчина. Весь покрытый струпьями ржавого цвета, без всякой растительности на теле. Удлиненные руки и ноги при обычном размера теле делали его безобразным и жутким.

– Противовирусный препарат церезин бета закончен, – раздался негромкий женский голос программного обеспечения медицинского блока во внутренних динамиках экзоскелета. – Вирусная инфекция продолжит распространение. Срочно обратитесь к специалисту. Повторяю...

Голос повторил информацию еще раз, затем еще раз. Черное отчаяние и понимание того, что происходит, навалилось на долговца удушающей простотой. Его заразили. Вот эта тварь. Он вспомнил ощущение капли слюны на щеке, даже сейчас он чувствовал ее.

– Тварь!!! – прошептал он, испепеляя Ржавого взглядом.

Тот, наконец, увидел что-то, что искал внутри человека, едва заметно кивнул.

– Уже не долго, товарищ, уже совсем не долго...

Тем временем где-то в окрестностях Янтаря группа зомби брела за спокойно идущим объектом номер шесть. Стоящие на отдалении сталкеры в бинокль наблюдали за ними.

– Во дела! – сказал один. – Идут как овцы за бараном.

– Да нет, этот просто получше сохранился, прут все бес-толочи, куда ветер дует, – возразил другой, – пойдем давай, нам еще до точки часа два пиликать, до темноты надо расположиться.

Сталкеры убрали бинокли и двинулись своей тропой. Шестой номер, с наколкой Зубр, вел четверых в ту самую лощину с открывающимся внутрь двустворчатым люком. Проломившись по чахлому подлеску, он дождался, пока его спотыкающиеся и путающиеся в коротких торчащих из земли прутьях собратья дойдут, наконец, до прямоугольного куска металла, не выделяющегося цветом среди бурых листьев. Через минуту, глухо лязгнув затвором, люк отворился, обнажив черную пустоту подземелья. Мертвецы, покачиваясь и подергиваясь, один за другим спустились под землю, последним вошел Зубр. Люк медленно затворился.

Глава 4. База

Несколько дней Трофим ходил по базе Свободы, привыкая к новым порядкам и расписанию, знакомясь и общаясь со сталкерами, в чем находил для себя немало удовольствия и узнавал много нового. Представители, так сказать, науки и практики группировки заняли всю левую часть большого ангара, куда Трофим в первую очередь и направил свои ноги.

Больше всего его удивила работа двух сталкеров по кличке Худой и Рваный. Оба действительно соответствовали своим прозвищам. Худой – высокий, застенчивый, светловолосый долговязый парнишка, чья походка в раскачку сразу выделяла его среди остальных. Рваный – среднего роста, также не выделяющийся избыточным весом, совсем молодой человек, с серьгой в ухе, неизвестно, по какой причине надрезал себе одежду и в коленях, и в локтях, еще несколько продольных разрезов сделал на куртке, отчего при каждом его движении была видна светлая подкладка. Но напарники были рукастые, молчаливые и чем-то неуловимо похожие друг на друга. Их отдел в ангаре состоял из трех комнат. В первой они жили, во второй собирали артефакты и тестировали их, в третьей держали готовые сборки. В отличие от сотрудников Янтаря, всегда работавших в перчатках, очках и вообще крайне церемонно, Трофим в первый же день увидел, как Рваный, зажав в тисках нечто светящееся, стучал

по нему со всей дури молотком. Нечто светящееся шипело и плевалось искрами, пару раз обжегши руку сталкера, на что он айкал, но продолжал молотить молотком. Позже оказалось, что эта сборка предназначалась для усиления защитных свойств комбинезона, по заказу Коваля, но она не помещалась в предназначенный для нее кармашек комбинезона, поэтому Рваный сбивал ей края. Худой же испытывал маленькую воронку в качестве универсального утилизатора отходов. Стоит ли говорить, что небольшая метровая воронка, вьющаяся на листе железа, стоящего посреди второй комнаты, вызвала у Трофима оторопь. Худой же невозмутимо подкидывал ей всяческий мусор, собранный им во дворе, и постоянно тихо поругивался на то, что воронка, как он назвал ее, Юлька, отказывалась спрессовывать мусор как следует. Действительно, сломав и скомкав стекло, бумагу, тряпки и прочее в плотный шар, домашняя аномалия выплевывала его обратно. Худой щупал и взвешивал произведенное, пробовал напильником и разочарованно покачивал головой, подкладывая осколки других артефактов под металлический лист. На взгляд Трофима, одна эта воронка могла обеспечить небольшое производство то ли тротуарной плитки, то ли отделочных материалов, в любом случае полученный шар, диаметром почти десять сантиметров, невозможно было сломать, а напильник практически не оставлял на нем следов. Эти два парня, совсем не похожие на его коллег из пятой лаборатории, на порядок или два порядка глубже

понимали свойства артефактов и что из них можно сделать. Трофим вспомнил, как смешно, практически на подушечках носили свои «пустышки», «батарейки» и прочее ученые на Янтаре.

Коваль – мастер по оружию и броне, валялся в своем гамаке, подвешенном между столбами, блаженно выпуская дым, в окружении тускло освещенных стеллажей и ящиков со всевозможным содержимым. Рядом с ним на подставке, ярко освещенный со всех сторон стоял наполовину собранный или разобранный экзоскелет с множеством грубых царапин. Поздоровавшись и представившись, Трофим выяснил, что Коваль сейчас по горло занят срочным ремонтом экзоскелета одного из сталкеров группировки по прозвищу Гром. Экзоскелет, исполосованный кровососом, пострадал не меньше чувства собственного достоинства своего хозяина, который, досадно промахиваясь по мутанту, умудрился споткнуться и упасть в навоз псевдогиганта, где его, лежащего лицом в коричневом, полосовал мутант, разрушив приводы и обездвижив конструкцию. Напарник тем временем расстрелял кровососа, но поднять Грома самостоятельно не смог. В таком положении Грому пришлось пролежать несколько часов, а подоспевшая помощь делала фотографии и неприлично громко ржала над грустным сталкером, который, возможно, скоро переименуется в Нюхача.

Комната Пикселя, сплошь уставленная разобранный аппаратурой, мониторами и несколькими современными остек-

ленными автоматами для работы над микросхемами. Самого Пикселя на месте не было, но работающий компьютер и что-то паяющий в своем герметичном корпусе автомат говорили о том, что работа шла, несмотря на отсутствие хозяина.

Самый большой отдел ангара пришелся на Хутора, улыбочивого, простоватого мужчину средних лет. Все занятое его хозяйством пространство представляло собой теплицу, где выращивались овощи, ягоды и огромные грибы. Обойдя с ним его владения, которые Хутор охотно показывал и, поддерживая гостя за локоток, объяснял, что к чему, Трофим выяснил, что кабачки, помидоры, огурцы и все остальное, перечислявшееся десятками наименований, все плодоносит круглогодично, постоянно цветет, а заведенная им небольшая колония странных красно-желтых пчел, которых ему приходится время от времени морить, чтобы они сильно не размножались, приносит по два-три литра меда в неделю. Рассаженные растения в лотках местами ставились в два этажа, где нижний этаж занимали грибы размером с большую тарелку. К удивлению Трофима, Хутор обломал шляпку одного гриба и показательно откусил кусок, предложив его гостю. Неуверенно и осторожно Трофим откусил предложенное ему. Гриб оказался приятно сливочным на вкус с тонким грибным запахом. Расширив от удивления глаза, ученый с недоумением рассматривал надкушенную шляпку. Напоследок Хутор сунул Трофиму пакет с овощами, несмотря на вялые попытки отказа.

Последняя деревянная дверь с надписью мелом «Калмык» и художественно нарисованная мелом голова волка в оскале, обозначающая, то ли не входить, злая собака, то ли символ Свободы, задержала его на некоторое время. Трофим не очень понял, что именно было изображено, потому что рисунок был давнишний и подтертый. Дверь оказалась закрытой, только Худой, выглянувший из своей мастерской-лаборатории, крикнул, что Калмык ушел с мужиками к Рыжему лесу и будет еще не скоро.

На этом знакомство с коллегами из группировки было окончено, и ученый выбрал себе правую часть ангара, заполненную металлоломом и стасканным в кучу строительным материалом, таким как шлакоблоки, кирпичи, снятые откуда-то старые, но крепкие доски, водопроводные трубы. Что-то из этого было сложено друг на друга, а что-то просто накидано сверху, и чтобы все это разобрать, нужен был и погрузчик, и манипулятор, и грузовичок. По прикидкам Трофима, техники здесь он не обнаружил, с другой стороны, он не заглядывал в соседний ангар, но его, собственно, об этом не просили. Не отличаясь особо праздным любопытством, Трофим покинул первый ангар, отведенный под, как выражались сталкеры, «кадров». Тем временем перевалило далеко за полдень, и в небе, не сулящем дождя, намечались легкие, едва заметные вечерние росчерки.

Взгляд Трофима упал на одну из смотровых вышек, в которой наверняка дежурил боец. Гнездо, как называли выш-

ки сталкеры группировки, представляло собой пятнадцатиметровую конструкцию, стоящую на железобетонной ножке, закрытой длинным коробом, сделанным уже здесь вручную из разномастных кусков железа, носящих следы множественных пулевых отверстий. Внешние ступени вышки, предназначенные для удобного подъема и спуска, были в большинстве своем разрушены, и очевидно, лестница для подъема была установлена между железобетонной ножкой и прикрывающим лестницу непрозрачным коробом. Даже ему, ученому из Янтаря, было понятно, что идти по широкой, открытой для прострела лестнице, да еще на фоне неба в условиях обстрела было глупо, и еще не видя рабочей внутренней лестницы, он знал, где ее искать. Здесь некробиолог не стал сдерживать в себе здоровое любопытство и, на всякий случай пройдя к вышке не по прямой, а по натоптаным дорожкам, вошел в темноту короба внутренней части конструкции. Прострелянные железные щиты, скрывающие передвижение человека от постороннего взгляда, создавали иллюзию звездного неба, в котором в свете лучей вечеряющего неба плавали и кружились шевелимые сквозняком пылинки. Трофим схватился за толстые железные ступени вертикальной лестницы и полез вверх. Боец, почувствовав вибрацию поднимающегося человека, открыл люк и осветил ползущего по лестнице, удостоверился в личности поднимающегося, оставил люк открытым. Через минуту ученый был уже наверху, вступая, как это ни странно, в теплый воздух вышки.

Его встретил одетый в полнокомплектную броню, крепкий розовощекий боец с нарисованной маркером гармонью на шлеме.

– Здорово, Док, – протянул руку сталкер. – Я Баян. Что, посмотреть захотелось? – улыбнулся он.

– Да. Не мешаю?

– Нет, не мешаешь. Сейчас тихо, можно и поболтать. Все, кто тут впервой, ко мне лезут. Не на переднюю, не на угловые, а сюда, на центральную, – сталкер указал на один из мешков с песком, лежащий на полу. – Присаживайся, нечего на фоне неба отсвечивать. Сохатый не дремлет, может и целить. Стрельнет, и нет Дока, а мне потом выговор, и вообще перед Гипсом неудобно.

– Ага, – быстро сел на мешок Трофим. Теперь его голова была чуть выше расставленных квадратом мешков с песком, и выцелить снизу его было практически невозможно.

– Ну, рассказывай, как тебе ребята, как кадры наши, сам что надумал? – спросил Баян, включая электрический чайник в розетку.

– О! – удивился Трофим. – У вас и здесь электричество есть.

– А как же, – не без самодовольства ответил Баян, – у нас тут с электричеством вообще порядок. Сейчас чайку сообразим, повечеряем... Это, знаешь, милое дело, я вот сейчас вижу, облака к вечеру разойдутся, может и солнышко помотришь. У вас на Янтаре такого, небось, нету?

– Не-а, – качнул головой Трофим, – а это что? – спросил он, указав на синий полупрозрачный подрагивающий предмет, привязанный веревочкой к стулу.

– Это обогреватель наш, из «капли» сделан, удобная штука. Ни дыма, ни огня, только тепло. Правда, настраивается всего один раз и потом так и работает. Так что если его в комнату взять, перегреемся, а тут на сквозняке в самый раз. Веревочкой его привязал, чтобы не выпнуть случайно, а то всякое бывает. Вон как-то сохатые начали пуляться, я залег, а он вылетел, ну случайно получилось, так я потом тут лежал мерз как цуцик, нам же снайперам двигаться нельзя, работа ответственная. С тех пор так, на веревочке.

Трофим с уважением посмотрел на СВД, лежащую вдоль одного из бортов гнезда. От оружия, имевшего матовый черный цвет, веяло суровым холодом, кажущимся неподходящим для этого гостеприимного сталкера. В это время щелкнул чайник, и Баян, достав из тумбочки кружки, заварочный чайник, конфеты, поставил это все на крышку люка, к которой, как оказалось, были приделаны складные алюминиевые ножки, превращающие его в столик. Небо постепенно темнело, Трофим рассказывал о жизни на Янтаре, о своих отношениях с должовцами, Баян между тем слушал внимательно. Кое-кого из должовцев он знал ранее, когда в прошлом ходил одиночкой, и спрашивал о них, но тут уже ученому нечего было ответить, потому что не знал их. Плавно и неувлимо солнце клонилось к закату, раздавливая своим весом тонкие

облака. Баян достал из тумбочки пузырек с прозрачной жидкостью и поставил один граненый стакан.

– Баян, ты же на посту, – заметил Трофим.

– Так это я не себе, мне не можно, это тебе, – сказал он, наливая чуть меньше половины.

– Я особо не пью, – попытался отказаться гость.

– Я тебе не пить предлагаю, а попробовать. Это водка на «волчьей слезе», вот гляди, – он указал пальцем на доннышко бутылки, где перекачивались несколько черных бусинок, похожих на яблочные косточки, – ты такую не пробовал, это специальный заказ. Давай, – он подал Трофиму стакан.

Трофим уже устал удивляться и даже не стал спрашивать, что за «волчьи слезы», что за волк, почему он плакал и вообще что все это значит. Специальный заказ – значит специальный заказ, травить не будут.

– Ну давай, – согласился Трофим, принимая стакан.

– Вот... – одобрительно прогудел Баян, – закусывать ее не надо, так пробуй, – и, заметив сомнение в глазах некробиолога, рассмеялся, – в крайнем случае вот тебе конфетка зеленая, ароматная, занюхаешь. Давай, за знакомство.

– Ну что ж... будем знакомы, – сказал Трофим и, выдохнув, опрокинул в себя стакан.

Вкуса вначале не было, запах был уловимый, спиртовой. Трофим с интересом посмотрел на пустой стакан. Через секунду словно ударил колокол, в глазах задвоилось, полетели серые мушки, повело в сторону.

– Ого, – негромко сказал Трофим, чувствуя, как закачалась вышка.

– Подожди, сейчас пройдет, а потом на закат полюбуемся, – подмигнул Баян.

Действительно постепенно шум в ушах затих, качание в ногах и двоение в глазах прекратилось, так же, как и пропали серые мушки. Воздух стал чистым и прозрачным, предметы четкими и выпуклыми. Удостоверившись, что Док пришел в себя, сталкер развернул его в сторону заходящего солнца.

– Вот теперь полюбуйся!

Уходящее за горизонт солнце оставляло позади себя долгий расплывчатый красно-оранжевый цвет, с сотнями переливов, танцующих и играющих между собой глубокими красками. Нежно-зеленые облака, нанизанные оранжевыми лучами светила, невозмутимо катясь по небу, проходили над головой, темнея, и уже на востоке становились холодно-синими, цвета холодного ветра и замерзающего моря. Виднеющийся в отдалении лес с едва шевелящимися деревьями прощально махал вслед уходящему солнцу в ожидании холодной ночи. Далекый, печальный и прекрасный вой слепого пса, зависший на одной высокой ноте, подхваченный еще несколькими голосами, пел прощальную песню. Картина вмиг овладела Трофимом, влилась в него каждой каплей света и оттенка, каждым звуком и запахом, объемно и глубоко поднимая восторг и вышибая слезу.

– Господи, как красиво, – расплакался Трофим, – Баян...

это, это же просто волшебство! – вытирая слезы счастья, сказал он.

– Это волшебство, да... и немного волчьих слез, – прокомментировал Баян.

Еще несколько минут счастья, в течение которых Трофим, как малолетний ссыкун, испытывал дикий восторг по поводу всего. Но наконец его отпустило, он смог успокоиться и взять себя в руки.

– Блин, Баян, ты мне больше этого не наливай, фух... – чувствуя облегчение и душевную легкость, попросил Трофим, – не по-мужски получается. Стыдно, блин.

– Нет, Док, не скажи. Это верное средство от страха. Не от испуга, а от хронического страха, ну ты в Зоне мало был, ты, наверное, не знаешь, как сталкера нашего она ломать может, если жуть ее какая в душу заглянет, да своим поделится. Так что вещь ценная, и стыдиться тут нечего, Док, – спокойно ответил Баян. – Я такие вещи очень приветствую, душа, она же прекрасного требует, так что волчьи слезы любой сталкер для себя оставит, ну и ты, если что найдешь, мне подкинь, мало ли, где встретятся.

– А где их искать?

– Они после тумана остаются, но не после каждого. Тут же в Зоне как? Любая аномалия дает защиту от нее – артефакт. Не полную, но хоть какую-то, как это... рези... резистентность дает. Есть такие туманы, к которым даже приближаться страшно, вот после них и можно найти волчью слезу. Но

найти сложно, надо мордой в землю искать, они ж мелкие все. Это ребята если где залягут, случайно находят, так что ты тоже знай.

– Хорошо, Баян, найду – подберу. Ну... я пойду, что ли? – засобирился Трофим.

– Ага, давай, Док, удачи. Тут по лесенке держись крепче, а то темно.

Сталкер убрал столик, открывая проход вниз. Трофим махнул рукой и исчез в темном проеме. Оказавшись внизу на земле, он поежился от холода, совсем забыв о том, что снаружи сильно похолодало. Сориентировавшись, он двинулся было к себе, но возле одного костра звенела гитара, и Трофим, все еще находясь под действием «волчьих слез», не смог устоять перед душевным порывом и двинулся к сталкерам. Тех сидело шесть человек возле костра, все зашитые в броню, при оружии, но без шлемов. Пахло жареным мясом от жарящихся на нескольких вертелах кусков, коноплей и сигаретами.

– Здравствуйте, – поздоровался он, подергиваясь от пробирающего озноба.

– Здорово, мужик, – раздалось несколько голосов. – Говори, что хотел?

– Да я... к себе шел, а у вас тут гитара... Вот я и зашел, – признался он.

– Зашел, так зашел, – прогудел один. – Полулитра есть?

– Нету, – сконфузился Трофим.

– Так ты это... ты же кадровый у нас? Ты этот новенький с Янтаря? Док? – спросил сталкер с гитарой и с сигаретой в зубах.

– Да я, – пытаюсь узнать спрашивающего в свете костра, ответил ученый.

– А ну, тогда, Док, беги в бар, возьми сигарет, прозрачного, сколько не жалко, и сока какого-нибудь, а мы пока гитарку настроим. Ты ж кадровый, тебе в счет зарплаты всегда дадут. Возьмешь?

– Конечно, – обрадовался Трофим.

– Давай провожу, – басовито предложил один из сталкеров, – а то не положено кадру за таким в одиночку ходить. Я Жук, – представился он, – щас вернемся, с остальными познакомлю. Мохнатый, дай куртей, что ли! Не видишь, человек мерзнет, – прикрикнул он на одного из сталкеров.

Тот быстро достал откуда-то плотную куртку с воротником из хвоста псевдособаки, и куртка тотчас была водружена на Трофима.

– Пошли, Док, – сказал Жук и уверенно пошел к бару, подсвечивая дорогу налобным фонарем.

Через десять минут они вернулись нагруженные тремя бутылками водки, блоком сигарет, литром яблочного сока и двумя рыбными консервами. Мясо на костре жарилось, испуская дивный аромат в морозном холоде. Первые пол-литра они выпили сразу, разлив все по стаканам за знакомство.

– Вот теперь можно и знакомиться, – вытерев усы, важ-

но сказал Жук. – Это Гитара, – указал он на сталкера с музыкальным инструментом, – все вопросы по аранжировке к нему, – Гитара приветственно поднял руку, накручивая колонок гитары, от чего встревоженная секунду ранее струна повышала тон. – Это Серый, это Мохнатый, потому что мы его видели, это Чердак – лихой парень, к нему надо с осторожностью. Это Баку, потому что он из Баку. Вот... вроде все.

Каждый сталкер, кто был по ту сторону костра, поднимал руку, а сидящие ближе к Трофиму Баку и Чердак поздоровались рукопожатием.

– Ну-с, господа сталкеры, как там наша плоть, поспела? – потирая руки и присаживаясь, спросил Жук. – Давай кадра потчевать, он, небось, у себя на Янтаре, кроме консервы, ничего и не ел.

– Ну почему, – возразил Трофим, – у нас мясо завозят, свежее.

– Не, Док, то, что завозят, – это так себе. Ты вот на... – Жук отрезал от чего-то кусок и положил его на дощечку, – на вот это попробуй. Это язык плоти.

– Что той самой плоти? – пытаюсь в свете костра разглядеть текстуру и очертания куска мяса.

– Ну я по именам всех не знаю, той самой или не той, но плоти точно. Серый подстрелил сегодня, специально на ужин. Молоденькая, страстная, – Жук расхохотался.

Негромко и ладно заиграла гитара. Трофим, разогретый первыми стаканами и толком не евший весь день, плюнул на

все предубеждения о радиоактивном мясе и о неизвестных точно причинах мутации и запустил зубы в горячий кусок мяса. Сочное, нежное, жирно, полное сока, приправленное и посоленное как надо, оно вызвало у него непроизвольный стон наслаждения.

– О!! – восхитился Жук. – Заценил кадр свининку! Давай за кулинарию, – он разлил еще по стаканам.

Сталкеры чокнулись, разговорились. Завораживающе играла музыка в свете костра. Дымящееся и исходящее паром и запахом мясо плоти, регулярно подаваемое ему на дощечку Жуком, специально из разных мест, от бедра, ребрышко, спинка, щеки, каждый раз вызывало у Трофима неподдельный восторг. Затем Трофим уже по собственной инициативе сходил с Жуком еще за тремя полулитрами, затем со сталкерами пел песни, затем спорил с кем-то из них по поводу зомбированных, не помня точно сути спора, затем вошел в понимание местного юмора и как сумасшедший хохотал от местных бородатых анекдотов, которые сталкеры, видя реакцию Дока, охотно рассказывали, даже на ходу показывая сценки. Потом пришли еще какие-то сталкеры, стало теснее. Потом, далеко за полночь, сталкеры поспорили между собой, съест ли Док малый глаз плоти, а Трофим, которому уже и море было по колено, приказал подать этот глаз сюда. Для такого случая пришлось уже всем табором идти еще за сколькими-то полулитрами, смочив глаз в стакане, Док мужественно пытался раскусить его плотную, скользкую обо-

лочку. Наконец, глаз перестал выскальзывать у него между челюстями и он, брызгая жидкостью, разжевал его. После чего выдал некий витиеватый тост, за смелость и дружбу, и как сказал Гитара, огласив общее мнение: «Ни фи́га не понял, но интересно было просто капец». Затем он опять орал песни, обнявшись, а точнее, повиснув на Баку, после, уже когда сами сталкеры начали клевать носом и раскладывать пенки, он начал призывать всех поймать и пожарить еще одну плоть, даже хватался за чей-то автомат и пытался пройти через мост в открытую Зону, но бойцы умудрились уgomонить его и под руки унесли в комнату, где благополучно и слезно попрощавшись, проследили, чтобы он уснул на кровати. После чего уже сами свободовцы, поддерживая друг друга, через силь ву пле, уступая друг другу дорогу на каждом лестничном пролете и перед каждой дверью, добрались-таки до затухающего костра, где под светлеющим с востока небом завалились спать.

Следующий день Трофим встретил уже с обеда. Ожидая дикое похмелье, он даже растерялся, когда понял вдруг, что голова не болит, не мутит, и вообще, кроме небольшой слабости, нет никаких последствий. Вернувшись к кострищу, он никого не обнаружил, даже бутылок. Очевидно, бойцы убрали все за собой и уже двинули по своим делам. Несколько озадаченный, он прошел в бар, где Товарищ рассказал ему еще несколько моментов, совершенно выпавших у Трофим из памяти. Главным из которых было то, что в баре си-

дел Гипс, и когда Трофим очередной раз заходил за водкой, он пообещал сегодня предоставить список оборудования для лаборатории. Быстро поев, Трофим на листке блокнота бармена написал список необходимого ему оборудования, пытаясь понять, как такое можно будет протащить сюда, в Зону. Мало того что это достаточно габаритные ящики, так еще, насколько он знал, они были все практически штучные и пронумерованы индивидуально. К примеру, его сверхмощный и сверхсовременный электронный 3Д-микроскоп имел заводской номер одиннадцать, а всеволновой спектрометр имел номер двадцать. Подумав, он вычеркнул из списка три наименования, без которых в принципе можно было обойтись, и, сунув листочек в карман куртки, очевидно, уже подаренной ему после вчерашнего, скорым шагом двинулся к Гипсу, в одно из двухэтажных строений.

Гипс сидел, задумавшись, над картой, когда Трофим постучал и зашел к нему. Поздоровавшись, Трофим положил листочек ему на стол.

– Принес? Хорошо, – Гипс прочитал, не особо вчитываясь в названия. – В течение недели будет, – сказал он, хмуро возвращаясь к карте.

– Да?! – удивился Трофим. Насколько он знал, такое оборудование, пусть и не все, но, как правило, делалось на заказ, и сборка с доставкой занимала в лучшем случае месяц. – Можно вопрос?

– Спрашивай, Док, – не поднимая головы, сказал сталкер.

– Это дорогое оборудование, и его делают под заказ, разве можно за неделю завезти его с Большой Земли?

– А что его тащить с Янтаря-то? Прилетит на вертолете и все. Площадка вертолетная готова у нас, карта пролета есть, ну проверим еще квадрокоптерами на всякий случай... Дней за пять, наверное, поставим. Кстати, место выбрал для себя? – спросил Гипс.

– Место выбрал, в первом ангаре справа, только тамхлама навалено много, – покачал головой Трофим, недоумевая, как можно привезти оборудование с Янтаря. – Я только не понял, как с Янтаря?

– Как, как, – откинулся на спинку стула сталкер, оценивая взглядом Трофима, словно определяя, можно ему рассказывать или нет, но потом, видимо, сделал вывод. – Мы с кураторами этой твоей бывшей богадельни подружились там, на Большой Земле, и тут на местах кое с кем водимся. Мы им открытия, изобретения, они нам то, что нам нужно, сейчас оборудование в обмен попросим. Придется им пару козырей приоткрыть, ну что ж, думаю, оно того стоит.

– Да? – очередной раз глупо удивился Трофим.

– Ну, конечно, Док. Ты как будто не знаешь, какие гранты они за каждую безделицу получают. Запиливают промеж своих за милую душу, а вам там, на Янтаре, крохи переппадают. Что ты как маленький, – сталкер посмотрел еще раз на бумажку. – Тут придется что-то посущественней предложить, и, наверное, не одно. Вот, Док, смотри, – Гипс встал и

прошел к шкафу, где стояли папки с документами. Он достал одну из папок и открыл, – вот блок питания для экзоскелета, здесь, – он пролистнул несколько листов, – здесь показывается, какие артефакты, в какой пропорции и в каком порядке смешиваются, укладываются, в каком корпусе, какие клеммы... Все до мелочей, это же наше изобретение. Мы его выгодно поменяли, ты думаешь, кто бы нам составляющие на экзоскелеты поставлял?

– Не знаю...

– Вояки-то и поставляют, а почему они поставляют? Потому что есть люди, заинтересованные в нашей деятельности. Мы этим людям регулярно поставляем хабар, а они поставляют нам запчасти. Оставляют груз и скидывают координаты. Ты думаешь, почему они на вертолетах нет-нет да и залетают в Зону? Что им тут надо? Их дело – периметр охранять, с заборов по свинкам да собачкам стрелять, а не тут летать.

– Понял, – тихо ответил Трофим, очередной раз понимая, что в этой огороженной бетоном, колючей проволокой и пулеметами территории заинтересованы очень крупные игроки с Большой Земли.

– Ну понял, и хорошо, – кивнул Гипс. – Значит, теперь можешь приступить к подготовке своей лаборатории.

– Так там...

– Знаю, знаю, железо, шлакоблоки, доска. Все это убирается. Иди к Ковалю, он тебе поможет, там до вечера управ-

вишься. Вопросы?

– Нет вопросов, – неуверенно сказал ученый, с трудом представляя, как он с Ковалем управится с горами завалов в ангаре. Но если Гипс сказал, значит, наверное, понимает, о чем идет речь.

– Ну тогда давай, Док, действуй, а мне тут подумать надо. Ходоки наши пропали в километре от Рыжего, мужики думают, что Долг бесится, проверяют.

Гипс снова сел за стол с картой и взял разметочный циркуль в руку, отмеряя расстояния от известных ему точек, соображая, где могут пройти и лучше всего перехватить долговцев, сорвавших злость за провал на Пепелище на ушедших за артефактами сталкерах. Трофим вышел из кабинета, негромко прикрыв дверь. Он только сейчас заметил двух бойцов в экзоскелетах, дежуривших в обоих концах коридора, замерших каменными изваяниями и холодно поблескивающих окулярами. Минут через пять Трофим был у Коваля. Тот сидел позади уже собранного экзоскелета Грома, которого могут переименовать в Нюхача, и позвякивал инструментом, протягивая соединения.

– Коваль, привет, я к тебе, – поздоровался Трофим, перешагивая через растянутые по полу провода.

– Здорово, Док, – крутя трещоткой винт, поприветствовал сталкер, не вынимая не зажженной сигареты изо рта. – Что у тебя?

Вся квадратная мастерская Коваля была тускло освещена

вдоль стен, слабо освещались верстаки и стеллажи с железом и инструментом, зато несколько мощных ламп било в центр, где трудился в настоящее время мастер. Такая, видимо, была его прихоть, и, как известно, хозяин – барин.

– Мне Гипс сказал, что ты поможешь мне там в правой части место под лабораторию расчистить.

– Помогу? – изумился Коваль. – Нет, Док. У меня на это времени нет.

– Так как же я сам? – расстроился Трофим. – Оно же тяжелое.

– Тяжелого на базе нет, пока живой эк-зо-ске-лет! – по слогам, с усилием закручивая последний винт, сказал мастер. – Фу-х, чуть не сорвал, но момент надо соблюдать! Мы сейчас одну штуку сделаем, Док, – прикуривая, сказал он. – Тут у меня есть одна старенькая модель. Первый экзоскелет Свободы. Брони на ней, как против ядерного взрыва, но и минусов полно, сейчас такие не нужны. Ты полезешь в нее, а я ее на тебе откалибрую. Как раз спокойные погрузочно-разгрузочные работы на этом старичке и возможны.

– Да я не умею в нем, я, конечно, не против, но...

– Ерунда. Это старенькая модель, простенькая, но надежная. Поршни в гидроцилиндрах у него в диаметре большие, не то, что в последних моделях, там поршеньки во... – он с презрением показал кончик указательного пальца. – Правда, за счет этого скорость выше, но нам скорость не главное. Можно, конечно, и этого старичка бегать научить, но

тогда поток раз в два увеличить надо, это еще один насос ставить, это веса и размера добавит, и батарейки опять куда втыкать... Короче, Док, скидывай куртей и полезай в скорлупку. – Коваль встал и подошел к чему-то, завешенному синим покрывалом. Одной рукой он сдернул его, подняв пыль, и обнажил песочно-серый экзоскелет. Неказистый и широкий, по сравнению с современными конструкциями экзоскелетов, которые казались верхом изящества боевой машины. – Скорлупа здесь по старинке сделана, где надо и где не надо, перекрывает, тяжесть только лишняя. Я тебе все покажу, пока подключенным походишь, – сказал он и, отсоединив кабель от экзоскелета Грома, пошел к старой модели, где, нащупав разъем, с видимым усилием вставил штекер, и, вынув сигарету изо рта, удовлетворенно выпустил клуб дыма в замигавший экран прибора в его руках.

Трофим скинул куртку. Покрашенный в песочно-серое экзоскелет, состоящий из двух половин, передней и задней, скрипнул засовами и разошелся, обнажив потертые внутренности из серого искусственного материала. Кое-где подкладка была вспорота и зашита, в некоторых местах торчали черные пятаки датчиков. Трофим несмело пролез внутрь, просовывая руки и ноги в соответствующие места. Перед его лицом появилось мутноватое стекло маски, под которой находились лампочки, кратковременно проецирующие соответственные обозначения на внутреннюю часть стекла. Вид через стекло был непривычен и неудобен, Трофим перестал

видеть, что делается внизу, вверху и по бокам.

– Надо было тебе в заднюю половину вставать. А ладно, – дымя сигаретой, сказал Коваль, – мы и так можем, – и нажал на кнопку.

Ученый не успел ответить, весь обратившись в ощущения. Задняя половина плавно подтянулась к передней и с едва заметным звуком сомкнулась с передней, отсекая наружные звуки. Тот час включилась подача воздуха, своим шипением заглушающая постукивание затягивающихся автоматически засовов. Перед глазами, чуть ниже привычного, возник Коваль с коробкой в руке. Дисплей коробки светился зеленым.

– Слышишь меня? – спросил он.

Голос его звучал звонко во внутренних динамиках шлема.

– Да, – ответил Трофим, слыша, как его голос поменял тональность.

– Так, – выбрасывая окурок в сторону, протянул Коваль, – это снимаем, это тебе не нужно, – он протянул руку и, подергав снаружи за что-то, снял маску. – Так давай присядь и руками в стороны, – скомандовал он.

Трофим попробовал присесть, но получилось не очень, экзоскелет застыл на полпути. Руки развести полностью в стороны тоже не получилось.

– Щас подправим, – Коваль исчез из виду и вскоре появился с большим гаечным ключом. – Ручки и ножки у тебя короткие, Док, коленки и локотки не контактат там, где должны. Сейчас я подкручу, это быстро.

Он несколько минут подкручивал ноги, Трофим почувствовал, что плотнее стал прилегать к подкладке нижней части тела, то же было и с руками, в какой-то момент его пальцы коснулись конца пальцев экзоскелета.

– Хорош, – крикнул он невидимому Ковалю, орудующему у него за спиной.

Тот тут же остановился.

– Так теперь давай присядь.

Трофим присел и встал с легким гудением приводов. Развел руками в стороны, помахал ими вперед и назад. Мастер все это время следил за цифрами и схемами развесовок на экране. Затем он заставил Трофима сжать кулаки, затем, сведя руки вперед, сдавить их с максимальной силой, наклоняться вперед, еще раз приседать, шагать на месте. Все это время ученый слышал, как включались перепускные клапаны на максимальном усилии, пока Коваль фиксировал и калибровал одному ему известные соленоиды, амперажи, концевики. Наконец все было готово, мастер снова появился впереди, протер маску изнутри концом своей рубашки и, испугав Трофима, резким тычком защелкнул ее на лице. На внутренней стороне стекла спроецировалось несколько синих значков и погасло. Коваль указал на открывающуюся крышку на предплечье, под которой оказался ряд кнопок с рисунками.

– Фонарь включается здесь, распаковка здесь, воздух вот, потеря масла, низкие батареи, перегрев, короткое замы-

кание, кратковременное увеличение мощности, продувка, охранная свой-чужой. В крайнем случае аварийная распаковка подбородком в шлеме, держишь десять секунд красную кнопку. Запомнил? Нет? Ну и ладно, пошли, –скомандовал он.

Трофим развернулся и двинулся вперед, ощущение было такое, как будто он шел по пояс в воде, но все-таки движения получалось делать чуть быстрее. Коваль шел за ним, держа подсоединенный кабелем короб в руках. Пара остановилась возле кучи мусора.

– Выноси на улицу, бери по малой пока, – сказал Коваль.

Трофим взял первую доску. Было удивительно смотреть, как мощная сегментированная лапа хватается за предмет и вне зависимости от его веса изымается из кучи. Единственно, что если он брался за что-то тяжелое, то экзоскелет накренялся, тогда Трофим переносил одну ногу чуть сильнее вперед, присаживался ниже, и дело спорилось. Он сам не заметил, как отсоединился и исчез Коваль. Увлечшись работой, он пару раз включал продувку для охлаждения своего тела, которое находилось в плохо проветриваемой скорлупе. Воздух подавался через фильтры и выдувался через несколько открывавшихся одновременно отверстий на броне. Он сначала жалел, что Коваль не сказал ему, как снимать маску, но, получив куском арматуры по бронированному стеклу, порадовался, что не знает, как снимать маску. Через пару часов появились Худой и Рваный, таща на буксире

из листового железа домашнюю «воронку» и совковые лопаты. К углам железного прямоугольника были приварены металлические клетки, в которых перекачивались черные, негодующие синими искрами артефакты.

– Контрольные испытания! – торжественно объявил Худой.

Оба стали лопатами забрасывать воронку мусором, оставшимся на месте расчищаемого Трофимом пространства. Ржавчина, куски металла, земля, пыль, щепы и тряпки. Воронка гудела и сминала все в небольшие цветные шары, в зависимости от того, что ей кидали. Трофим остановился отдохнуть и посмотреть на испытания парней.

– Она вроде металл, землю и все такое не принимает, – неуверенно сказал он, поняв, что именно его смущает.

– Пусть только попробует не принять, – погрозил ей кулаком Худой, – я ей так не приму, что сама себя примет, – кидая в нее обломки кирпичей, заявил он.

Кирпичи разбивались в пыль и тут же собирались в плотное, скругляющееся на глазах тело, артефакты в клетках тянулись нитями электричества к воронке, словно подпитывая ее. Воронка раз за разом выкатывала из себя шары, размером чуть больше бильярдных. Куски железа, пробиваемые нитями электричества от угловых артефактов, разогревались в красное и дымящимися шарами сразу по нескольку штук скатывались с наклоненного листа в кучу. Наконец испытания были победно завершены тем, что оба сталкера, и Худой,

дой, и Рванный, устали махать лопатами. Трофим попросил оставить утилизатор здесь, чтобы он сам мог кидать туда мусор. Пареньки кивнули и ушли, через минут десять вернулись, таща вдвоем сумасшедший агрегат, собранный из толстого лома, к которому был приварен через уголки широкий и толстый лист броневой листовой стали толщиной чуть ли не в полтора сантиметра. Это была специальная лопата для Трофима.

К позднему вечеру вся правая часть ангара была очищена от складировавшихся там материалов, вынесенных наружу и рассортированных. Мусор скормлен воронке, возле которой скопилась целая куча тяжелых пестрых шаров. Трофим победно оглядел в свете мощного налобного фонаря, который больше был прожектором, и вспомогательных прожекторов, утопленных в плечах экзоскелета, расчищенное место. Он вспомнил, что опять толком ничего не ел. Нажав кнопку распаковки, Трофим выскользнул из скорлупы, подхватил куртку, любезно оставленную ему Ковалем на крюке ангарных дверей, и, пошатываясь от усталости, с дрожью в ногах двинулся к бару, где плотно поел горячего и выпил сладчайший чай. Начав уже клевать носом, он спохватился и, поблагодарив бармена за вкусную еду, отправился к себе в комнату, где, едва раздевшись, завалился и захрапел глубоким сном честно трудившегося человека.

Глава 5. Под кронами

Высокие ели, сосны, дубы и клены внимали своими вершинами благосклонному небу и крикам ворон, в большинстве своем избегающих Рыжего леса, но сейчас вопреки обыкновению облюбовавших несколько черных деревьев, без листьев. Черное племя летунов, десятками орущих чему-то внизу и друг на друга, вдруг разом замолкло, едва на черной поляне внизу появилось движение. Два человека тащили за руки третьего волоком по земле. Его голова безвольно поникла, а серо-зеленый комбинезон с нашивкой оскалившего пасть волка на плече наполовину растегнут. Ноги в ботинках, сначала цепляющие и волокущие перед собой небольшую кучку желтых и бурых листьев, теперь горнули черную и бурую массу крошащейся старостью и гнием лесной подстилки. Дотащив тело до середины черной поляны, они бросили его рядом с еще одним и, не оборачиваясь, пошли обратно. Несколько птиц, каркнув дурными голосами, поворачивались то одним, то другим глазом, стараясь лучше разглядеть лежащих на поляне. Вот один самый решительный летун, громко каркнув, спикировал на голову стоящего внизу экзоскелета с замершим внутри человеком. Ворон, опасливо посмотрев по сторонам и коротко махнув крыльями, спикировал уже на поляну, практически не выделяясь на ней цветом. Сделав несколько осторожных шагов к лежа-

щему вниз лицом человеку, он пристально осмотрел его и подошел к голове, в волосах которой проглядывались седины. Осторожно вытянув голову, он легонько прихватил его за ухо и тут же, коротко хлопнув крыльями, отскочил в сторону, ожидая реакции двуногого. Тело не реагировало. Осмелев, ворон подошел еще раз и на этот раз сильнее долбанул в ухо, боязливо присев и чуть расправив крылья для прыжка в сторону. По-прежнему никакой реакции. Еще несколько ворон спикировало сверху, на последнем взмахе крыла тревожа измельченную чернь мертвой листвы, устилающей поляну. Первый ворон громко и уверенно каркнул и принялся за работу, острым клювом ударяя лежащего в ухо и отчаянно дергая. Эти пожиратели падали всегда знали, где и когда можно поживиться, они находили и безошибочно определяли трупы даже в тумане, прекрасно отделяли раненого мутанта от мертвого и притаившегося, сколько бы часов неподвижно он ни просидел, но тут они просчитались. Глухо застонав, тело перевернулось, показав лицо, на котором ржавыми отметинами проступали новые, незнакомые ранее воронам пятна. Заорав, падальщики забили крыльями и взлетели, стремительно набирая высоту, чтобы больше никогда не возвращаться на это место.

Человек в экзоскелете зашевелился, приходя в себя. Еще через минуту экзоскелет, зашуршав и защелкав приводами, раскрылся на две половины, оставив стоящего и покачивающегося от слабости Овода. Овод, казалось, все это время

был с открытыми глазами, но только сейчас он смог видеть и понимать. После того как медицинский блок выпустил в него все противовирусные препараты и сообщил об этом, он понял, что оказался заражен. Но сейчас его это не волновало. Тело практически не чувствовало боли, но тупая, настырная незнакомая ранее жажда заставляла его трястись. Он увидел два человеческих тела на земле, показавшихся ему чем-то близким и знакомым, но задерживаться он не мог, он даже не попытался искать ПДА или оружие, поскольку жажда, подавляющая разум и волю, требовала большего. Овод сделал несколько шагов, получившихся довольно уверенными, инстинктивно он пошел от черной поляны, окруженной черными деревьями, не оттого, что она ему не нравилась, а оттого, что то ощущение, которое проросло в нем и именуемое жаждой, требовало другого. Поляна закончилась через десяток метров, и он вышел на желтую подстилку, из которой росли и тонкие деревца, и мощные гиганты, закрывающие собой все небо над ним. Отовсюду несло ощущение прохлады и того самого, чего не хватало ему сейчас и так настойчиво требовало удовлетворения. Не понимая, что он делает, он прислонился к ближайшему дереву, небольшому клену, толщиной с человеческую ногу. Обнял его, закрывая глаза от блаженства, чувствуя, как проходящая через дерево прохлада, уходящая в землю и вместе с деревом поднимающаяся вверх, струится к нему, проникая через кожу внутрь, успокаивая настырное и мучающее ощущение. Вдруг поток

прохлады остановился. Овод недоуменно открыл глаза. Вместо крепкого молодого клена он обнимал рассохшуюся черную древесину, с мертвой корой и появляющимися на глазах трещинами. Отступив на шаг, он увидел еще одно дерево, стоявшее рядом, с проходящей по нему прохладой. Прижался. Снова облегчение, снова поток нежной прохлады начал остужать его, но тут же прервался, оставив Овода в смятении. Он открыл глаза, снова черное дерево перед ним, от кончиков корней до самых верхних листьев, он был уверен, что только что оно было живое. Все еще чувствуя жажду, но также и некоторое облегчение, он подошел к огромному исполинскому дубу, пышущему здоровьем, мощью и той самой успокаивающей и несущей ему радость энергией. Дерево было настолько огромным, что, даже разведя обе руки в стороны, он не смог обнять и половину его толстого ствола. Прикинув к грубой, шершавой темной коре, он закрыл глаза, чувствуя, как приятно восстанавливаются и заряжаются клетки его тела. Совершенно новое, но ставшее вдруг естественным ощущение. Почти минуту он нежился в успокаивающем его потоке, чувствуя, как постепенно мельчает и пустеет река вливавшейся в него жизни. Овод открыл глаза. Словно под черным снегопадом стоял он, осыпaeмый черными, хрупкими листьями мертвого дуба, с едва слышимым перестукиванием черные мертвые желуди, больше никогда не родящие ни ростка, сыпались вниз, ударяясь о ветки дерева. Но жажда, наконец, ушла, оставив равнодушие. Овод

поднял глаза, напротив него стоял Ржавый. Что-то поменялось в этот момент. Ржавый больше не казался ужасным, чудовищным существом, он не казался ни чужим, ни далеким, он казался своим. Уже не хотелось узнать, кто он и откуда, это было не нужно, главное, что ему можно было доверять так же, как и себе, и если Овод все еще считал себя человеком, пусть даже не задумываясь об этом, то Ржавый был его старшим братом, исполненным мудрости и силы. Мимо прошли еще двое... братьев с пятнами на лице, отметинами братства, волоча за руки бойца с нашивкой волка на плече, таща его к черной поляне, откуда вышел следующий брат, безумно сотрясаясь от жажды, он прижался к крепкой сосне. Дерево в его объятьях через секунды затрещало ссыхающимися веточками, зашелестело отлетающей вниз хвоей, почернело и умерло. Брат сделал несколько шагов к другому дереву и жадно припал к нему, зажмурил глаза и вдыхая жизнь Рыжего леса.

Где-то возле бункера Янтарь, в неприметной лощине с прямоугольным металлическим люком, открывающимся внутрь, проявилось оживление. Люк открылся, ссыпав внутрь с десятков мелких листьев, недавно брошенных деревьями или принесенными ветром. Из люка вышло несколько зомби, вполне подвижных и осторожных. Их заштопанные серым веществом раны практически не отличались от бледного цвета кожи. Глаза с размытыми крупными зрачка-

ми в проникающем сквозь редковатую листву небольших деревьев рассеянном свете не казались мертвыми и неподвижными. Двое из пяти мертвецов, осторожно, низко пригибаясь, заняли позицию для осмотра окружающей их территории. Еще три мертвеца, все одетые в легкую одежду, которая у сталкеров должна была прикрываться броней или плотной курткой, замерли у люка, ожидая знака от наблюдающих за внешним полем зомби. На всех были нашиты оранжевые квадраты, говорящие всякому сталкеру и долговцу о том, что объект находится под наблюдением ученых из Янтаря, обезоружен, отмечен, стрелять в него запрещено и не имеет смысла. Дождавшись сигнала от наблюдающих, троица, в динамике движения ничем не отличающаяся от динамики живого человека, выбралась наружу, где вдруг, как по команде, превратилась в неуклюжие и медлительные объекты, двинулась по выбранным направлениям. Наблюдающие остались на позициях. Спустя два часа вернулся первый из вышедших, ведя за собой сломанных, изорванных посмертными ранами, которые не в силах был заштопать вирус, мертвецов. Страшная, стонущая и спотыкающаяся группа, с остатками амуниции, кое-как вооруженная неухоженным, а потому ненадежным оружием, встала возле ложины. Ведущий их объект с отметками на одежде отыскивал глазами наблюдателя, тот кивнул, показывая, что можно двигаться. Группа, повинаясь, один за одним, стараясь, насколько это возможно, попадать по специально разложенным в листве деревьям-

кам, чтобы не оставлять следов на листве, прошла вглубь ложины, тихо и беззвучно спустилась внутрь распахнувшегося люка. Железные ставни за ними тихо затворились.

Научный комплекс Янтарь. Лаборатория номер шесть. Шесть столов, за которыми тихо сидели сотрудники в белых халатах. Негромко гудели вентиляторы мощных ноутбуков, да заведующий лабораторией Лисов Алексей Иванович задумчиво помешивал ложкой в чашке с чаем, в котором давно растворился весь сахар. Лукас Константинович и Валентин Петрович хмуро просматривали что-то на своих мониторах. Дверь распахнулась, и вошел еще один сотрудник, Берик Капезович, в брюках и свитере, единственный оставшийся полевой сотрудник, все вопросительно посмотрели на него.

– Берик, родимый, ну когда ты нам образцы принесешь? – умоляюще обратился Лукас.

Берик обреченно выдохнул и сел на свое рабочее место. Было видно, что он устал, по крайней мере, от подобных вопросов.

– Нету объектов в округе, разбежались кто куда. Ребята из Долга тоже говорят, что их сейчас меньше стало, – ответил он, накидывая на себя в сидячем положении халат. – А те, что остались, никак не выше первой категории. У нас образцов от них полный холодильник.

Алексей Иванович перестал мешать чай ложкой. Действительно, в последнее время количество появляющихся и засе-

каемых в пределах научного комплекса меченых зомби стало меньше. Ученые предположили, что маячки, которыми метили многих под кожную складку на животе, выдохлись, разрядились, и теперь мертвецы ходят, не отсвечивая для радаров, установленных специально по их душу на крыше бункера.

– Завтра прилетят новые сотрудники, добровольцы на полевые работы, два человека, – сказал Лисов, оставляя в покое ложку и беря ручку.

– Опыт хождения по Зоне есть? – спросил Берик, повернувшись к шефу.

– Опыта нет, – задумчиво ответил Лисов, понимая, что эти сотрудники будут бесполезны.

Для того чтобы получать хорошие образцы, нужен был Трофим. Только он мог выскочить из бункера в несколько минут и самостоятельно отслеживать мертвецов, на свой страх и риск следуя за ними, определяя категории, подкармливать, разговаривать. Только Трофим мог выскочить даже ночью и в одиночку по знакомой тропе, подсвечивая себе фонарем, добраться до включившегося вдруг маячка. Даже Берик, который всегда сопровождал в запланированных вылазках Трофима, не видел смысла рисковать и приближаться к объекту в одиночку, поскольку только в таком случае зомби становился более контактен.

– Сталкеров надо нанимать, – сказал Лукас. – Пусть отслеживают нам вторые и третьи категории.

– Да? А как они вторую от третьей определять будут? Набирают первых, а толку? – возразил Берик.

Сотрудники снова замолчали. С потерей Гудина их дела потеряли темп. Образцы первой категории быстро были набраны с успокоенных долговцами зомби, а зомби второй категории перестали попадаться на маяк. Опять же с уменьшением количества объектов вокруг Янтаря стало больше других мутантов, снарков, кровососов, плотей, особенно крыс. Это говорило о том, что мертвецов, освободивших эту местность, стало не только не видно, но и действительно их количество уменьшилось. Посылать сталкеров ходить, не зная куда и не зная зачем, было нецелесообразно, поскольку объекты, собираясь в кучи, нередко начинали интересоваться преследователями, в результате чего сталкеру приходилось действительно убегать. Попытка откупиться от них булкой хлеба может и срабатывала, и мертвецы не планировали убивать человека, но допускать их к себе вплотную и вообще сблизать с ними дистанцию, зная о том, что они могут здорово ослабить, не хотел никто, а таких железных шаров, чтобы проверять это на себе, не было ни у кого.

– Я ребят попросил из Долга, если увидят кого-то поцелее и пошустрее, мне сообщат, если связь в порядке будет, – сказал Берик. – Еще и к сталкерам ходил, попросил тоже, но это дело такое... Оно им особо и не надо.

– Подождем, – негромко сказал Лисов. – Я думаю, что надо дополнить статью бюджета и нанять отряд сталкеров, ко-

торых мы обучим определять объекты по категориям, брать простые анализы, метить объекты. Тут, я думаю, мне понадобится ваш опыт, Берик Капезович.

– Я, конечно, буду участвовать, – кивнул головой Берик. – А пока пойду поговорю со сталкерами, из тех, которые могут согласиться. Вспомнил, что этим, которые сейчас сидят, я ничего не говорил еще. Хорошо? – спросил он, привставая и собираясь на выход из кабинета.

– Да, поговорите, – согласился шеф и, определившись с тем, чем он будет сейчас заниматься, нажал несколько кнопок на компьютере.

Лукас и Валентин, посмотрев на шефа, снова уныло зашуршали мышками. Дверь, ведущая во вторую, третью и четвертую комнату лаборатории, отворилась, оттуда выглянул человек в спецодежде с лейблом «Интеграл» и, почесав нос рукой с гаечным ключом, спросил:

– Мы три штуки разобрали, теперь что, холодильник освобождаем?

Лисов тяжело вздохнул:

– Час от часу не легче. Лукас Константинович, займитесь, пожалуйста.

Лукас встал и вместе с Валентином пошел во внутренние комнаты перекладывать образцы четвертой категории в большой холодильник, предварительно обложив их осколками артефакта «кристалл».

– Черт-те что творится, – вздохнул Лисов. – Еще новое

оборудование не завезли, уже старое вывозят. Нет отчетов – нет почета, – еще раз вздохнул он, отодвигая ноутбук.

Между тем Берик сходил к себе в комнату, прихватил литровый пузырек «Старый Доктор» из Казахстана, сунул его в тощий рюкзак и поднялся на первый уровень. Там он благополучно напялил комбинезон и вышел наружу, под прохладный воздух Зоны. Согласно его же инициативе он должен был поговорить с сидящими тут недалеко сталкерами и попросить их участвовать в поисках зомби второй категории, а еще лучше, если бы кто-то мог найти быстро передвигающегося мертвеца, что указало бы на третью категорию объекта.

Сталкеры в пять человек сидели у костерка, занятые своими простыми делами. Готовили к обеду еду и травили байки. Поздоровавшись и пожелав всем приятного аппетита, Берик подсел рядом, выделяясь завидным комбинезоном высшей степени защиты Сева. Сталкеры без особого энтузиазма подвинулись, пустив его в круг.

– Ну, рассказывай, наука, чего пришел, – сказал один из них по прозвищу Лихо, чье лицо, грубое и обветренное, с каким-то скрытым звериным оскалом выдавало в нем диковатого и лихого мужика.

Поняв, что сталкеры готовы его слушать, а ведь могли и, не спрашивая, просто игнорировать, Берик взял слово.

– Мужики, я к вам по делу, – сказал он, поставив пузырек на видное место.

Один из сталкеров тут же взял пузырек, осмотрел его, да-

же поскоблил грубым грязным ногтем голубую этикетку и с хрустом сорвал крышку.

– Ну, я смотрю, дипломатия у вас есть, – улыбнулся Лихо, доставая железную кружку и ставя на дощечку, которая временно исполняла роль стола.

Доска, в свою очередь, покоилась на баллоне, возвышаясь над землей. Тут же на доске появилась открытая банка тушенки, хлеб и пустая кружка для гостя. Сталкер – народ не глупый. Если наука вышла сама, да еще и с пузырьком, значит, ей действительно что-то надо, а это будет в перспективе чего-то ей стоить, надо будет выяснить обстоятельно, что и как, а для этого нужно толково и начистоту поговорить. А как можно поговорить начистоту? Конечно, только после стандартной процедуры знакомства, кроме того, где одна, там и вторая, и с науки точно не убудет, если она, тут ведь ей недалеко, сбегает еще за одной. Негромко булькнув по маленькой в шесть кружек, мужички чокнулись. Лихо перечислил всех, но поскольку наука не смогла всех сразу запомнить, она запомнила только двоих: Кроху, потому что он был меньше всех, и Липу, с виду ничем не отличавшегося от других, но почему-то все равно запомнившегося.

Занюхав хлебешком мягкую водочку, Берик сделал паузу, пока остальные оценят продукт.

– Мужики, я из шестой лаборатории. Некробиология. Нам нужна информация.

– Некробиолог, это по кадаврам, что ли? – спросил один.

– Да, по ним, – кивнул ученый, вспоминая, что некоторые сталкеры так кличут мертвецов. – Потеряли что-то мы своих объектов, найти не можем. Вот нужно, чтобы кто-нибудь нам нашел, но не простых, а таких... поцелее, – сказал Берик, обводя присутствующих глазами. – Самый ценный был бы тот, который двигается как живой. Это по-нашему третья категория.

– И?.. – многозначительно спросил Лихо, делая знак разливающему.

Пузырек снова наклонился и разбулькал жидкость по кружкам.

– И... было бы хорошо, если бы кто-то из вас смог бы обездвигить, но не убивать его и взять пару образцов, э... кусочков органов, – пояснил и подытожил ученый, беря подаваемую кружку.

Сталкеры еще раз приподняли кружки. Выпив и закусив, Лихо провел широкой грубой ладонью по губам, как будто убирая крошки.

– Ну ты, Берик, конечно, загнул. Во-первых, мы люди занятые. Сколько нам нужно времени, чтобы твоих зомби отыскивать? Это же надо еще и найти, а потом еще и посмотреть, может ли он хорошо двигаться. А это еще больше времени, а время – деньги. Согласен?

Берик кивнул.

– Во-вторых, обездвигить и не убивать трупа – это подвиг, который мы может и совершим, а вот как с него взять

орган? Это же подходить надо, а он же, даже не трогая, нас, сталкеров, в седину вгоняет. Опять же здоровье гробится, а это бесценно. Не, не пойдет, – покачал головой сталкер, ставя кружку на стол.

– Ну тогда мы сами возьмем образцы, а вы только обездвигите, – с надеждой предложил Берик, взяв пузырек в руки и наливая всем в тару.

– Обездвигить, говоришь? – переспросил неторопливо Лихо, глядя на действия ученого. – Нет, наука, ты не обижайся, но сейчас к зомби желающих лезть ты не найдешь. Правда, мужики? – обратился он к остальным.

Сталкеры согласно загудели. Зомби не являлись особо опасными тварями, если их не трогать, а вот возиться с ними было крайне непредсказуемым занятием. Берик расстроено опустил руки.

– Да ты, наука, не переживай. Если я скажу, где ты можешь найти своих этих объектов, то какой мой интерес? – спросил сталкер, принимая кружку.

– И много их там? – разочарованно спросил ученый, поскольку вероятность объекта второй и третьей категории была один к нескольким десяткам.

– Штук двадцать, тридцать, а может и больше... Я всех не считал, но место, куда они хоронятся, могу показать. Не бесплатно, конечно, – хмыкнул он, испытывающее глядя на собеседника, стоящего напротив него за подвижным пламенем костерка.

– Двадцать, тридцать? – ошеломленно переспросил ученый.

Конечно, такое объясняет многое, очень многое. И если они находятся там в таком количестве, то наверняка среди них будут носители самой высокоразвитой колонии вируса. Как они уже заметили ранее с Трофимом на Пепелище, колонии образовывали сверхколонии, а это он как раз совершенно выпустил из виду, не связывая исчезновение объектов с такой возможностью. Такая информация была крайне ценна для лаборатории.

– Да за такую информацию лаборатория отвалит... – начал Берик, прикидывая, какую сумму можно будет предложить сталкеру.

Но Лихо уже стоял рядом и, приобняв Берика, остановил его.

– Мужики, ничего личного, просто бизнес, – сказал он сталкерам, держа в одной руке кружку со спиртным, а другой направляя ученого в сторону, причем Берик также держал свою кружку в руке. Лихо отвел его подальше, чтобы никто не слышал их разговора.

Сталкер и наука несколько минут о чем-то говорили, после чего Берик закивал головой. Они чокнулись, пожали друг другу руки и на зависть другим сталкерам-одиночкам, не имеющим такой информации, двинули в бункер. Железная дверца распахнулась перед ними и захлопнулась, оставив мужиков наедине со своими мыслями.

– Мда... знание – сила, – сказал один из них, приподнимая бутылку, в которой болталась еще треть.

– Вот Лихо, третья сволочь, – сказал другой. – Все знает, везде лазает, вон уже в бункер пошел. Нас туда не пускают, а он под ручку, еще и с уговорами, небось.

– Не завидуй, – резонно ответили ему, – разливай давай. Меньше знаешь, крепче спишь.

Погрустневшая компания разлила еще по одной. К тому времени поспело горячее в котелке. Стоявшие на посту долговцы оценили, что наука ушла, следовательно, оставшиеся мужики теперь не имеют особого повода пить, нарушая неписаный порядок светового дня.

– Э, мужики, не рановато ли накидываете? Еще день на дворе, а вы тут балуете, – сказал один из долговцев.

– Начнете шуметь, пойдете за забор, – медленно и уверенно подтвердил другой.

– Нормально все будет, командир, – крикнул Липа, помавав рукой.

Минут через десять заметно повеселевший сталкер Лихо вышел вместе с ученым наружу. Ничего не говоря товарищам, он взял свой автомат и рюкзак, подмигнул разинувшим рот сталкерам и пошел за ворота. Берик последовал за ним, без рюкзака, вооруженный одним пистолетом ПМ. Стоявшие на посту долговцы в броне ПСЗ-9, видя такое, буркнули что-то в рацию, но, получив ответ, успокоились и потеряли интерес к ушедшим.

Через минут сорок уверенного сталкерского хода по исхоженной территории, что примерно равнялось полутора километрам от бункера, сталкер остановился, показывая пальцем на небольшую, ничем не отличающуюся от других ложину, с небольшими вразброс растущими осинами, тополями и карагачами. Деревья начали расти там всего несколько лет назад, и кусты, растущие между ними, еще не успели зажить и стать прозрачными.

– Вот тут, значит, Берик, у них есть лаз. Куда ведет и как ведет, я не знаю, но регулярно вижу, как отсюда выходит один, два, а возвращаются пять, шесть, – незаметно показывая пальцем, но не рукой, сказал сталкер.

Лесок стоял тихо и неподвижно. Такой же серый, как и серое небо над ним.

– А почему так тихо показываешь, незаметно, – спросил Берик, неосознанно стараясь не пялиться в лесок.

– У них там наблюдатели, увидят, что про них говорим, сорвутся еще на фиг под землю или стрельнут. Я не в курсе, я не палился, – повернувшись вообще к ложине спиной, сказал сталкер.

– Ну так мне что делать? – спросил ученый, понимая шаткость ситуации.

– Давай сейчас сделаем крюк, заляжем. Покараулим часа два, три, они как пить дать появятся. ПНВ у меня есть, если стемнеет, сам все увидишь, и по домам.

– Хорошо, – согласился Берик. – Веди.

Пара, поменяв направление, двинулась прочь, только для того, чтобы залечь на стоящем поодаль холме.

Время медленно гнало размытое облаками светило по небосводу, изредка давая ему выглянуть и осветить вечную осень Зоны, с ее роняющими листья, но все никак не облетающими до конца деревьями лесных полос и опушек, серо-зеленой травой неровных, захламленных человеческим мусором полей, и хмурыми озерцами воды стального цвета, в которых таились как остовы машин, так и людей. Терпеливо прождав до сумерек, лежа на животе, сталкер наконец толкнул Берика под бок.

– Вон, смотри. Идут.

Ученый вскинул бинокль к глазам. В наступающих сумерках, когда все и вся становится серым, он увидел растянувшуюся вереницу зомби. Впереди шел явно отмеченный ими объект, в рубашке с оранжевыми квадратами. Быстро посмотрев на ПДА и несколько раз просканировав местность на отклик маячка, внедренного в отмеченного зомби, он убедился, что сигнала нет. Недоуменно почесав скорлупу встроенного шлема, он продолжил наблюдения. Идущий первым мертвец остановился у самой кромки леска, покрывающего лощину, дожидаясь следующей за ним изорванной братии. Постояв с минуту в ожидании, он, пригнувшись, вдруг ловко полез внутрь леска. Один за другим остальные зомби повторили его движения и скрылись из виду. Берик молча смотрел на эту картину, с трудом сдерживая эмоции. Еще бы, он так

удачно нашел сверхколонию. Наверняка там есть какая-то яма или погреб, где они собираются и синхронизируются, а это значит, что среди них обязательно есть самый высоко-развитый организм, с которого и можно будет взять образцы тканей для лаборатории, ориентирующейся уже на вторую и третью категорию. Оставался вопрос, как это сделать?

– Я пойду посмотрю, куда они пошли, – сказал Берик, вставая на ноги.

– Не сожрут тебя упыри? – побеспокоился сталкер. – А то не докажешь потом вашим, что я тебя не на убой отвел.

– Не сожрут, – успокоил ученый. – Я одним глазком, пойдем вместе глянем, ты подальше стой только.

– Лады... Я только камеру включу, чтобы было потом что долганам предъявить в свое оправдание.

Сталкеры и ученый встали и направились в сторону исчезнувшей группы. Очень скоро они стояли у края леска. Лихо уже включил камеры ПДА и с расстояния нескольких метров снимал ученого и его движение внутрь лощины. Под ногами Берика безжалостно ломались сухие, как нарочито расставленные и присыпанные листвой ветки. Такой шум был недопустим для скрытного перемещения, но это не останавливало ученого. Спустившись в лощину, сталкер еще долго слышал треск веток и, следуя звукам, шел вдоль леска снаружи, впрочем, не планируя в случае опасности спешить ученому на помощь. Об этом они не договаривались. Минуты через три шага затихли. На ПДА сталкера пришло сообщение:

«Лихо, подойди». Сталкер с сомнением посмотрел на надпись, прислушался к чему-то своему и, пригнувшись, полез в лесок, в свою очередь также создавая шум и треск от присыпанных листьями, замаскированных веток. Ученый стоял в темноте, освещая лучом налобного фонаря хорошо видимую металлическую двустворчатую железную дверь, лежащую на склоне лощины. Вокруг двери листва по цвету отличалась от окружающей, что говорило о том, что ее двигали и переворачивали. Увидев такое, сталкер остановился позади Берика, в первую очередь осматривая окружающий кустарник.

– Они все там, – негромко и зачарованно, как загипнотизированный, сказал ученый.

По коже у сталкера побежали мурашки.

– Пойдем отсюда, наука. Жизнь дороже, я свое дело сделал, – сказал сталкер, чувствуя поднимающуюся панику при виде этих мрачных железных дверей без всяких зацепов снаружи для открывания.

– Пойдем, – согласился Берик. – Завтра буду наблюдать. Будешь страховать?

Лихо отрицательно махнул головой. Что-то ему совершенно не нравилась идея тереться вокруг этого места, зная, что под ним куча зомби, которые могут достать его прямо здесь, через эту железную дверь, не открывая ее и не показываясь на виду. Пара, сталкер и ученый, бестолково треща сучьями, уже в полной темноте наконец выбралась из леска лощины и двинулась обратно в сторону Янтаря. Прождав,

пока два силуэта исчезнут из виду, к лощине, ковыляя и спотыкаясь, встав с земли по сигналу ведущего зомби, двинулась новая многочисленная группа мертвецов. Уже не таясь и не стараясь наступать на разложенные в листве деревяшки, она с шумом и треском двинулась к люку. Люк отворился, и мертвецы один за одним спустились вниз. Люк захлопнулся, и что-то в нем глухо провернулось.

Глава 6. Черные братья

– Радуйся, наука, – потрепал по плечу Трофима Гипс, наблюдая, как транспортно-десантный вертолет МИ26 садится на специально расчищенную вертолетную площадку на базе Свободы.

Из вертолета летчик, разглядев Гипса, махнул ему, как своему знакомому. Гипс приветственно поднял руку и, пригнувшись, чтобы не быть так сильно сбиваемым ветром, двинулся к летчику. Летчик открыл дверцу. Они пожали друг другу руки, крича друг другу, о чем-то кратко поговорили, и Гипс сунул какой-то сверток в руки пилоту, тот шуточно козырнул и радостно улыбнулся. Даже несмотря на закрывающий пол-лица летный шлем, было видно, что он страшно доволен подарком. Гипс, также пригибаясь, вернулся к Трофиму.

– Пилота кормить обязательно надо, – прокомментировал он. – Зона жадных не любит.

Двери транспорта открылись, и стоявшие внутри два солдата охраны стали отцеплять и подтягивать ящики к краю. Несколько свободовцев в экзоскелетах, подошедших сразу по открытию люка, занялись разгрузкой, снимая по двое ящики и относя их в сторону. Трофим верил и не верил. Его оборудование, которое он сам распаковывал и делал надписи на ящиках, вернулось к нему в той же самой

упаковке. Вот его надпись красным маркером, указывающая место этого ящика в четвертой комнате его прошлой лаборатории, а вот характерный скол на крышке, когда Лукас при вскрытии ящика недостаточно глубоко засунул монтировку и отломал щепу. Просто не верилось, что здесь, в Зоне, можно было вот так оперативно решать вопросы такой сложности. Очевидно, способность Гипса пробиться к самым верхам действительно была его талантом. Через несколько минут разгрузка была закончена, и пилот, махнув рукой Гипсу, поднял машину в небо.

– Вот так-то то, Док, – удовлетворенно сказал сталкер, – решили мы твои запросы. Теперь бери пару ребят, располагай все как следует и принимайся за дело. Я бы с удовольствием посмотрел, что да как, но не до этого сейчас, – сказал Гипс.

– А что случилось, Гипс? – спросил Трофим, заметив серьезное выражение лица лидера.

– Калмык с Рыжего вернулся, говорит, ребята пропали, пока он по своим тропам шарился. Похоже, какая-то новая группировка завелась. Калмык по следам прошел, но недалеко, решил вернуться предупредить базу пораньше. Но не твоего это профиля дело, наука – это наше, – сказал Гипс. – Сейчас с бойцами потолкуем, отправим отряд на разведку, на выручку. Узнаем, что за ряженые еще там образовались. Давай, Док, располагайся. Все.

Гипс развернулся и пошел в сторону здания. Недалеко

стояло шесть человек в полном боевом облачении. Трофим не знал, чем именно отличается сталкер на кратком отдыхе и сталкер перед походом, поскольку, как правило, они выглядели одинаково, та же броня, то же оружие, но что-то выдавало их. Собранность, напряжение и готовность, словно волчья стая, пристально смотрящая вдаль и наострившая уши, готовая выдвинуться в путь по найденному следу. Поравнявшись с отрядом, Гипс остановился. Пока Трофим вместе с двумя помощниками в экзоскелетах ходил от ангара до ящиков, показывая, что брать в первую очередь, что во вторую, что и куда ставить, все это время Гипс разговаривал с бойцами. Выдвигаясь в последний рейс за ящиками, он увидел, что отряд, взяв оружие в походное положение, уже двинул на выход, а Гипс стол на месте и задумчиво курил сигарету, но, не докурив ее, смял и, не выкидывая, пошел к зданию, где находился его кабинет.

Достаточно быстро, в течение двух часов, Трофим расставил все оборудование по местам. Дело было знакомое, электричество проведено местным электриком, а перегородки еще раньше соорудили из огромных брезентовых кусков материи, прикрепив их к сделанным из уголков сварным рамкам. Теперь лаборатория Трофима занимала почти сто квадратных метров и состояла из двух секций. В целом он мог бы разместиться и на меньшем расстоянии, но, помня, что ему часто приходилось ходить вокруг оборудования, он расставил все на расстоянии двух метров. Первая секция у него

предназначалась для простых работ, там стояли 3Д-микроскопы, лазерные и электронные, холодильник для образцов, стол, компьютер и пара местных шкафов. Во второй комнате лабораторный стол, шкаф с химической посудой, реактивами, питающими растворами, ультразвуковые ванны, печи, центрифуги и, самое главное для него сейчас, инкубаторы для колоний, требующие особо нежного и тщательного ухода. Инкубаторы располагались в отдельной стерильной комнатке из прочной пленки с помещенными ультрафиолетовыми лампами внутри, с предбанником для переодевания, в котором все, даже пол, устилал пластик. Таким образом, во второй комнате была еще одна маленькая комнатка, такая кубическая пластиковая палатка. Трофим несколько раз собственноручно вымыл там полы с дезинфицирующим раствором после установки инкубатора, застегнув на плотную замок-молнию после окончания. Все другое оборудование было накрыто специальными пластиковыми герметичными колпаками. Конечно же, новыми прибрлудами заинтересовались Худой и Рваный, словно два брата, вышедшие из своей берлоги, и, слегка смущаясь, интересовались назначением агрегатов. Трофим с удовольствием рассказывал про оборудование, заодно припахав пареньков на сборку этого добра. Также он понял, что ребята рано или поздно отожмут у него какой-нибудь микроскоп для своих нужд, поэтому предусмотрительно дал добро на пользование одним из них, с 2000-кратным увеличением, и строго-настрого за-

претил прикасаться к сканирующему зондовому микроскопу. На что ребята охотно согласились. Кроме того, он взял по капле крови Худого, Рваного и подвернувшегося под руку Ковалю, которые не в пример долговцам и сталкерам с удовольствием согласились посмотреть завтра на свои эритроциты под микроскопом.

Теперь, когда основная работа была сделана, ему предстояло заняться главным, тем, из-за чего он принял решение не возвращаться на Янтарь и примкнуть к Свободе. Нужно было выяснить, заразился ли он этим вирусом, внедряющимся в живую клетку, копирующим оригинальное ДНК своим, или нет. Они регулярно сдавали кровь на анализ там, на Янтаре, но анализы ничего не показывали. Трофим, собственно, и не вникал, как именно отдельный медицинский пункт под руководством Михаила Маеровича проверяет его кровь на заражение, но вряд ли это было особо углубленно. Уже за полночь он разбавил каплю крови сталкеров питающим раствором, подождал, пока красные вогнутые внутрь таблетки разойдутся по всей капле, и, глядя в дисплей инкубатора, отделил поштучно каждую таблетку в блистеры десять на десять ячеек. То же самое он проделал и со своей каплей крови. Работа была кропотливой, но в результате он имел по сто сепарированных красных телец от каждой капли в питающем растворе уже к четырем утра. Поставив инкубатор на режим, он со спокойной совестью откинулся на спинку стула. Теперь у него были сутки. Если кровяные тельца нач-

нут делиться, что вообще не свойственно человеческой крови, поскольку в них нет ядра, то дело дрянь, если они, как и положено, распадутся, значит, по крайней мере в соответствии с этим простейшим тестом, он не инфицирован. Питающий раствор составлен таким образом, что питает любую клетку очень долго, до нескольких дней. За это время клетка должна проявить свои свойства, расти, стареть естественным образом, либо еще как-то проявить себя, согласно своей природе. Только сейчас сообразив, сколько времени он провел в этой пластиковой комнатке под ультрафиолетом, с небольшим фильтром-клапаном вентиляции, он почувствовал духоту и, скинув в предбаннике халат, очки, перчатки, шапочку, вышел во вторую комнату, погруженную в мягкий дежурный полумрак от нескольких маломощных лампочек, запитанных от артефакта. Вздохнув о том, что здесь еще нельзя ставить чайник, чтобы хлебнуть чайку, когда это так необходимо, он еще раз окинул комнату взглядом, в которой тихо гудел трансформатором поддерживающий благоприятный режим для клеток инкубатор, и вышел в первую, а затем на выход из ангара, окунувшись в царящую на территории базы ночь. Поплотнее запахнув куртку с меховым воротником, он быстрым шагом по уже знакомой тропе двинулся в свое здание, чтобы наконец-то завалиться спать.

Овод вышел из Рыжего леса со своими братьями. Ночь не являлась сложностью для них. Все вокруг струилось и ды-

шало живительной прохладой, у всего был свой свет и оттенок. У деревьев свой, у травы и земли свой, у четвероногих, двуногих прыгающих и бегающих мутантов своя, гораздо более сильная и утоляющая жажду прохлада. То место, где он оставил экзоскелет, теперь не излучало жизни, они с его братьями, которых было больше двух десятков, осушили все, что было в округе, на сотню метров. Старший Брат сказал, что их семья должна расти и им нужны еще братья. Сегодня они вышли за ними. Половина сюда, в эту часть леса, а половина, ведомая братом, бывшим наемником, к их точке. Овод помнил все, помнил, что его экзоскелет может работать, если поменять поврежденный модуль, он также знал, кто может починить. Все остальные братья, ранее ходившие как сталкеры, наемники, бандиты и свободовцы, также все помнили, но это не имело значения. Они теперь были братьями, у них был свой Старший Брат, который заботился о них и знал о них все, они верили и были бесконечно преданы ему, они не искали смысл в его приказах. Он хочет, чтобы их братство, их семья стало большим и сильным, и тогда они смогут показать еще большему количеству людей, как хорошо быть братьями, они будут едины... Впереди, в десятке метров выскочил тушкан и бросился удирать со всех ног, унося на себе голубое покрывало жизни. Овод протянул руку и схватил тушкана за голубое покрывало. Мутант задергался и забился, не желая отдавать прохладу Оводу, медленно приближающемуся к нему. Но чем ближе было рас-

стояние, тем крепче держал он мутанта за его голубую светящуюся накидку, еще пара шагов – и сорванная с тушкана жизнь сгустком энергии влетела в Овода, заставив его выдохнуть от удовольствия и облегчения. Это был прекрасный момент... момент насыщения... пусть не долгий, пусть всего на десяток минут или меньше, но это было прекрасно... Следующие за ним братья также перехватывали тушканов, которых здесь оказалось множество. Маленькие шустрые зверьки иногда успевали вырваться из невидимых рук братьев, унося с собой жизнь, но это было не важно. Здесь в Зоне полно жизни. Спереди, сзади, справа, слева, даже внизу, почти на метр иногда больше в земле, везде... Кроме той, уже большой поляны, где он оставил экзоскелет. Овод выдохнул. В его мысленном взоре проносились картины базы на Ростке... Там полно было людей, которые не являлись его братьями, их нужно было принять, им нужно было принять братство. Они его примут... но не сейчас, сейчас их еще слишком мало. А пока... Овод осмотрел окрестности. Там вдалеке горел костер, очевидно, это были сталкеры... не обращенные. Он вместе с остальными братьями развернулся в их сторону. Они поговорят с ними, они их призовут, они поймут, насколько это хорошо, быть в братстве.

Несколько теней ярко-красными всполохами жизни понесли прочь. Кровососы. Один кровосос мог утолить жажду на два или три часа, это очень хороший носитель жизни, еще хорошие носители кабаны и плоти. Снорки не очень,

у них пресное и безвкусное покрывало жизни, оно не приносит радости, но насыщает все равно. Ночной костер приближался, вот уже виден был часовой, спокойно стоящий и смотрящий в темноту. С него нельзя снимать красное покрывало жизни, нужно просто отпить немного, чтобы оно потемнело. Тогда он упадет и будет спокоен, но сначала нужно поговорить.

– Кто там прется? – спросил часовой, припадая на одно колено и включая фонарь.

Спящие за ним пять человек проснулись, мгновенно схватились за автоматы и перекатились в стороны, рассредоточиваясь, промаргиваясь со сна и определяя свой сектор обстрела. Свобода.

– Свои, не стреляй, – ответил Овод, чувствуя, как медленно произносит слова.

Им с братьями не нужно было говорить друг с другом, у них все было просто, не нужно было разговаривать. У людей нет такого понимания, им обязательно нужно говорить друг другу что-то, иначе они не поймут себя... Глупцы. Глаза ослепил свет. Тут же яркими цветками расцвели автоматные очереди. Десятки свинцовых пилюль попадали в тело, разрывая органы, пролетая насквозь, ломая кости его и его братьев. Овод споткнулся от мощного заряда картечи в грудь и упал на спину. Ничего, это ничего не решает. Протянув руку к ведущему огонь сталкеру, он запустил руку в красное покрывало, почувствовав, что держит его, он потащил на

себя, одновременно впитывая такой сильный красный свет человека. Человек споткнулся и упал. Он был все еще жив, так и должно быть. Овод встал. Ранения затягивались очень быстро, поскольку красное одеяло жизни сталкера давало так много сил, что этого хватило бы на несколько таких ран. Мы дадим ему тело, наше тело, и скоро он станет их братом. Остальные сталкеры, ведущие огонь, также почти сразу прекратили стрелять. Упавшие братья встали. Каждый подошел и склонился к своему будущему брату, и прикоснулся к нему. Неважно, как, но сталкер станет на путь к братству, как только их тела соприкоснутся. Через кровь или через слизистую, это было неважно. Овод провел ладонью по губам человека. Все. Теперь он станет их братом. Через несколько ночей или раньше. Он взвалил сталкера на плечо. Остальные также взвалили своих к себе на плечи. Братья без поклажи взяли оружие и рюкзаки. Это хорошая ходка, Старший Брат будет доволен, а сегодня нужно найти еще несколько человек. Ночью, днем или утром, это неважно. ПДА будущих братьев наверняка покажут, где есть еще необращенные, не имеющие и не чувствующие ценности братства, пока не чувствующие.

Рассветное утро серой пеленой повисло над Янтарем. Шлюз бункера открылся, и на пороге появился научный сотрудник шестой лаборатории вместе с сопровождающими его двумя должовцами Кабаном и Кучером. Задача была про-

ста. Нужно было изучить железный люк в лошине и попытаться в дальнейшем вскрыть его. Кучер как местный механик и мастер на все руки должен был заняться этим вопросом, как только изучит двери. Троица была с головы до ног увешана кристаллами, чтобы минимизировать воздействие мертвецов в случае их атаки. Через час они были на месте, настороженно изучая металлические листы с легким налетом ржавчины. Кучер достал остро отточенный кусок металла и провел им по железу, затем еще раз, затем еще, с каждым разом нажимая все сильнее и сильнее. Наконец, удовлетворившись результатом и близко осмотрев царапины в свете фонаря, сказал:

– Металл хороший, деловой. Газом возьмем, но так просто не порежем, тугой, легированный, к нержавейке близко. Толщину бы еще узнать.

С этими словами он достал небольшой молоток и стукнул по листу. Раздался характерный стук металла, быстро растворившийся в утреннем воздухе.

– Не, толщина не страшная, миллиметров двадцать, – пояснил он. – Если хочешь, Берик, порежем с обеда. Помощников возьмем и вскроем тут.

– Давай, Кучер. Чем раньше вскроем, тем лучше, – сказал Берик.

– Надо бойцов побольше взять, – сказал стоявший рядом Кабан, – а то ползут как черти из коробки.

– Нам бы их портить не желательно, – вздохнув, возразил

ученый. – Ценный научный материал.

– Портить не будем, лишь бы Кучер смотать отсюда смог, если понадобится. Блин, зубы сводит, как перед Выбросом, – пожаловался он. – Мертвяки твои не могут оттуда на зубы влиять? – спросил он ученого.

– Нет. Мы проверяли, «кристалл» экранирует почти на сто процентов, – ответил Берик, тем не менее также крутя головой, пытаясь понять изменения в атмосфере.

– Ну тогда это Выброс, – спокойно сказал Кабан. – Надо валить в бункер.

– Выброс через неделю должен быть, – возразил Кучер, – но плохо как-то на душе... Может и вправду он?

– Да, да, – уверенно сказал Кабан, – гарантия! Выброс на носу. Тикаем, хлопцы, тикаем. Ой чую...

Троица выскочила из подлеска, оглядываясь в сторону АЭС. В той стороне небо начинало наливаться болезненным красным цветом.

– Ноги, хлопцы, ноги, – крикнул Кабан и первым понесся по своим следам.

Через полчаса грянул внеплановый Выброс. Красной волной, несущейся из центра Зоны, выгнало орды мутантов и погнало на периметр отцепления. Сотни и сотни кабанов, плотей, слепых псов, чернобыльцев, снорков, псевдогигантов и бюреров. Если бы кто-то мог видеть их маршрут, то он бы увидел, как множась, клокочущая яростью орда мутантов потянулась с обеих сторон Рыжего леса и понес-

лась через черное, словно выжженное, мертвое пятно уже почти полукилометрового диаметра. Мутанты пронеслись по мертвой черной листве, взбивая ее в пыль, псевдогиганты ломали хрупкие, истонченные деревья и крушили низкие ветви, с треском расшвыривая мешающие им идти залежи, шли бюреры, мигая красными глазами, чернобыльцы с ходу перескакивали через них, проносясь дальше, ища тех, кто начал так медленно, но неотвратимо уничтожать Зону. Стоящие под Выбросом на черной поляне люди с ржавыми пятнами на лице сбивались кабанами, рвались собаками, проносящимися мимо, но рваные раны тут же срастались, а один или два из несущихся в красной волне Выброса мутантов чернели, падали и ссыхались. Псевдогиганты давили братьев, один из них наступил на Овода, сломав ему половину костей, но сдернутое с мутанта его оранжевое покрывало жизни вдруг сделало клетки Овода крепкими и прочными, вдруг пришедшими в тонус, и одним своим усилием он восстановил сломанные ребра и позвонки, тут же попав под секущий удар кровососа, на секунды вспоровший ему грудину. Овод встал, одежда, изорванная в клочья, слетела с него, обнажив ржавые отметины по всему телу, тут же покрывшемся черной умершей травой и тленом, сделав его таким же черным, как и поляна, по которой неслись обезумевшие мутанты. Еще и еще, мутанты, словно бегущие солдаты, на ходу били Черных братьев и, гонимые Выбросом, двигались дальше, на Кордон. Но Черные братья вставали вновь и вновь, забирая за каж-

дое падение одного из атаковавших. Чернобыльцы, хватая их огромными челюстями, тащили и рвали на земле, бюреры срывали и душили одеждой, протыкали древесными обломками, ломали руки и ноги, но все было тщетно. Четыре десятка Черных братьев вставали так же непоколебимо и твердо, встречая идущие через них потоки. Контролер в числе последних появился на поляне, подняв руку, он пытался заставить одного из них пойти за ним, но Черный брат был глух к его воле. Колония вирусов, населявшая носителя, была глуха к электромагнитным колебаниям такой частоты. Яростно, жутко и стремительно пронесшаяся лавина мутантов не смогла уничтожить ни одного Черного брата и понеслась дальше.

В считанные часы мутанты, подобно реке, постоянно пополняющейся новыми и новыми головами, растянувшиеся на километры, достигли первого ряда оцепления, Периметра. Достигнув минных полей, собаки и тушканы, разминировавшие собой полосу, добрались до колючей проволоки, где уже разодранные колючкой попадали под заговорившие очереди крупнокалиберных пулеметов. Огромные мутировавшие кабаны с четырьмя клыками и почти полтонны весом срывали и тащили столбы с колючей проволокой на себе, уже будучи мертвыми, они в слепом безумии, обмотанные сталью, тащили металл за собой. Плоти, натыкаясь на проволоку, перерезали ее своими клешнями и шагали дальше, все ближе и ближе смещая Зону к бетонному забору.

Солдаты ограждения, побледнев и покрываясь потом, видели, как мутанты упорно подбираются к бетонной стене, из гнезд которой беспрестанно сыпали смерти раскаленные воронки крупнокалиберных пулеметов. Вся застава встала в ружье. Теперь уже стрекотали автоматы, отсекая мечущихся тушканов, подрывающихся на минах и застревающих в колючей проволоке, снарки, вдруг вылетевшие из оврага и длинными прыжками сокращающие расстояние до бетонного забора, заставили людей закричать в страхе и полностью сместить весь огонь на них. Вот перегрелся и заглох один из крупнокалиберных пулеметов, через минуту еще один и еще. Снарки, прыгая по трупам кабанов и плотей, перехватывались в большинстве своем автоматными очередями, но несколько из них смогли запрыгнуть на бетонную стену и навязать свой близкий, безумный, рукопашный бой, унося срочников-призывников на тот свет, откуда они, сами снарки, все-таки смогли вернуться. Появление десятков псевдогигантов и бюреров повергло силы оцепления в шок и заставило дрогнуть. Завидев конечную цель, выдохшиеся было псевдогиганты вдруг снова обрели силы. Заревев, они спешили на бой. Мин и колючей проволоки уже не было, один из крупнокалиберных пулеметов снова заговорил, солдаты доставали из, как они думали, никогда не пригодящихся закрюмов гранатометы, но выстрелы были неточны, руки дрожали, в головах гудело. Невидимый в толчее контролер делал свое дело. Взревев, псевдогиганты удар за ударом отправля-

ли кинетическую волну разрушения по земле, пока еще не эффективно, но уже заставляющую солдат ощущать боль в ступнях. Бюреры во время ударов ставили на себя свой защитный купол, сдерживая энергию удара, и двигались дальше. Подойдя на близкое расстояние, они выхватывали автоматы у солдат, отшвыривали брошенные ими гранаты обратно, псевдогиганты крушили бетонные ограждения. Блокпост пал, а периметр был прорван. Оставшиеся в живых люди в ужасе бежали, но их настигали единицы оставшихся в живых снайперов. Разровнявшие все с землей телекинетики бюреры и могучей силой псевдогиганты двинулись дальше, на чуждую им Большую землю, но, пройдя не более пары сотен метров, они падали безобразными, уродливыми горами мяса и трупами полулюдей, вызывающих ужас даже в мертвом состоянии. Еще через полчаса на месте разрушенного блокпоста и некоторых павших на Большой земле мутантов гордо взвились и забились в истерике новорожденной жизни аномалии, вздымая пыль и пламя, сыпля электрическими разрядами, кроша, прессуя, измельчая тела людей и мутантов. Зона, как смогла, бросилась в бой с врагом и сделала то, что умела делать. На уничтожение своей территории внутри Рыжего леса она вынуждена была отвоевать себе равноценный кусок Большой Земли, пусть даже в этом случае это и не являлось ее прямой целью.

Глава 7. Приказано забыть

Переждав неожиданный Выброс в подвалах своего здания, Трофим, глядя и слушая остальных сталкеров, понял, что и для них это событие было совершенно неожиданным. Наконец, дождавшись отмашки об окончании Выброса и начала безопасной Зоны, он, пулей выскочив из подвала, под редким, смывающим запах канифоли дождем понесся к своим образцам. В голове пульсировала только одна мысль: не повредил ли Выброс его оборудование, не потускнели ли линзы, не сгорела ли электроника и почему он раньше не мог предусмотреть подобного. Если сейчас какой-либо из приборов выйдет из строя, придется идти к Гипсу и просить новый. И тогда ожидание нового оборудования действительно займет месяцы. Это было печально.

Ворвавшись наконец в свою, как теперь можно называть ее по праву, лабораторию, пока еще без номера, он один за одним включал все приборы, следя за нагрузкой на специально установленном индикаторе, сообщающем в случае чего о том, что потребление энергии от вырабатывающей электричество сборки больше ее возможностей. Но все приборы включались в штатном режиме, индикатор равномерно горел зеленым. Обойдя все свое хозяйство, заглушив включенное, проведя придирчивый визуальный осмотр, он облегченно вздохнул. Ангар может и имел ворота и крышу, но никак

не считался хоть какой-либо защитой от Выброса. Трофим вообще планировал позавтракать, а только потом зайти в палатку с инкубатором, который все так же едва слышно и равномерно гудел, но поскольку он уже оказался здесь, то грех было не заглянуть, что же высидела его электронная насадка. Переодевшись в предбаннике, он сел за приличных размеров ящик, меняющий и подающий блистеры с клетками под электронный 3Д-микроскоп без участия человека, повинуюсь только выбранным им кнопкам.

Первыми Трофим выбрал образцы Худого. Тщательно проверил одну за одной, все сто ячеек. Он знал, что дьявол в мелочах, и не собирался пропускать открытие просто на основании выборки. Ранее в его шестой лаборатории Валентин Петрович наверняка бы записывал каждый осмотр в журнал, это было вполне в его стиле, но тут, к невероятному облегчению Трофима, не было требований отчетов и указаний, что ему делать и куда идти. Итак, все сто клеток Худого были мертвы. Выброс добрался-таки до них, и они, как и положено нормальным клеткам человека, не выдержали волны чужеродной энергии, несмотря на то что находились под крышей, под пластиком, внутри инкубатора и в питающем растворе. Теперь клетки Рваного. Одна за одной, глядя на дисплей, на котором можно было осматривать клетку со всех сторон, повинуюсь встроенному шару управления, он осмотрел разрушившиеся эритроциты. Да, все клетки погибли. Оболочка разрушена, порвана в нескольких местах. Ученый выдохнул,

теперь его очередь. Сейчас он нажмет на кнопочку 3, и блистер подъедет к безучастно сканирующим все головки микроскопа. «Может, стоит сходить на завтрак?» – мелькнула малодушная мысль в голове. Чувствуя, как у него холодеет в желудке, он с замиранием сердца нажал на кнопку 3, всей душой проклиная этот момент. Он определенно не был готов к нему. Не очень соображая, что видит на мониторе, он пялился на живой эритроцит, свободно плавающий в среде раствора. Инкубатор по умолчанию, автоматически запустил программу 3Д-режима, и теперь ученый пялился на вдавленную с двух сторон красную кровяную клетку, пережившую Выброс. «Может быть, это одна-единственная?» – мелькнула у него спасительная мысль. Он коснулся рукой шара управления, показался следующий эритроцит. Живой. Еще один. Мертвый. Еще и еще, есть живые и здоровые, есть мертвые и разрушенные. «Спокойно» – приказал сам себе Трофим, возможно этому есть объяснение, нашел же он объяснение тогда живым образцам Валентина Петровича, почему они не были убиты образцами четвертой категории. Вот и теперь нужно подумать, и он найдет объяснение этому случаю. Трофим выдохнул, нужно успокоиться. «Выйти и выпить чайку? Но ведь чайника-то нет...» Следующая клетка, следующая, показываемые инкубатором в автоматическом режиме, следующая, вот две сразу, следующая. «Стоп!!! Две клетки сразу?!» Трофим нажал вернуть прошедшую ячейку, тридцать седьмую, и зажал рот двумя руками, чтобы не закричать. Его

кровяные тельца, его эритроциты, безъядерные, как у всех людей, начали делиться. Он заражен! Долгие пятнадцать минут он сидел в ступоре. Почему, почему там, на Янтаре, не могли обнаружить этого? Потому что механизм активации вируса включался Выбросом, от которого надежно экранировали стены научного комплекса? Да, наверняка. Клетки должны были умереть, и, видимо, не зараженные как таковые умерли, но вирус сидел в других, он не восприимчив к Выбросу, и как только он понял, что носитель погиб, он сам вступил в работу, сохранив оболочку и при наличии питания тут же создав своего клона, как и полагается природе вируса. Трофим убрал руки, как только, наконец, понял, что медленно душит себя, почти полностью закрыв рот и нос. Бешено колотилось сердце, слабость и... страх. Инкубатор продолжал пролистывать ячейки за ячейками. Живые, мертвые, вот еще пара вместо одной, вот еще, снова мертвый, еще раз мертвый, живой. Картина была чиста и жестока. Без подсчетов он видел, что кровь имеет больше шестидесяти процентов инфицированных кровяных тел. В соответствии с его теорией о классификации объектов, теперь он мог смело причислить себя к объектам второй категории. Как только он умрет, он станет им незамедлительно. Трофим хмыкнул. Что ж, перспектива, по крайней мере в Зоне у него есть. Может, не зря Свобода утилизирует трупы своих и чужих бойцов в аномалиях, в отличие от Долга, который закапывает погибших в землю и ставит деревянные кресты сверху? Наверняка

не зря, интуитивно понимая, что это лучше, чем стать зомби. Блистер с образцами Трофима закончился. Он нажал кнопку 4. Блистер Коваля. Мертвые, живые, спаренные, картина почти такая же, как и у него. Коваль тоже заражен и тоже... бессмертен. Трофим, уже не очень соображая, заставил себя досмотреть весь блистер Коваля. Одна из ячеек успела разродиться уже четырьмя кровяными тельцами. Он знал, что так и будет. Теперь клетки будут делиться, пока это будет позволять питательная среда и пока микроскопический объем в ячейке позволит делать это. После этого микроколония уйдет в спячку, ожидая нового носителя.

Трофим встал. Где он мог подцепить заразу? Он горько усмехнулся... Да хоть где. От этого никто не застрахован. Тихо, но от чистого сердца выругавшись, он пошел сдаваться к Гипсу. Сдаваться, конечно, сказано сильно, потому что для лидера Свободы это не будет иметь значения, но проверить всех в группировке, возможно, будет необходимо. Просто, для общего сведения. Поднявшись по лестнице в коридор второго этажа, теперь уже ясно видя двух бойцов, вооруженных в экзоскелетах рядом с мониторами, в темных закутках по обоим концам коридора, он, кивнув им, постучал в кабинет и, получив ответ, вошел.

Гипс сидел с незнакомыми вольными сталкерами.

– О, на ловца и зверь бежит, – спокойно сказал он, пожимая протянутую руку. – Тут по твою душу мужики пришли, – сказал он, не давая Трофиму сказать слова. – Это наш

ученый, наш ценный кадр, зовите его Док. Это Выпь, это Калач, – представил он Трофиму сидящих напротив него вольных сталкеров. – Теперь расскажите ему, что видели.

Калач – крупный, полноватый сталкер в комбинезоне Ветер Свободы, запотевший, раскрасневшийся от тепла, коротко стриженный, лысеющий, лет тридцати пяти. Выпь – невысокий, серый, остроносый мужичок в распространенном среди сталкеров комбинезоне Заря. Оба протянули руки Трофиму. «Вот так можно заразиться» – грустно подумал ученый, пожимая грязные руки сталкеров и глядя на не менее грязную разгрузку Выпи.

– Ну, в общем, мы вдоль Рыжего леса гуляли, позавчера, еще до Выброса, – начал Калач, – видели людей, странных, с пятнами на мордах. Шесть человек, – сказал он.

– Три наемника, один вольный и два долговца, – вставил Выпь, моргнув и шмыгнув носом.

– Да, – посмотрев на напарника, согласился Калач. – Ходили как люди. Только это... Ведь наемники с долговцами и с нами, сталкерами, не пересекаются. Это нас и притормозило. Мы там на дерево залезли, притаились и решили посмотреть, что это такое.

– В бинокль смотрели, – вставил Выпь, – пятна у них жуткие, как больные йодом перемазались.

– Да, – кивнув головой очередной раз, согласился Калач. – Только они не просто так ходили, они кабанчиков местных голыми руками загоняли. Это мы потом увидели.

Трофим насторожился, признаки третьей категории, а вот что за йодные пятна, это неизвестно вообще.

– Кабанчики даже и убежать особо не успели, попадали, а те ушли, – закончил Калач, выжидательно глядя на ученого.

– Пятнистые ушли, – дополнил Выпь. – Мы ходили потом на то место, кабанчики черные лежат, как пустые. Выжатые. Жуть.

– Да, – обернувшись на напарника, снова подтвердил Калач.

– Мы тут вспомнили, что зомби в последнее время могут соки из человека выжимать, вот и решили сюда прийти рассказать, – сказал Выпь, и теперь оба сталкера уставились на Трофима.

– По твоей части, Док? – спросил Гипс.

– По моей, – кивнул Трофим.

– Хорошо. Мужики, прогуляйтесь пока, мы с наукой покумекаем тут, – распорядился он.

Сталкеры согласно встали и вышли, прикрыв за собой дверь. Гипс вздохнул, провожая их взглядом. Дождавшись, пока их шаги стихнут, он указал Трофиму на стул.

– У нас тут, Док, неприятности. Пропала наша шестерка возле Рыжего, еще до Выброса. Мы за этим следим, связь держим регулярно. Напали на них ночью. Что и кто, точно не знаем, но что-то часто мне стали попадаться сообщения, что ряженные там мелькают.

– В смысле ряженные, – решил уточнить Трофим.

– Ряженые... Разные группировки, но вместе. И Свобода там, и Долг, и наемники, и сталкеры, бандит один был замечен. В лицо никто не опознавал, близко не подходили, ПДА не отзывалось, но форму было видно. Я так понимаю, это с наших ребят переодетые ходят. Поэтому и ряженые.

– Понял.

– И сейчас, судя по тому, что мужики говорят, это ходячие, как раз по твоей части. То есть мне надо разобраться, те, которые кабанчиков загоняли, наследили ли они возле стоянки? Или они к нашим ребятам ходу не имели. Ряженые – это кто? Новая группировка, йодом перемазанная, или ряженые – это зомби. Если зомби начали человечинной промышленность, да еще в таких масштабах, чтобы всю нашу шестерку снести, то тут уж извини, но больше мы себя в утрату не дадим. Нужно будет только в Рыжий лес смотаться с Калмыком. Разведку произвести, могут ли мертвецы такое сделать, они ли наших ребят схарчили, или мухи отдельно, а щипки отдельно. Понятно я выражаюсь? – спросил Гипс.

– Понятно, – тихо ответил Трофим и приуныл, передумав сообщать Гипсу о заражении.

Сейчас-то уже какая разница? После поговорят, если придут. По-своему поняв уныние ученого, Гипс встал и хлопнул его по плечу.

– Не бойся, Док. С Калмыком пойдешь, он у нас зверолов уже как четыре года. Все тропы знает, каждого мутанта в морду целует, аномалии руками раздвигает. Не пропадешь.

Только с зомби у него опыта нет, не живые они и временные, вот ему и незачем было их изучать. Тут ты нам и пригодишься.

– Понял, понял. Надо «кристаллов» Калмыку набрать, близко подходить будем. У меня-то уже в Севу вшиты, – слабо улыбнулся Трофим.

– Это я знаю, – ответил Гипс. – «Кристаллов» сейчас в Зоне мало стало. Народ как про их экраны узнал, все для себя прижал. Но у нас, конечно, запас есть. На Калмыка и еще десяток человек точно наберется. Я, кстати, сейчас и распоряжусь, чтобы их в оборот пустили, и огнеметы дедовские починим. Если дело обернется плохо, то мы должны быть готовы. Давай, Док, собирайся. Сегодня и пойдете. Кстати, ты чего хотел-то? – спросил он, вспомнив, что Трофим сам пришел к нему.

– Да ничего, особо. Так, мелочи, – ответил ученый и вышел из кабинета.

Через два часа он был готов. Калмыка он нашел в его комнате в ангаре. Вопреки ожиданию кучи трофейных голов на стенах, как это можно было предположить, исходя из профессии зверолов, на стенах красовались совсем не головы, а книги. Множество книг совершенно разного направления, от учебников по математике начальных классов до художественной литературы и книг на иностранных языках. Посередине стоял стол, также уставленный книгами, новая, явно не местная настольная лампа и кресло-качалка. Раскрыв рот,

Трофим задумчиво прочитал несколько корешков из библиотеки зверолова, но вопросов задавать не стал.

Калмык действительно оказался калмыком лет тридцати, небольшого роста, крепенький, сухонький. В его монгольском лице с примесями русской крови удивительно смешивались азиатские и европейские черты, прямой нос, смуглая кожа, высокий лоб, но глаза все равно были черными и чуть раскосыми. Сталкер быстро прощупал места, где Трофим вшил «кристаллы» в Севу, и тут же начал начинять свой базовый комбинезон Сева, без модификаций, таким же образом, ловко орудуя иглой и нитью, перекусывая нить зубами. Не ускользнуло от его глаз и общее подавленное состояние Трофима.

– Чего переживаешь, Док? – спросил он, прицеливаясь ниткой в иглу. – Дойдем, вернемся. Сегодня выйдем, быстро пойдем налегке. Завтра с утра там, поговоришь со своими зомби, выяснишь, что к чему, и обратно, – улыбнулся он, вдев наконец нить в игольное ушко.

Трофим только махнул рукой. Объяснять не хотелось, да и думать об этом тоже. Приняв ответ жестом ученого как нечто, что не стоит брать в голову, Калмык продолжил шитье, вшивая последний обломок «кристалла» в подшлемник комбинезона.

– Бегать умеешь? – спросил он, закончив работу.

– Умею, – ответил Трофим, готовый к любому развитию событий.

– Хорошо, вначале бежать будем. Не быстро, есть у меня дорожки, которые за все время и не менялись почти, там только радиация шумит, по ним пойдем. Я только поэтому Севу и ношу, чтобы можно было по таким местам двигаться, а так она мне без надобности. Мутанта не держит, пулю с трудом, в аномалии за артефактами я не хожу, – говорил он, застегиваясь и надевая тонкий рюкзак.

Трофим последовал его примеру. В его рюкзаке были только продукты и вода. Из оружия «Глок», однажды подаренный Якорем, очевидно оставшимся на Пепелище вместе с Модем.

– Ну что, готов, человек-открытка? – спросил он, взяв в руки потертый, но внушающий доверие Винторез.

– Почему открытка? – смущенно спросил Трофим.

– Потому что на лице все написано, – ответил Калмык, и в его азиатских глазах блеснули искорки смеха. – Готов?

– Готов.

– Пошли, – сказал он и пошел вперед.

Дойдя до ворот, он еще раз оглядел Дока и, видимо, удовлетворившись результатом, свистнул в воздух. Два свободца в экзоскелетах даже ухом не повели, зная об этой привычке сталкера, теперь о ней знал и Трофим. Не оборачиваясь больше, зверолов перешел на легкий бег. Двигалась пара очень быстро по сравнению с вообще возможной скоростью передвижения для Трофима. Калмык бежал легко и ровно, упруго перепрыгивая неровности, иногда скатываясь

пряма на заднице по склонам оврага. Трофим сначала опасался, что выдохнется через двадцать минут, но с удивлением обнаружил, что выдерживает выбранный темп. Некстати вспомнив однажды сказанные слова неким голубоглазым куратором Алексеем на Янтаре, в кабинете директора Водопьянова: «...а то, что бойцы, как вы говорите, «зараженные» этим вирусом, двигаются быстрее, стреляют точнее, раны затягиваются, инфекция не берет, спят меньше, это как понимать? Заражение?» «Заражение» – сам себе ответил на этот вопрос Трофим. Счетчик радиации временами трещал как в последний день, иногда зуммер встроенного в шлем детектора аномалий подавал свой сигнал, информирующий о приближении зоны разрежения или повышенного давления, или о сильном электрическом поле, но Трофим, полностью доверившись проводнику, натянув лямки рюкзака, чтобы полностью исключить его надоевшее похлопывание по пояснице, шаг за шагом, движение за движением повторял движения Калмыка,двигающегося словно кот по знакомой крыше.

Окрестности Янтара. Возле железного двустворчатого люка возился Кучер, шипя пламенем и настраивая резак. Баллоны с пропаном и кислородом лежали тут же. Рядом стоял Кабан в экзоскелете, вооруженный пулеметом, а за ним, сжав фазометр, стоял Берик, вооруженный напутствиями заведующего лабораторией и, как считали другие должовцы, знанием предмета. Еще несколько человек из группи-

ровки Долг, прикрывающие их, стояли подальше между деревьями, посматривая из стороны в сторону. Разумеется, все были перекрыты осколками «кристалла», чья цена на внутреннем рынке Зоны выросла многократно и почти сравнялась с легендарными артефактами типа «душа», «пузырь» и «золотая рыбка». Обернувшись на охранение и надев темные защитные очки, Кучер приступил к процессу. Въедаясь пламенем горелки, брызжа каплями расплавленного металла, он начал медленно прожигать дверь, намереваясь срезать ее по предполагаемым петлям. Вскоре одна из половин просела, обозначая, что петли уже не держат ее. Кабан вместе с Кучером попытались поднять ее ломом, но она хоть и была срезана с петель, все еще держалась на засове. Кучер вздохнул и, прикинув, где должен быть засов, минут через десять срезал и его. Половина створки рухнула вниз, а за ней лишенная опоры провалилась и вторая, обнажив полукруглый карман, в котором могло уместиться максимум четыре человека, и темный, узкий, всего около метра шириной проход с бетонной лестницей вниз, уходящей почти под сорок пять градусов. Из открывшегося отверстия потянуло легким сквозняком, показывающим, что где-то еще возможно есть такой же вход или выход. С сомнением посмотрев на лестницу и открывшийся черный зев, Кабан, вполтину повернув голову к ученому, но не отрывая взгляда от гипнотизирующей норы в земле, спросил:

– Наука, ты точно хочешь посмотреть своих мертвецов?

Берик подошел к краю прохода, в котором виднелись красные и дымящиеся срезы металла, и с опаской посмотрел внутрь.

– Вообще-то, ни разу не хочу. Но кто, если не я? – негромко спросил он, не замечая, как вокруг этого лаза собрались бойцы охранения.

– Ну давай, лезь тогда, – просто резюмировал Кабан. – Мы тебя здесь подождем. У нас приказ без прямой необходимости не соваться.

Берик обернулся. Его окружали бойцы Долга, безучастно смотрящие на него через маски тактических шлемов. Если бы на его месте был Трофим, он бы наверняка полез туда, того вообще, казалось, не интересовали вопросы собственной безопасности, но сейчас Трофима не было. Стоило ли ему, Берику, лезть туда? С другой стороны, зомби не являются особо кровожадными, окружить его, судя по всему, не смогут, подавить воздействием наверняка тоже, аномалии... Но ведь там уже хожено. Веревку бы.

– Веревка есть? – спросил Берик, решившись.

Один из бойцов снял тонкий прочный нейлоновый шнур.

– Здесь тридцать метров.

Ученый кивнул и подвязал его за пояс, прикидывая, что если понадобится бежать назад, то он может запутаться в нем и упасть, но с ним все равно было спокойнее. Не сказав более ни слова, он вытащил холщовый мешок с провиантом специально для возможного контакта с зомби, включил фонарь,

проверил, на месте ли пистолет, и, выдохнув, сделал первый шаг по лестнице, ведущей вниз. Яркий свет фонаря освещал сразу обе стены и потолок. Стены были грубо оштукатурены и покрашены прямо поверх неровной штукатурки, со следами мастера, темно-зеленой краской, которая казалась черной. Действительно крайне неудачное решение всюду красить такими унылыми цветами. Потолок высотой менее двух метров не предполагал даже освещения. Ни обрывков проводов, ни намек на место, где крепилось хоть что-то. Узкая ровная плита потолка, вероятно, выполненная по заказу, ступени явно хоженные, мелкие камешки, грязь и листочки с поверхности уходили вниз, в темноту. Этот вход явно не являлся общедоступным, о чем думали в то время, когда строили эту шахту, можно только догадываться, но, видимо, спецслужбам виднее, у них всегда должен был быть запасной вариант. Через пятнадцать ступеней лестницу перегородила толстая стальная решетка, за ней грязная тряпочная занавеса с мрачными бурыми пятнами. На решетке не было дверей и замка, очевидно, она отъезжала в сторону, кроме того, стены коридора за решеткой обрывались. Ученый остановился.

– Зачем пришел, сталкер, – раздался голос из-за занавески.

Берик вздрогнул. Спрашивающий голос был безразличен и спокоен, голос мертвого. Зомби, очевидно, видел и чувствовал его прекрасно, а грязный кусок материи не был для него преградой.

– Я ученый, – севшим голосом ответил Берик, проклиная себя за глупость, за то, что не подготовился к тому, если его застанут врасплох, особенно если он наткнется сразу на третью категорию, ведь это он должен был быть неожиданностью. Да и какой к чертям неожиданностью! Все с самого начала было сплошь не подумав и сплошь на удачу. На что он рассчитывал, с грохотом провалившейся железной двери люка ввалившись к мертвецам в подземелье? – Я пришел... исследовать, – чувствуя, как нелепо звучат его слова, продолжил он.

Там за занавеской в него вполне могут целиться стволы автоматов, даже если и не целятся, и начнется рукопашная, ему все равно крышка. Бежать поздно, спрашивать за образцы – глупо. Предложить обмен, как это делал Трофим?

– Обмен, – сказал Берик, обрадовавшись, что не поленился набрать вдоволь продуктов в мешок. – У меня есть еда, – сказал он, протягивая мешок вперед, давая зомби просканировать его.

– Передай остальным, что все, кто будет сюда спускаться, останутся с нами, – сказал голос.

В этом голосе была стужа подземелья, мрак сырых могил и голоса других мертвецов. У Берика зашевелились волосы на голове, подшлемник стал тесен, а воздуха мало от сдавившего грудную клетку спазма ужаса. Ученый кивнул, не в силах сказать ни слова.

– Иди. Ты последний, кто смог выйти отсюда. Передай

остальным наверху.

Берик кивнул еще раз и развернулся в обратную сторону, судорожно хватаясь за спасительный шнур, привязанный к поясу. Сделал один шаг.

– Стой.

Ученый застыл, сторбившись и тяжело дыша.

– Оставь, что принес.

Берик кивнул еще раз и, не оборачиваясь, оставил рюкзак с продуктами на ступеньках. Медленно, словно во сне, глядя на светлеющий проем люка, он пошел вверх. Меньше чем через минуту он вышел на поверхность. Яркий, светло-серый подлесок с яркими серыми, бурыми, коричневыми листьями, мягкое карканье ворон и шелест шевелимой ветром зеленоватой листвы. Он распахнул забрало. Запах. Запах живых деревьев, с ароматом плесени и грибов, мягкий ветер с легкими нотками далеко стоящей, умирающей кислотной аномалии, лица бойцов, окруживших его.

– ... Ага, я вижу, что хватанул... – дошло до него только сейчас, что бойцы уже некоторое время разговаривают про него.

– Ну что, видел своих? – спросил Кабан, удобнее перехватывая пулемет.

– Какой на фиг своих, – прошептал Берик, переводя дух, и от греха подальше отошел от проема. – Я туда больше ни ногой. Там решетка, за решеткой занавеска, за занавеской объект, третья категория минимум. Сказал, что я последний,

кто смог выйти оттуда.

– Так ты его и в глаза не видел? – спросил кто-то.

Ученый отрицательно покачал головой.

– Не видел и вам не советую. Там за занавеской что угодно может быть, решетка толстая, больше чем в два пальца, без калитки, спуск узкий, не разойтись.

– Ясно, – сказал Кабан. – Сейчас в штаб доложим, там пусть думают. А то можно и бочонок с сюрпризом им вниз скатить, враз и решетку, и занавеску вынесем.

Долговец отошел, пересылая что-то на Янтарь, а оттуда уже по более стабильной связи по цепочке до Ростка к полковнику Рожку. Тем временем бойцы закурили.

– Ну ты сам-то как думаешь, стоит их выкуривать или нет? – спросил высокий долговец в АК.

Его тактический шлем был оцарапан осколками либо рикошетами, а прикрепленное multifunctionальное забрало поднято, открывая худое, вытянутое, усатое лицо с прямым тонким носом и пронзительным взглядом. Берик отрицательно покачал головой.

– Чего ради? Кто от этого выиграет?

Долговец пожал плечами, поднося к губам ранее раскуренную сигарету.

– Чтоб спокойнее было. Шастают тут у нас под боком, не порядок.

Теперь ученый пожал плечами. Порядок или нет, это не к нему, но то, что обязательно кто-то погибнет, это, на его

взгляд, не стоило штурма, неизвестно насколько укрепленного и обороноспособного подземелья, ради сомнительного порядка. Глупость. Вернулся Кабан, сосредоточенно соображая. Очевидно, распоряжения, которые он получил, были совсем не радостные.

– Так, Кучер, заваривай эту всю байду, да потуже, чтоб не вылезли. Рожок приказал забыть, заварить и отложить до лучшего времени. Там ребят наших у заправочной станции, на подходе к Лиманску подрали, похоже Свобода. Надо... – тут он оглянулся на Берика, невольно слушающего его, – в общем, науку на базу и ко мне.

Уже к закату Калмык и Трофим приблизились к Рыжему лесу, мрачной стеной возвышавшемся на фоне темнеющего неба. Последние лучи солнца, допущенные сквозь облака, уже не золотили вершины далеких деревьев. В их неверном свете лес вдруг стал зеленым, словно обычный и знакомый всем людям на Большой Земле, разве что жуткий, парализующий волю вой чернобыльца оповестил пришлых о том, что у этой территории имеется свой хозяин.

Калмык, а следом за ним и Трофим наконец-то остановились на небольшой состоящей из десятка крупных, раскидистых деревьев опушке. Ученый несколько раз сбивал дыхание, несколько раз покрывался потом и просыхал, постоянно отдавая себе отчет, что он, никогда не бегавший более трех километров по утрам, никогда бы не смог пробе-

жать такое расстояние в не предназначенном для бега комбинезоне и с рюкзаком. Теперь ему стало немного понятно, почему этот вирус был так интересен кому-то там, на Большой Земле, его эффективность была известна ранее, и все загадки по его созданию нужно было искать там, в подземной лаборатории номер шесть. Вопрос оставался лишь в том, сможет ли этот вирус работать так же там, за периметром. Несмотря на то что они неоднократно делали привал и очень быстро подкреплялись легкими энергетическими батончиками, усталость была более чем серьезной. Калмык, знающий, с чем имеет дело, тут же достал по паре ореховых батончиков, которые они молча съели. За время их марш-броска Трофим попробовал все разновидности этих, бесспорно, полезных и простых к употреблению углеводов. Больше всего ему понравились злаковые, в меру сладкие, хрустящие на зубах поджаренными зернами батончики в зеленой упаковке с изображенным на ней пшеничным колосом.

– Теперь что? – спросил Трофим, глядя на неумолимо темнеющий горизонт.

– Теперь спать. Огня делать не будем. Следов от нас не много. Ходка короткая, можно и потерпеть. Давай залазь, – сказал он, ставя руки перед собой для подсадки.

– Куда? – не очень понял Трофим. – На дерево?

– На дерево, на дерево. Давай не тяни. Нормально там все, в развилке подвяжешься и хорош. У зверолова свои грехи, ночевать опасно. Давай, – еще раз тряхнув сложенными для

ступеньки ладонями, сказал сталкер.

Ученый залез, неловко перебирая руками, шурша листьями и цепляясь головой и плечами за сучья. Наконец он нашел более-менее удобную ветку и сел на ней, чувствуя, что это не ровно, неудобно и не безопасно. Калмык легко взобрался следом, практически бесшумно выбрал себе место и, достав кусок веревки, согнул и перевязал друг с другом несколько веток, срезав несколько мешающих ему веток, он натянул дополнительно пару струн, заполняя прорехи в конструкции, образовав нечто вроде гамака, из которого, действительно, если не особо крутиться, выпасть было сложно.

– О как! – удивился Трофим. – Ловко!

– Уметь надо, – ответил Калмык. – На вот тебе веревку, вон там размещайся. Вот эту ветку сюда, а эту сюда, – указал он пальцем, – и вот это к стволу для надежности повыше подтяни.

Трофим, следуя советам сталкера, связал ветки так, как надо, подрезал, где росло не в ту сторону, перевешал рюкзак на сучок и прилег на получившееся ложе, осторожно пробуя его на прочность, слушая потрескивание маленьких веточек под его весом. Получилось не так чтобы совсем хорошо, но гораздо лучше, чем он опасался. По крайней мере, ровно посередине проходила толстая опорная ветвь, а с боков чувствовалась опора других веток и веревок, ощущение нескольких метров пустоты за спиной сначала немного напрягало, но потом он привык и перестал об этом думать.

Увидев перед собой странной формы лист, где на одном черешке росло сразу два каплевидных зеленых листочка, он закономерно спросил у лежащего почти напротив него и ниже сталкера:

– Калмык, а что это за дерево? Листья у него спаренные какие-то.

– Оляха, это, Док, – зевая, ответил сталкер. – После дуба самое безопасное дерево. Ветви мягкие, раскидистые. Вяжутся легко, насекомых кусачих нет почти... Но ты забрало закрой, на всякий случай. Если повернуться захочешь, лучше просто сядь, посиди и снова на спину ложись, а то разоспишься, грохнешься, – уже сонно сказал он.

Трофим позавидовал ему. Так быстро засыпать, когда нужно – это талант, а в долгих походах и сложных ситуациях просто дар свыше.

– Спокойной ночи, – сказал Трофим, пытаясь разглядеть сквозь густую листву небо.

– Мм... – ответил ему уже почти спящий сталкер.

Стараясь не думать ни о чем, кроме того, что надо выспаться, ученый закрыл глаза. Мерное покачивание и поскрипывание дерева, шелест листвы в ночном ветре, далекий, уже привычный вой то ли кровососа, то ли слепого пса медленно, но верно убаюкивали его. Через десяток минут Трофим почувствовал себя в безопасности, позабыл обо всех утренних передрягах и незаметно уснул.

Глава 8. Овод Пустотелый

– Док, проснись!

Кто-то трепал его за ногу, выдергивая из глубокого сна.

– Проснись, у нас гости!

Трофим открыл глаза. В серой предутренней туманной хмари проглядывалось лицо сталкера. Почувствовав ветвь под спиной, ученый вспомнил, где он находится, и от неожиданности потерял ощущение своего тела, на секунду ловя неприятное ощущение падения, спровоцировавшее всплеск адреналина. Судорожно схватившись за то, что подвернулось под руку, он пришел в себя.

– Какие гости? – встряхнув головой, чтобы быстрее понять сталкера, спросил он.

– Да кабы я знал. Вон, вниз посмотри.

Трофим сориентировался и посмотрел вниз. Там внизу, метрах в шести ниже, в тумане темными пятнами стояли люди и, задрав головы, смотрели на них.

– Ну? Что скажешь? – спросил Калмык.

– Они нас видят? – ужаснулся ученый.

– Видят, видят. Знали куда шли, не искали, сразу напрямиком вышли. Только я их раньше услышал, шесть человек... или не человек. Из Рыжего пришли. Может, это и есть те самые ряженые? А? Они только что подошли, – сказал Калмык.

Трофим сел поудобнее, соображая. Если это люди, они бы сказали хоть что-нибудь, или по крайней мере были с фонарями. Один из подошедших подошел совсем близко к стволу дерева.

– Мужики, слезайте, – сказал он низким, неестественно затынутым голосом.

Калмык с Трофимом переглянулись. Это явно было по профилю ученого.

– Чего тебе? – крикнул Трофим, одновременно всполошив ночевавшую на соседнем дереве пару ворон, заставив их каркнуть, перебивая его.

– Разговор есть, – сказал снизу.

Трофим включил налобный фонарь, освещая стоящего внизу. Калмык отсел подальше и припал к оптике винтореза.

– Мать моя, – сказал он, почти в упор разглядывая подошедшего. – Пятнистый, не сказать, что мертвец.

Трофим полез к рюкзаку и достал оттуда небольшой бинокль, а заодно и пару нарезанных кусков хлеба. Как будто случайно уронил их вниз и припал к биноклю, наблюдая за гостем. Через замутненный туманом воздух снизу на них смотрел человек в комбинезоне наемника. Лицо, щеки и лоб были в коричневых или ржавых пятнах, размером с копеечную монету, некоторые больше. Глаза вроде как живые, даже дыхание легким облачком вырывалось из ноздрей в утренней сырости. На упавшие куски хлеба тот не обратил внимания. Зато подошли еще двое, также задравших голову, с

примерно такими же пятнами на лице. «Если это наш вирус, то крайне нестандартная форма. У того профессора ничего подобного не наблюдалось». Одежда на незваных гостях была перепачкана какой-то золой. Один из них в разорванном армейском бронежилете, со страшными рваными отметинами имел нашивки Свободы. Трофим посмотрел на Калмыка.

– Узнаешь? – одними губами спросил он.

Тот едва заметно кивнул. У зверолова не было сомнений, что это уже не живые люди. Наверняка он заметил больше десятка признаков, которые указывали на истинное положение вещей.

– Вы откуда? – спросил Трофим, опасаясь упасть вниз, ловя себя на мысли, что эти трое внушают ему гораздо больше страха, чем если бы под деревом стояли другие мутанты, хоть бы и кровососы.

В ответ один из них протянул руку к сталкеру. Дотянуться физически у него не было возможности. Зная о том, что зомби сейчас, очевидно, воздействует на него, Трофим сильнее схватился за ветки, неудобно скрючившись. Калмык, увидев такой поворот, мгновенно подвязался к дереву практически материализовавшимся у него в руках отрезком веревки. Ничего не происходило. Казалось, это также ввело мертвецов в ступор. Теперь уже трое потянули к ним свои руки, едва заметная кратковременная ломота по всему телу, не более. Калмык выжидательно смотрел на него, показывая приклад винтореза, спрашивая одним жестом, валить их или

нет. Трофим предостерегающе поднял руку.

– Так говорите, раз надо, – крикнул он вниз, глядя уже без бинокля на смазанные туманной дымкой силуэты внизу.

Положение для зомби было тупиковое. Они не могли ничего сделать, их воздействие свелось к нулю, а физически им так просто было не добраться. «Жаль, тепловизора нет с собой, пригодилось бы», – подумал Трофим.

– Говорить будем? Нет? – еще раз спросил Трофим.

Зомби молчали, сгрудившись у ствола, они высматривали его, задрав головы вверх. Судя по тому, что хлебом они не интересовались, голодны они не были, а исходя из того, что среди них был свободовец, становилось очевидно, что сознание у них крайне изменено, колония вируса ищет и собирает новых носителей, уже охотясь непосредственно прямой наводкой за человеком. Очевидно, это принципиально новая колония, заставляющая активно переносить себя на еще не зараженных людей. Кстати, Трофим вспомнил, что он тоже инфицирован, и то, что эти вот пришедшие, в крапинку, не определяют его как своего, в отличие от того же профессора и Юрка, косвенно подтверждало, что это совершенно иной штамм. И пожалуй, он догадывался, откуда он появился и когда. Начальный носитель и ранее хотел уничтожить профессора Одинцова, и, судя по всему, у этого вируса и теперь только одна цель.

– Я все выяснил, Калмык, – сказал он зверолову, – нам тут теперь делать нечего. Это они охотятся за людьми. Новый

вид вируса, я знаю, откуда он вышел.

Калмык провел пальцем по горлу. За все время он не издал ни звука не по делу. Ученый кивнул. Сталкер прильнул к оптике, и три гудящих глухих хлопка послали бронебойные девятимиллиметровые пилюли в головы зомбированных. Все трое упали, на двоих были шлемы, но для боеприпасов такого типа это не имело значения. Калмык тут же посмотрел на ПДА, ища еще троих. Но они не отражались на детекторе, не теряя секунды, он поменял положение, выглядывая со всех сторон. Трофим понял, что зомби не имеют разницы температур с окружающей средой, но в любом случае они имеют разность фаз с окружающей средой. Он достал из рюкзака фазометр, похожий на древний калькулятор с небольшим жидкокристаллическим экраном. Тут же на нем отобразились оба сталкера, три трупа внизу и три на разном расстоянии, также помеченные как трупы. Показал Калмыку экран, тот в секунды сориентировался и принялся выискивать первого, но его не было видно из-за ветвей дерева. Внезапно что-то произошло. Сначала Трофим посчитал это обманом зрения, но через мгновение понял, что все, что он видел, не являлось галлюцинацией. Под тремя лежащими зомби словно растекающаяся черная лужа стало распространяться черное пятно. Пятно коснулось дерева, и через несколько секунд сталкеры увидели, как листва, корежась и потрескивая, словно облитая кислотой, вдруг стала чернеть, рассыхаться и опадать. Мелкие веточки стали отваливаться

и черным крошечком устилать большой круг под деревом, а внизу секунды назад неподвижные зомби вдруг начали быстро карабкаться наверх. Издав невнятный звук, Калмык снова высадил по паре бронебойных в головы карабкающихся. Первый, вскинув руки, упал, сбивая следующего за ним, а нижний, уже будучи повторно застреленным, застрял в ветвях. Резкий треск сучьев, ворох черных обломков, и на Калмыка сверху, с соседнего дерева прыгнуло еще одно тело, совершенно неожиданно для зверолова. Трофим выхватил пистолет, не решаясь стрелять, как еще одна куча обломков посыпалась на него. Сверху с соседнего, ближе к нему дерева прыгал еще один пятнистый в комбинезоне Заря. Выстрелив в силуэт, ученый так и не понял, попал или нет, как его схватил за голову упавший и, разинув рот, капая желтой слюной, принялся срывать с него забрало. Трофим заорал и, совершив невообразимый кульбит, вывернулся из-под нападавшего. Ложе, рассчитанное на одного, треснуло, и нападавший в комбинезоне Заря полетел вниз, на снова вставшую на ноги и карабкающуюся вверх троицу. Летевшее тело, не задев никого, грохнулось на уже черную землю, выбив пыль, черным облаком скрывшую тело. В тот же момент краем глаза он заметил третьего десантирующегося мертвеца, но тот, не успев схватиться за черные безжизненные ветви, которые вдруг стали хрупкими и ломкими, пролетел мимо. В результате он, приземлившись плашмя на землю со знатным шлепком, выбил еще одно облако трухи. Калмык тем временем

уронил винторез и уже скинул своего на землю. В руках у него был нож, по самую рукоять измазанный красно-желтой слизью.

– Живьем брать хотят, твари, – сказал он.

Забрало его комбинезона было в разводах то ли слюны, то ли измененной крови этих существ. Получив неожиданный отпор, зомби вновь принялись штурмовать дерево, но уже вшестером. Не намереваясь больше прятаться, Калмык достал пистолет, такой же пластиковый «Глок-17», и включил налобный фонарь.

– Я так понимаю, слюна у них заразна? – спросил сталкер.

– Правильно понимаешь, Калмык, и да, мы им живьем нужны, – ответил Трофим. – Пополнение.

Пистолет он не выронил, и они оба были вооружены.

– Мы сейчас по-другому сыграем, – сказал сталкер и, прицелившись, стал стрелять по рукам первого мертвеца.

Стрелял он метко, и, судя по всему, патроны у него были не простые. Пуля разбивала кость в мелкие куски, делая ее мягкой. Несмотря на это, лезущий первым продолжал держаться, не падая. По нему лезли уже другие. Сталкер выстрелил в голову. Мертвец подкатил глаза и, замычав, начал падать, цепляясь за других, вовлекая их в падение. Осталось только двое ползущих к ним. Калмык тут же накинул петлю на шею первому, лезущему практически без одежды, и через ветку вздернул его вверх, зафиксировав в подвешенном положении.

– Все, Док, отстреливай всех, мне нужна минута, – командовал он.

На мертвеца петля на шее и отсутствие опоры под ногами не произвели никакого впечатления, он умудрился одной рукой зацепиться за ветку, притянуться и, находясь чуть ниже сталкера, схватить его за ноги. Калмык тут же выстрелил ему в голову, заставив тело обмякнуть. Затем он втащил его выше, развернул и связал руки за спиной, вместе с ногами, соединив две связки. Таким образом, существо руками касалось собственных пяток. Зомби пришел в себя, вися на одной шее. Не в силах сказать слова он тарасился на Калмыка. Трофим хоть и был никудышным стрелком, но большая обойма, близкое расстояние, медленные цели давали ему огромное преимущество, он сбрасывал одного за другим мертвецов вниз. Он не заметил, что на ранее зеленой опушке из десятка деревьев уже не осталось ни одного живого растения, все превратилось в черный, словно сгоревший и осыпающийся прах. Калмык внимательно смотрел на мертвеца.

– А ведь он не подыхает, Док?! – с удивлением сказал он. Трофим дрожащими руками поменял обойму. – А если вот так?

Зверолов воткнул охотничий нож в мертвеца и распорол ему брюхо. Существо задергалось. Порченые красно-желтые внутренности посыпались вниз, на вновь упрямо карабкающихся мертвецов. Сломанные кости их срастались, но казалось, что они все-таки стали медленнее. Висящий на одной

только шее зомби и Калмык продолжали сверлить друг друга взглядами.

– Док, он как резиновый, режешь как будто покрышку, и он все равно в сознании! – не то восхищенно, не то возмущенно сказал зверолов. – Его что на части тут разложить? А? Как думаешь, срастется?

Трофим уже не очень соображал, находясь в шоке от того, что делал Калмык, и от настырно лезущих к ним мертвецов.

– Они не пользуются пищеварительными органами, – крикнул ученый, краем глаза глядя на висящий безобразный вспоротый объект.

– Не пользуются? – изумился Калмык. – Интересно, а вот этим они пользуются?

Он чирканул внутри мертвеца ножом, нисколько не смущаясь, засунул туда руку и выдернул сначала легкие, а потом сердце, которое едва пульсировало, выплевывая темную, почти черную кровь. Трофим хоть и вскрывал ранее объекты для изучения, но делал это в хорошо освещенном кабинете, вместе с коллегами, под запись видеокамер, бережно упаковывая органы, взвешивая, измеряя, в то время как другой ученый относил все это в холодильник с обязательными надписями даты, времени и названия органа. Но тут, в этой зачумленной обстановке, на черном дереве, в тумане и грохоте выстрелов выпадающие их зомби куски никак не ассоциировалось у него с этикой некробиолога, а уже стонущие внизу мертвецы никак не ассоциировалось с коллегами в белых

халатах.

– Сдох? – с надеждой спросил Трофим.

– Не-а, – ответил зверолов, пристально глядя в глаза мертвецу. – Вот такую, значит, они нам жизнь предлагают, а, Док?

– Последняя, – заряжая обойму, отчаянно закричал Трофим, которому было явно не до философских высказываний и размышлений.

– Побереги патроны. Теперь папка стрелять будет, – сказал он. – Делай как я!

Зомби, висевший напротив него, дернулся, как будто хотел помешать сталкеру или столкнуть его, но только слегка качнулся, скованный в движениях. Сталкер прицелился и выстрелил в каждого из замедлившихся мертвецов, после каждого выстрела спускаясь на одну ветвь ниже. Последнего он застрелил почти в упор. Все пятеро повалились на землю, но первый из застреленных невероятно живучих зомби уже сидел.

– Ходу, Док, ходу, – крикнул сталкер и, убедившись, что ученый слышит его и тоже спустился, утопая в тумане, двинулся скорым шагом обратно на базу.

Овод с братьями прекрасно видел двух спящих в деревьях людей. Равномерное красное свечение показывало, что люди сильны и крепки, а им нужны крепкие братья. Старший Брат сказал, что скоро они пойдут дальше, потому что лес, в котором они живут, когда-нибудь кончится, из него уйдет

вся прохлада и жизнь, сочащаяся по стволам и ветвям деревьев, скрывающаяся в земле. Бегающие и прыгающие сгустки жизни уже научились обходить их стороной и прятаться, но не все. Большие, крупные, бордовые топчущие землю и крушащие все комки силы, которых он раньше называл псевдогигантами, никогда не пытались убежать, и их хватало всем братьям на два раза. Овод помнил, как он предложил людям спуститься и поговорить. Он был уверен, что, если они поговорят и он поделится с ними частицей силы Старшего Брата, они все поймут, они будут рады влиться в братство и идти вместе со всеми плечом к плечу. Но люди оказались глухи, их красное покрывало жизни оказалось недостижимым, и тогда он с братьями решил спустить их вниз, чтобы объяснить, куда они все скоро пойдут, как они будут любить и понимать друг друга, без слов, без приказов. Они смогут вместе пойти, чтобы пить жизнь и прохладу деревьев, земли, кабанов, плоти, бывших людей, существ, маскирующихся под людей, а самих людей, не имеющих ничего общего друг с другом, обращать в братство, единое и нерушимое. Когда он решил подняться к ним, они несколько раз тушили ему свет, но сила Старшего Брата не позволяла случиться этому надолго, и он снова открывал глаза, чтобы нести его частицу к ним, к двум сидящим на дереве и говорящим о не настоящем, о придуманном, о не имеющем никакого значения. И вот один из них накинул ему петлю на шею. Один из них поднял его за шею, отчего немного захрустели позвонки, но это было не

страшно, сила Старшего Брата позволяла забыть про боль. Когда один из них вскрыл его, это было неожиданно и немного страшно, но, хвала Старшему Брату, это не имело никакого значения, его сила была выше этого. Когда один из них вынул легкие и сердце, разговаривая с другим человеком, впопугу было ужаснуться, но Старший Брат был сильнее, свет хоть и померк в глазах, но братья, которые остались внизу, давали ему силы, давали ему жизнь, поддерживая в нем частицу Старшего Брата. Потом они сняли его и отнесли к полному прохлады и жизни месту. Раны зажили, но Овод остался пустой, без сердца и легких. Теперь он не сможет говорить, но он всегда будет нести частицу Старшего Брата им. Людям. Уже сейчас его братья спешили сюда с оружием, чтобы догнать и вернуть в братство этих двоих не понимающих ничего людей. Они дойдут до их дома и приведут сюда их и тех, кто будет рядом, и все они станут одним-единым, верным Братством, семьей и единением.

Зверолов и ученый быстрым шагом шли через туман. Сталкер часто останавливался и прислушивался к ощущениям, кидал болты и снова шел. Трофим же совершенно не представлял, в какую сторону надо идти, и следовал за Калмыком след в след на расстоянии чуть больше метра. Наконец Калмык остановился, поднес было руки к лицу, чтобы открыть забрало, но вовремя одумался и, переводя дыхание, обернулся к ученому.

– Док, нам надо эту дрянь с себя смыть. По-малому охота, сил нет, хоть в комбез дуй.

Трофиму и самому хотелось бы вдохнуть свежего, не фильтрованного воздуха, но снимать комбинезон, залитый непонятно чем, означало бы почти стопроцентную вероятность подцепить заражение.

– Тут недалеко водоем есть, лужа небольшая, а там пару слабых химок. Я видел, в них плоти клешнями вылавливали что-то, падаль какую-то. Значит, химия слабая, мы в ней искупаемся по-быстрому, а потом в воду прыгнем, чтоб не сгореть. Согласен? – предложил он.

Выбирать особо было не из чего. Дезинфицирующих салфеток явно не хватит, до базы еще идти и идти, в дороге обязательно нужно будет перекусить, чтобы хватило сил, да и вообще тащить эту заразу на Армейские склады было нельзя. Просто нельзя, это некробиолог понимал на все сто процентов.

– Согласен, – ответил Трофим.

Калмык сориентировался каким-то своим звериным чутьем в этом тумане и поменял направление. Почти через час показалось ярко-зеленое озерцо, в котором плавали вздувшиеся розовые трупы кабанов, уже без шерсти, обожженные кислотой и оттого отвратительно безобразные. Еще одно тело лопнуло ранее и, высыпав отвратительное содержимое, лежало в потемневшем пятне, медленно растворяясь в озере.

– Где вода-то? – забеспокоился Трофим. – Где смывать?

– А, там, за камышами, – как будто с досадой сказал зверолов, махнув рукой.

– А если там кровосос? – спросил Трофим, помня о подобной возможности.

– Ну пойдем глянем, Док, только быстрее, не хочу в мокром ходить.

– Что так просто пойдем и глянем? – совершенно не чувствуя себя в безопасности, напрягся ученый.

– Док, от нас воняет, наверное, этими зомбаками. Я уверен, что тут вокруг Рыжего леса все зверье от них шарахается. Сейчас подойдем, все, кто есть, разбежится к чертовой бабушке, – ответил Калмык, невольно переминаясь на ногах. – Хотя нет, Док, давай я купаюсь, а ты со мной идешь, вонять на кровососов. Заодно проверишь, как кислота работает, не разъест ли на мне чего, чтобы быть готовым.

– Ага, – кивнул Трофим. – Давай.

Калмык положил ПДА, пистолет, запасные обоймы, батарейки на землю, выдохнул и медленно вступил в зеленое озерцо, которое оказалось по колено. Зеленая жидкость, слегка шипя и испаряя органические остатки на нем, принимала его. Пройдя пару метров, стоя все еще по колено в воде, сталкер выдохнул и, сделав над собой титаническое волевое усилие, лег на живот, лицом в зеленую лужу, затем перевернулся на спину, убедившись, что не оставил ни одного сухого места, встал и быстро пошел к берегу. Зеленая слизь на нем дымила легким парком, вступая в реакцию с верхним

химически стойким слоем.

– Быстрей, Док, – запаниковал сталкер и бегом побежал к озерку, обогнув нечто не видимое следующему за ним ученому.

Озерко также не вызывало желания искупаться в нем. Подернутое ряской, с торчащими из разных мест прутьями арматуры и остовами машин, оно могло быть хранителем неизвестно какого количества трупов и другой заразы, но была надежда, что от заразы в этом озерце можно найти лекарство. Калмык разогнал рукой ряску и всмотрелся в дно водоема. Удовлетворившись результатом, он лег и поплескался, создавая неуместный шум для этого туманного утра. Вскочив, он вышел и осмотрел себя с ног до головы, а Трофим осмотрел его сзади. Швы не лопались, краска как будто поблекла, но в целом Сева выдержал кислотную ванну на пять с плюсом. Поняв, что все в порядке, Калмык, уже прыгая на месте, принялся расстегиваться. Добравшись, наконец, до нижнего, он с долгим стоном облегчения выдал струю в полторы атмосферы, забарабанившую по лежащей на берегу покрышке.

– О-о-о... – простонал он, содрогаясь. – Ты, Док, думай как хочешь, а я знаю, что душа под мочевым пузырем находится. Пописаешь, и на душе легче становится. Ну пойдем, что ли, теперь тебе на процедуры.

– Пойдем, – улыбнулся Трофим.

Минут через десять он уже так же забарабанил по по-

крышке. Оба рюкзака пришлось выкинуть в кислотное озеро, чтобы никто не подобрал их вместе с заразой. Кислотное купание они все равно бы не выдержали, продукты, кстати, не оказались испорчены мертвецами, но Трофим почему-то не рискнул их употреблять, неизвестно, попал на обертку вирус или нет. День без еды стоит такого риска, а с водой они что-нибудь придумают. Сталкеры очистили как смогли ПДА, пистолеты, фазометр, боеприпасы и теперь уже совершенно налегке двинулись в путь.

Туман рассеивался.

Глава 9. Брат

Измотанные, измученные жаждой и голодом Калмык и Док появились перед Армейскими перед сумерками. Идти быстро они не могли, сил уже не было, особенно быстро они таяли, когда приходилось пробегать через фонащие радиацией места, чтобы потом, сбившись на тяжелый шаг, идти, восстанавливаясь, едва передвигая ноги. Надо отдать должное зверолову, его опыт, чутье на аномалии, возможные места появления мутантов и маршрут дали им практически беспрепятственное прохождение обратного пути. Завидев черно-желтые экзоскелеты на посту, специально выкрашенные в предупреждающий яркий цвет для постовых, Трофим наконец позволил себе признаться, что устал как никогда в жизни. Комбинезон Сева с его фильтрами и запыленным стеклом казался переносной тюрьмой, медленно прижимающей его к земле, душной камерой, которую он вынужден был таскать с собой. Поравнявшись наконец с постовыми, Калмык хриплым от пересохшего горла голосом коротко сказал: «Мойка» и пошел к небольшому железному контейнеру, стоящему сразу за первой вышкой справа от входа. Контейнер ранее, очевидно, был простым гаражом, имел такие же ворота, которые быстро открывал один из бойцов группировки без брони.

– Заходи, Док, – сказал зверолов, – это как раз для таких

случаев.

Трофим зашел внутрь. В «гараже» горел свет от лампочки в плафоне на потолке. Двери за ним закрылись. По бокам стояло несколько баллонов из-под кислорода, переделанных под что-то другое, потому что из них шла труба с несколькими трубочками, направленными на вошедших. За стеной включился воздушный компрессор.

– Руки подними, сейчас водные процедуры. Пистолет, ПДА, прибор свой в корзину брось, там ребята почистят безопасно.

– Здорово придумано, – нашел силы порадоваться Трофим.

– Я тебя...

В этот момент звук шипящего пара, ударившего из десятков сопел, заглушил его слова. Калмык начал поворачиваться под этими струями возле своего баллона, ученый повторил его движения возле своего. Через десяток секунд мощный поток красноватой жидкости с силой ударил из этих же сопел, разбиваясь о комбинезоны и забрало костюма, постепенно вспениваясь. Мойка и дезинфекция были у Свободы на высоте. Еще через минуту подали воду, смывшую всю пену и химию с комбинезонов. Лязгнув засовами, открылся контейнер.

– Выходи давай. Гипс к себе срочно требует. Отчитайтесь и гуляйте, – сказал свободовец, жестом показывая на выход.

– Я тебя правильным мясом накормлю, псевдособака ту-

шенная. Сам консервировал, – пообещал Калмык, капая каплями воды. – От нее здоровье как от артефакта восстанавливается, нам сейчас как раз пойдет.

– Да ладно? – усомнился Трофим.

– Ну может не как с артефакта, – поправился зверолов, – только если на здоровую его съешь, так трясоти начнет, как от инъекции адреналина, плохо делается, мотор стучит, а сейчас нам с тобой это дело только поможет. Вот увидишь, – пообещал он.

Трофим кивнул. Оставляя мокрые следы, они двинули к Гипсу, который ждал их у себя в кабинете. Оба вошедших, поздоровавшись, в первую очередь вцепились в литровую фляжку лидера Свободы, лежавшую на столе. Долго и неотрывно по очереди пили, с передышкой передавая тару друг другу, пока литровый бутыль не опустел.

– Ну что, мужики, мучить вас не буду, вижу, что умотались. Кратко, по существу. Что узнали? – спросил он, стоя у окна в пол-оборота и куря в окошко сигарету.

Калмык посмотрел на ученого, давая понять, кто должен держать ответ.

– Это новая форма вируса. Крайне опасная. Агрессивные объекты собирают носителей, которыми является человек, инфицируют, образуя сверхколонии. Я считаю, что это они похитили ваших бойцов и будут похищать еще. Окружающую экосистему уничтожают вне зависимости от ее формы жизни, механизм энергетического разрушения принци-

пиально не отличается от механизма синхронизации исследуемого вируса *papillosa virum*, известного в настоящее время. Живучи как...

– Достаточно, Док. Так ты говоришь «ваших бойцов»? – держа сигарету на весу, спросил Гипс.

– В смысле? – не понял Трофим. – А, извините, наших бойцов.

– Так лучше. Продолжай.

– Живучи, наверное, беспрецедентно. Калмык вскрыл одного, без органов оставил, но он, судя по всему, продолжал функционировать. Но это в целом логично, если у них другой принцип трансформации и потребления энергии, то это не критично. Уровень энергопотребления у них крайне высок, соответственно, и восстановительные процессы стремительны, плюс возможны свои аккумуляторы энергии, но это нужно выяснять. К тому же он был не один, и наверняка его подпитывали остальные объекты. В процессе того, как они нас доставали, они уничтожили все живое метрах в двадцати вокруг, но для незащищенного организма дальность их воздействия, должно быть, выше, метров пятьдесят, шестьдесят. Проверить, сами понимаете, сейчас невозможно.

– Понимаю. Доставать хотели, но не достали, – удовлетворенно хмыкнул Гипс, глядя на зверолова. – Есть что сказать, Калмык?

– Режутся тяжело очень. Прочные, как резина. В голову не умирают, я так думаю, жечь их надо, больше никак.

– Ясно, мужики, ясно. Информацию принял. Спасибо за работу, сохранили нам жизни. Сейчас соберемся, подумаем, как решать это, ребят отзываем с той стороны, а вы давайте отдыхайте. Все, свободны, – сказал он, не выкидывая окурков в открытое окно, а гася его в пепельнице.

Сталкеры встали и двинули на выход.

– Док, давай дуй в столовку, закажи лапши горячей, я сейчас тушенки принесу, – скомандовал Калмык и легко побежал в сторону ангара.

Трофим же, еле передвигая ноги, двинулся в столовую, устроенную в другом ангаре, состоящую из нескольких длинных столов и приставленных к ним скамеек. Через какое-то время перед ученым, сбросившим комбинезон рядом на скамейку, на столе появилось две горячие чашки с лапшой, и тут же нарисовался умытый и расчесанный Калмык со стеклянной трехлитровой банкой тушенки, красноватого мяса. Заметив неуверенный взгляд Трофима, он успокоил его.

– Не переживай, Док, хорошее мясо. Я его слишком не порчу, чтобы свойство не ушло, поэтому слегка красное. Мой рецепт, фирменный.

Вспомнив, что он уже пробовал один фирменный рецепт водки с «волчьей слезой» на вышке, он согласно кивнул, после всего, что произошло сегодня с утра, съесть красноватое мясо псевдособаки... тьфу, раз плюнуть. Словно прочитав его мысли, сталкер выложил ему в тарелку горку мяса, на-

ложив то же самое себе. Ученый взял вилкой один кусок и положил в рот. Чуть многовато соли, перец, лаврушка, чувствуются волокна и сухость мяса, но...

– Нормально, – оценил он, – вкусно.

– Нормально, нормально, – подтвердил, набивая рот едой, сталкер.

Через несколько минут тарелка была очищена. Обоих пробил пот, в глазах появился возбужденный блеск, нехотя, глядя друг на друга, они заулыбались.

– Хорошее мясо, особенно с лапшой, – похвалил Трофим, почесывая бровь. – Давай еще по тарелке, что ли?

– Давай, – кивнул зверолов.

Трофим взял обе тарелки и двинул к Товарищу, наблюдавшему за сталкерами.

– Док, ты у Калмыка попроси для меня тарелочку тушенки, а? – попросил он заискивающе.

– А что сам не спросишь? – удивился Трофим.

– Спрашиваешь, – хмыкнул бармен. – Чистую псевдособаку без радиации попробуй найди, мы только у него и видели. А я вам поляну соображу, когда скажете. А?

– Спрошу, – улыбнулся Трофим. – Накладывай!

Бармен от души наполнил тарелки горячей едой и сам понес к столу хлеб.

– Калмык, там бармен просит тебя... – начал было Трофим, садясь за стол.

– А, – отмахнулся зверолов, перебивая, – знаем. Они ж ее

сожрут, гады такие, и все. А это же лекарство, как змеиный яд или пчелиный.

Но доесть вторую тарелку им дано не было. Где-то вдалеке, за территорией базы, уже в сгущающихся сумерках вдруг разом грохнули многоголосые автоматные очереди, с четко выделяющейся дробью пулемета. Не особо беспокоясь, Трофим по примеру зверолова вместе с тарелкой пошел к выходу посмотреть, что бы это могло быть. Постовые скрылись за баррикадами, вглядываясь в оптику прицелов в происходящее. Там видимые в наступающих сумерках, коротко вспыхивали огни автоматов и пулемета, как по мановению волшебной палочки вдруг разом прервавшиеся. Кто-то вел бой на приличном расстоянии от базы Свободы. Трофим остановился возле вышки, спрятав тело, но наивно оставив голову с тарелкой наружу, продолжая прихлебывать суп. Калмык тем временем прокрался к постовому, сидящему за мешками, прижавшись к ним спиной, спрашивал его о чем-то, время от времени кивая и поднося ложку ко рту. Затем еще раз кивнул и, пригнувшись, перебежал к Трофиму. Прятаться, возможно, и не было необходимости, но и маячить на фоне неба при таком раскладе было нежелательно.

– Что там? – с тревогой и интересом спросил ученый.

– Там крайне любопытная компания, Док, – ответил Зверолов, доедая суп. – Там неизвестная сторона ведет бой с необозначенным противником, находящимся ближе к нам. Мы понимаем, что это Долг.

– А что? Почему Долг? – не понял Трофим.

– Потому что огонь ответный у них беспламенный, ночная операция предстояла, сигналов ПДА нет, значит, не сталкеры, не бандиты и не наемники. С наемниками у нас нейтралитет, а бандиты сюда не сунутся. Вот получается, что пришло сюда бычье по ночному нас отстреливать, а их тут кто-то из леса прижал, – опуская пустую тарелку, договорил Калмык.

– А кто прижал? – недоуменно спросил ученый.

– Это выясняем. Отправили Хоря проверить, минут через десять вернется, скажет.

– А у него «кристаллы» навешаны? – чувствуя дурное, спросил Трофим.

Монгольские глаза Калмыка расширились.

– Думаешь? Щас выясним.

Он пригнулся и стремительно бросился к посту. Постовой отложил СВД в сторону, рядом к стоящим в уголке РПГ, пулемету и АК, и принялся что-то отбивать в ПДА. Через минуту он кивнул, Калмык облегченно показал большой палец вверх, показывая, что да, боец защищен. Поняв, что зверолов останется на позиции, Трофим развернулся и со своей тарелкой пошел обратно. Вернув ее бармену, он поблагодарил за отменную лапшу и, несмотря на намного улучшившееся самочувствие после мяса псевдособаки, побрел к себе в комнату. Бармен между тем заботливо спрятал трехлитровую банку тушенки себе в холодильник, конечно же, до пер-

вого запроса Калмыка.

Отряд из трех квадов по четыре человека, возглавляемый Кабаном, двинулся в сторону базы противника, который мало того, что принес им поражение у Пепелища, так еще и продолжал откусывать по кваду в глубокой Зоне, в основном вокруг Рыжего леса. Рожок дал команду наказать Свободу по принципу глаз за глаз. Если они действуют настолько подло, терпеливо устраивая идеальные засады, когда никто не успевает даже оказать сопротивление, то Долг покажет, что такое не прощается. Группировка, только что пополненная военными сталкерами с Большой Земли, должна была перекрыть потери, а сегодняшняя операция на Армейских складах оставить противнику кровоточащие раны, от которых он еще долго будет отходить и много раз подумает, перед тем как напасть на его бойцов. Командующий операцией Кабан должен был незаметно расположиться напротив Армейских складов и, работая бесшумно, отсекал всех проходящих и выходящих свободовцев до следующего утра, либо, если позволят обстоятельства, продержаться в таком режиме пару дней, меняя точки засад, выбивая концентрированным огнем все направленные на его окружение и уничтожение силы неприятеля. Конечно, Свобода наверняка скоро сможет дать отпор, стянув свои силы с других постов, таким образом ослабив Пепелище, и вот тогда в Пепелище войдут основные силы Долга, забрав себе раз и навсегда уже укреп-

ленный пункт.

Кабан, действуя по военной науке, расположил свой квад в километре от главного входа в Армейские склады. Квад Рыхлого расположил северо-западнее, ближе к начинающемуся редкому лесу, а квад Цезаря юго-западнее. Таким образом, квады расположились равносторонним треугольником с длиной стороны в двести метров, что позволяло прикрывать друг друга, а также исключало возможность незаметного прохода в тыл кваду Кабана. Квад Рыхлого и Цезаря никак не должен проявлять себя до самого крайнего момента, чтобы внезапным огнем накрыть как можно больше сил противника, который обязательно выдвинется, чтобы подавить залегших снайперов.

Так планировали командиры группировки Долг, но что-то пошло не так. Кабан понял это, когда по выделенной линии ему на ПДА пришло сообщение о движении в лесу. Противник, казалось, знал, где залегли бойцы Рыхлого, напрямик без выстрелов шел на них, несмотря на маскировку и сгущающуюся темноту. Квады были замаскированы настолько, что бойцы, лежащие в нескольких метрах друг от друга, не видели ни оружия, ни части тел залегшего рядом боевого товарища. Шедшие же из леса почти двадцать человек в совершенно непонятном обмундировании приблизились на десять метров, это уже видели в бинокль Кабан и Цезарь, после чего один из противников что-то сказал лежащим на земле людям, которые до последнего момента не выдавали

себя, проявляя железные нервы и выдержку. После его слов, а точнее, с первыми его словами квад Рыхлого открыл бесшумный огонь. Тут же подключились другие два клада, попадая бронебойными в головы и не защищенные у большинства пришедших грудные клетки, но через секунду в кваде Рыхлого стрелять смог только он сам. Разрядив несколько обойм, он вскочил и, пригнувшись, бросился убежать к Цезарю. Нападающие падали, но что-то случилось со зрением Кабана, ему казалось, что из-под застреленных бойцов противника широким кругом растекалась кровь, после чего они вновь вставали.

– Зомби! – прошептал лежащий рядом с ним боец, меняя обойму.

Концентрированный огонь из ВАЛов, винторезов, АК с глушителями валил зомби одного за другим, наконец, не осталось ни одного стоящего. Но зомби не умерли, они перестали вставать и теперь ползли по на глазах чернеющей под ними земле. Увидев это, долговцы снова открыли огонь, но теперь попадать стало гораздо сложнее. Место, где маскировались клады, поросло низкорослым плотным кустарником и высокой острой травой, режущей голые пальцы, в которой ползущие были практически не видны, пока после очередного попадания не начинала чернеть и осыпаться растительность, окружающая ползущего. Кабан забеспокоился, боеприпасы тратились не по делу, а напавших на них меньше как будто не стало. Зомби дергались под исступленным

огнем снайперов, затихали, но другие продолжали ползти к людям, медленно, но верно сокращая расстояние. Это было похоже на кошмар, безмолвный бой без окрика, без стопа, без проклятий и ругани, только черное пятно, надвигающееся на обороняющиеся в сумерках квады. Три мертвеца подобрали военсталов из нового пополнения приписанных к кваду Рыхлого и понесли их в сторону леса, взвалив на спину. На секунду воцарилась тишина, такого Долг еще никогда не видел. Подавив крик проклятья, Кабан открыл огонь по их товарищам, очевидно, живым, но не могущим обороняться. Он не желал никому такой смерти. Что они будут делать с ними? Зачем они их понесли? Они что будут жрать их, пытаться? Нет, исключено! Это поняли и его боевые товарищи, сконцентрировав огонь на безвольной ноше. Свежая алая кровь потекла из появившихся ран, показывая, что это были живые люди. Смерть троих пленных в корне поменяла картину. Вдруг зомби, упрямо ползшие по земле, встали все как один, с оружием наперевес, направляя его на долговцев, до которых оставалось менее ста метров, показав всем свои покрытые ржавыми пятнами лица, простреленные одежды и изорванные бронежилеты.

– Братья-я-я...

Страшный медленный крик из черных ртов, срастающихся простреленных глоток и затягивающихся ран на грудных клетках, которые сейчас приведенные в действие криком потекли желтыми пятнами. Крик не закончился, перейдя в

шквальный огонь, не прикрытый пламегасителями и глушителями, который не был слеп, ища замаскированных бойцов в кустарнике и высокой траве, он был точен и беспощаден. Кабан почувствовал, как в его шлем и ключицу бронжилета звонко ударила пуля, дернув голову в сторону и обездвижив руку. В глазах потемнело и поплыло. Контузия. Еще несколько пуль вошло в землю практически рядом с лицом. Несколько мертвецов, не стреляя, быстрым шагом двинулись к квадам, прощупывая пространство впереди. Справа от Кабана застонал и затих, скрючившись в позе эмбриона, Ворон, ткнулся в землю лицом Батискаф, новенький военный сталкер, приписанный к его кваду, застыл, глядя в никуда. Мертвецы нашли в траве Рыхлого, орущего и стреляющего из пистолета, не веря своим глазам, Кабан видел, как они срывают с него одежду, держа его рот страшной черной рукой. Квад Цезаря сопротивлялся дольше всех, но и он затих. «Неужели все, – подумал Кабан, слыша нарастающий шум в голове, – неужели эти нелепые зомби могут разделаться с нами вот так, за пару минут... Неужели я остался один...». С трудом приподнявшись на локтях и плохо понимая, что делает, он посмотрел на этих новых, страшных мертвецов, которые уже двигались и к нему. Вскрытый, пустотелый мертвец шел к нему, кренясь и покачиваясь. Зияющая дыра не затянутая и не кровоточащая вместо живота, отчего был виден позвоночник внутри, кусок кожи живота, отвернутый наружу, свисал фартуком. Холодея от ужаса, Ка-

бан поднял голову, глядя мертвецу в лицо. Оно было знакомым... очень знакомым... Это же... это же Овод, его боевой друг, практически брат...

– Брат... – одними губами сказало существо и протянуло руку.

Заорав от дикого, непередаваемого ужаса, Кабан вскочил, развернулся и на плохо слушающихся ногах побежал в сторону Армейских складов.

Глава 10. Контакт

Трофим встал в семь утра, выспавшийся и отдохнувший. Приняв душ в общей душевой, почистив зубы, сменив белье, он почувствовал себя совсем человеком. В коридоре двухэтажного здания, где он жил, также началось оживление. Свободовцы просыпались, шутили, балагурили, добродушно выкрикивали что-то друг другу, подвязанные полотенцами ходили в общую душевую и выходили из нее. Приятное оживление, которое за такое короткое время Трофим почти не видел, давало ощущение покоя. Напротив его двери стоял сталкер и явно ждал Трофима. Увидев его, он поспешил к нему.

– Здорово, Док, – протянул руку он. – Я Жила, тебя к главному, как позавтракаешь. Дело конкретно по твоей части.

– Ясно, – поздоровавшись, вздохнул Трофим.

Вызовы к начальству не нравились ему еще там, на Янтаре, да и кому это может нравиться? Конечно, Гипс ни в какое сравнение не шел с Водопьяновым, выигрывая у него в разы по всем статьям, но факт оставался фактом, начальство у него было, и требовало на ковер.

Минут через сорок, торопливо доедая горячий омлет из яичного порошка с крепким кофе, Трофим, поднимая глаза, увидел подходящего к нему Гипса с Калмыком.

– Мы тут решили тебя не ждать, долговато собираешься, –

пожурил Гипс, протягивая руку.

– Ну я... – начал было Трофим, но Гипс прервал его жестом.

– Кушай, кушай, это я так... – он вздохнул. – Пойдем сейчас послушаем одного товарища, который нам вообще-то не товарищ. Все, поел?

Трофим, обжигаясь, допил кофе и кивнул, собираясь отнести тарелки на край стойки.

– Оставь, – сказал Гипс. – Уберут, не переломятся.

Только сейчас ученый заметил бессонные темные круги под глазами у лидера группировки. Видимо, у него была очень долгая ночь, полная размышлений, сигарет и кофе, и, судя по всему, причины на это были. Они прошли тропинками под мост, ведущий на выход из базы. Под мостом находилось несколько строений в бедственном, требующем ремонта состоянии. Рядом с одним из таких строений за кривеньким деревянным столиком на ящике сидел мужик и ел что-то из тарелки, закусывая хлебом. Он был в сланцах, яркой желтой футболке и красном трико, волосы его просвечивала седина. Его охранял боец в экзоскелете, без оружия. Поравнявшись с ним, Гипс некоторое время смотрел на жующего человека. Его манера есть и состояние вызвали жалость. Голова подрагивала, взгляд время от времени бесцельно скользил по пришедшим людям, хлеб, трясущимися руками направляемый в рот, создавал ощущение, что он боялся, что его отберут в любой момент.

– Знакомься, это Никита Мостовой, по прозвищу Кабан, группировка Долг, – сказал Гипс. – Вчера они в количестве двенадцати человек устроили нам засаду. На них вышла группа твоих зомби и в течение нескольких минут положила и захватила всех, кроме него. Его по знакомству отпустили.

– Зря смеешься, командир, – ответил Кабан, не поднимая взгляда.

– А я не смеюсь, Кабан. Я плачу, – ответил Гипс. – И по вашей натуре дурацкой, и по той беде, что в Зоне появилась, – он повернулся в сторону Калмыка. – Они же за нами приходили сюда, на склады, а наткнулись на них. Он там своего кореша узнал, вспоротого. Овод его позывной был... Видишь, как получается, Калмык?

Калмык кивнул, переступив ногами, словно чувствовал неудобство за проделанное.

– Они что посчитаться приходили? – спросил он, не желая слышать утвердительный ответ.

– Может и посчитаться, но, я так понимаю, больше всего за людьми. Что, Кабан, может расскажешь еще раз, что было, что видел?

– Не попугай я, чтоб без конца одно и то же талдычить, – буркнул Кабан, убирая пустую тарелку и беря стакан с чаем.

– Ладно, слушайте меня тогда.

Он кратко пересказал то, что случилось прошлой ночью, особо делая упор на то, что первых трех, взятых без выстрела, они уносили.

– Ну что скажешь, эксперт? – обратился он к Трофиму. Кабан зыркнул на ученого, что не ускользнуло от глаз Гипса.

– Ишь ты, зоркий какой, – негромко сказал Гипс, – а вчера на тебя двойную пенитролома потратили, чтоб в чувство привести. Нечего тут срисовывать, ты не у себя на базе. Если что вспомнил, забудь, тут люди и для тебя стараются, чтоб не загнулся ты... Или как этот Овод твой, – Гипс сделал паузу. – Вчера еще без седины был, ночью накрыло, ребята дежурили, капу вставляли, чтобы язык не прикусил, – сказал он, обращаясь к Калмыку и Доку.

– Вирус, очевидно, ориентирован на живых носителей, поэтому живьем берут. Трупы им не нужны, иначе бы сразу стреляли в нас там и тут в них. Надо в лабораторию идти, – сказал Трофим. – Оттуда все началось, и этот вирус, и тот. В документах искать надо, что это, как его сделали, результаты исследований и основная цель штамма. Про нынешний вирус я успел узнать, как и для чего, от профессора Одинцова, а про этот искать надо готовые разработки. Самому разбираться года уйдут. Я так понимаю, что годов у нас нет.

– Ты про ту лабораторию, что в Пепелище вход сделан? – не поднимая головы, спросил Кабан. – Узнал я тебя, узнал, Гудин Трофим, заместитель заведующего шестой лабораторией. У нас по всему Долгу ориентировка на тебя как на пропавшего без вести. А ты вот где, оказывается.

– Здесь он, здесь... Где лучше работать, там и работает.

Нечего из этого трагедию устраивать, он закона не нарушал, сообщение о том, где он и почему, мы, куда надо, отправили, – сказал Гипс. – Отправили, отправили, – подтвердил он в ответ на удивленный взгляд Трофима. – Что про Пепелище еще знаешь? – обратился он к Кабану.

– В подземную лабораторию хода нет. Вчера их специалист спускался по одному из черных ходов, как его... Казах из Семипалатинска Берик...

– Капезович, – договорил Трофим.

– Так точно, Капезович, – медленно подтвердил долговец. – Его там встретили, сказали, что он последний, кто оттуда вышел. Нет туда хода.

– Ну кому-то нет, а кому-то еще и посмотреть надо, – сказал ученый.

– Зря надеешься, Трофим Аристархович, Док... Там этих мертвецов вся округа. За несколько дней со всего Янтаря туда провалились. На поверхности теперь почти не видно их. Люк заварили, у нас не вылезут, все внизу сидят. Не надейся, что разминешься.

– Ну что решаешь, наука? – спросил Гипс.

– Наука решает, что надо лезть в это самое... – не смог закончить некробиолог, не зная, как обрисовать то, во что он собирается впутаться.

– Понял тебя, Трофим Аристархович, – сказал Гипс. – Правильно думаешь, но риск такой, что я даже не представляю как это можно сделать. Но ты вроде как ладишь с ними?

С этими... нормальными зомби, которые мертвые с самого начала.

– Что есть, то есть, – ответил Трофим.

В самом деле, не трогали же они его ранее всерьез, а теперь, зная, что он заражен именно этим вирусом, и зная, что они идентифицируют одноштаммовую колонию, ему его задача проникнуть за материалами в недра подземной шестой лаборатории не казалась абсурдной. Новая разновидность зомби был слишком живуча, а самое главное, агрессивно настроена на завоевание жизненного пространства, уничтожая само жизненное пространство для других. «Что же было взято за базовую форму вируса?» – невольно задумался на секунду Трофим, ощущая в себе воскрешающийся исследовательский дух.

Гипс тем временем обратился к Кабану:

– Ты теперь понял, кто ваших ребят у Лиманска смял?

– Понял, – опустив голову, негромко сказал долговец.

Гипс достал пачку сигарет, но, подумав о чем-то, положил ее обратно в нагрудный карман.

– Мы тебя отпустим в любом случае. Вопрос только, с попутными сталкерами или как есть, вечером. Пойдешь на все четыре стороны, пусть тебя Зона проводит. Если хочешь, чтобы с провожатыми отпустили, то тебе ПДА принесут сейчас, отобьешь своим, что и как. Что мы не при чем. Ясно?

Долговец кивнул. Вариантов у него было не много.

– Командир, ты бы мне нормальную одежду дал, а то сижу

как попугай, – пожаловался Кабан.

– Нельзя. Так приметнее ты, меньше будет желание делать глупости, – ответил Гипс.

– Холодно же.

– Не холодно. У тебя номер с подогревом, или не понял? – нахмурился свободовец. – Щас ребятам скажу, определяют тебе стандартные условия, как у вас на Ростке. Есть у нас бывалые. Хочешь?

– Не, не надо, – тут же все понял долговец.

– Ладно, пошли, – кивнул сталкерам Гипс, и они двинули обратно. – Мы с утра проверили место перестрелки, как там и что. Травы нет, кусты, какие были, от одного пинка рассыпаются, одежду с некоторых сняли, там «кристаллы» были вшиты, и то хорошо, подошьем к нашим бойцам. Трупов всего пять. Трое расстрелянных в самом начале, еще двое позже. Остальные, видимо, были парализованы, другие ранены и восстановлены. Рядом аптечки вскрытые лежали, – Гипс остановился уже на верхней площадке, достал сигарету и закурил. – Итого имеем в сухом остатке двенадцать минус шесть – шесть. Шестерых они только этой ночью получили... А сколько их еще? А скольких они в других местах взяли? Такими темпами они нашу базу возьмут... – вслух размышлял Гипс. – Так, Док, – повернулся он к Трофиму, – когда выдвигаться будешь?

Трофим пожал плечами.

– Могу и сегодня, чего ждать?

– Хорошо, давай собирайся, провожатые тебе будут. А ты, Калмык, пойдем со мной, нам теперь от этих зверей оборону держать придется... А ты у нас кто? Зверолов. Вот и пойдем думать, что и как.

Через полчаса ученый уже сидел на скамейке недалеко от первого наружного поста. Проводник, которым оказался вчерашний разведчик Хорь, вскоре нашел его, и они двинули на Пепелище, мимо огромной, черной, безжизненной кляксы, на которой виднелись вскрытые упаковки аптечек, бурые окровавленные части одежды и следы, ведущие на северо-запад, отпечатавшиеся в черной ломкой траве.

К Пепелищу Трофим с проводником подошли уже в темноте. Миновав первый замаскированный пост, который для Трофима остался не замеченным, поскольку он не отслеживал сигналы ПДА, они вышли к окраине остатков деревеньки, освещавшейся несколькими кострами. Навстречу им вышли знакомые Якорь и Моль.

– О, Док, ну с приехалом! – шуточно поздравил его Моль. Они обнялись, как старые друзья. Якорь ограничился крепким рукопожатием. Прошли к костру, возле которого сидели еще несколько человек, с которыми, познакомившись, ученый очень скоро забыл, кого и как зовут. Ноги гудели от долгого перехода, Хорь не шел по Зоне, а крался, словно его постоянно выцеливали снайперы. Спускался по оврагам, прокладывая тропы через кустарник, обходил долгой петлей открытые места, словом, Трофим понял, что неко-

торые сталкеры имеют свои способы хождения, совершенно отличающиеся от других. В результате от утренней бодрости не осталось и следа, и сейчас он, дико зевая, попросился спать.

– Вижу, Док, что на боковую хочешь. Ты-то хоть скажи подробнее, по какому делу сюда пришел? – спросил Моль.

– Мне в лабораторию надо, сюда, в подземку. Я думаю, он отсюда вышел, Али-баба который. Ты ж знаешь, что новый вид зомби появился? – спросил Трофим. – Это вот этот штамм.

– Да знаем, Калмык рассказал. Страшное дело. Мы тут все «кристаллами» перешиты, почти. Каждое утро жарки на кладбище прочесываем, у сталкеров втрисорога берем, – он хмыкнул. – Хитрованы чертовы. Так если ты в подземку хочешь, то не пройти туда теперь. Заперлись они изнутри.

– Как заперлись? – опешил Трофим.

– Да так. Мы потихоньку таскали оттуда артефакты. Иногда где-то что-то стукнет, грюкнет, но на глаза не показывались. На ночь, естественно, запираем, а с утра опять шарим осторожно, но вот как-то с утра сунулись туда, а там заперто. Надежно так. Стучали, стучали, вон бревно притащили, таранили, думали, может, придвинуто чем, – сталкер махнул рукой. – Бесплезно. Они на засов заперлись. Такие ворота только взрывать надо, но что-то мы еще не готовы морально. Если возня с ними начнется... В общем, сами снаружи сваркой прихватили и ждем пока.

– Вскрывать надо, – твердо сказал Трофим. – Вирус делает носителей крайне агрессивными и живучими, при этом он поселяется исключительно на живых, значит, и мозг человека, пораженный им, функционирует по-прежнему. Я слышал, как они говорят, это практически полноценные люди. Не знаю, какой механизм захвата и копирования он использует, но он работает практически моментально, тех, кого опознали, пропали всего несколько дней или неделю назад.

– А кто опознавал? – спросил Якорь, стоящий за чертой освещения костра.

– Кабан долговский опознал своего, Калмык опознал.

– Я еще Ветерка видел, – вмешался Хорь, сидевший в рядах сталкеров вокруг костра. – Ветерок поисковиком был, у Рыжего леса свой маршрут имел.

Сталкеры на минуту замолчали, погруженные в свои мысли в свете костра, ровно горящего и изредка выстреливающего короткую искру в поднимающийся поток воздуха.

– Но мы-то сейчас с «кристаллами» ходим, – сказал Моль, – нас так просто не возьмешь.

– Если сделать простой расчет той скорости, с которой он размножается, с того дня, как он вышел отсюда, – Трофим показал пальцем за спину направление, в котором располагался вход в подземную лабораторию, – а это дней десять назад, то еще через десять дней будет двести носителей, еще через десять тысяча. Вооруженных и бессмертных. Они просто придут сюда и снимут с нас эти побрякушки.

Трофим не смотрел на сталкеров, внимающих его словам. Внезапно чувство опасности стало таким острым, что даже костер вытянулся узким длинным пламенем, словно свечка, и замерцал темно-оранжевым цветом. Сталкеры переглянулись, кто-то для успокоения пощупал оружие, кто-то прикусил губу, кто-то, вздрогнув, полез за сигаретами.

– Завтра мы снимем сварку, – громко сказал Якорь, нарушив подавляющую тишину, которая норовила влезть в душу каждого сталкера и поселить там зерно нового страха. – Если надо, пойдем с тобой. Столько человек, сколько надо.

– Не надо никого. Кабан сказал, в лабораторию все зомби с округи спустились, это сотни две, наверное, если прикинуть, стрелять начнем... – Трофим отрицательно покачал головой, показывая, что это совершенно не вариант. – Я с ними поговорить попробую. Вы мне только продуктов дайте побольше, а там посмотрим.

– Добро, Док. Будет все, как скажешь, – кивнул Якорь, прикуривая сигарету. – Моль, отведи его в мою землянку, пусть выспится человек.

Утром Трофим стоял перед черными двустворчатыми железными воротами с кованым и покрашенным в черное гербом Советского Союза. Ранее наложенную сварку срезали газом, и теперь остывшие капли металла черными кляксами лежали на бетонном полу в свете принесенного сюда фонаря. Ученый с доверху набитым рюкзаком и двумя мешками еды приставил их к железной двери. Населявший носителей

вирус на расстоянии чувствовал и живые организмы, и источник энергии, это ученый знал и не торопился стучать в неприступное железо. Нужно было просто ждать. В конце концов, такое количество продовольствия рано или поздно заинтересует ходячих, и тогда они начнут диалог. Трофим сел на рюкзак, обложенный тишиной. Он попросил сталкеров уйти и не показываться, по крайней мере до вечера, не шуметь и не заглядывать к нему. Минуты шли за минутами, складываясь в часы. Трофим уже несколько раз менял положение, пару раз прошелся, поприседал, отжался, чтобы хоть как-то убить время. Наконец ему показалось, что за дверями что-то происходит. Как будто какое-то движение, а точнее, изменение прежнего представляемого пространства за воротами. Он встал, прочистил горло и громко произнес:

– Я Док, откройте.

С той стороны как будто бы что-то шевельнулось. Определенно было движение, Трофим слышал, как кто-то подошел ближе к дверям.

– Я принес еду. Юрок меня знает, мне нужно здесь пройти.

Еще одно шевеленье и тишина.

– Вы меня слышите? Юрок здесь? Обмен, я предлагаю обмен!

Снова тишина. «Ладно, подождем, потерпим. Вы ребята сейчас смышленные, понимаете, что к чему. Так просто такие пайки не упустите», – думал Трофим. Внезапно, слов-

но подслушав его мысли, раздался щелчок проворачиваемого затвора. Трофим схватил рюкзак и мешки и отошел на пару метров, показывая, что с ним сначала нужно поговорить. В темноте проема показалась высокая худая фигура в рваной куртке и штанах. Лицо с ввалившимися блестящими, как будто кукольными, глазами, аккуратно заштопанными вирусом старыми шрамами, практически лысая голова, длинные желтые и чистые пальцы. Третья категория – сразу определил Трофим. Третья категория была разумной, колония настолько освоилась с телом носителя, что законсервированные ранее части мозга теперь снова начали функционировать, восстанавливая знания и память носителя.

– Здравствуй, – начал Трофим.

Зомби вместо ответа лишь шире открыл дверь и отошел. Трофим двинулся в темноту, в которой он уже когда-то был. Широкий ангар с множеством аномалий встретил его шипением, потрескиванием и едва заметными искрами влетевших в жарки пылинок, вызванных открыванием и закрытием за ним дверей. Аномалий как будто стало меньше. Или показалось? Наверное, отсутствие артефактов делало эту территорию как будто более спокойной, но, очевидно, ничуть не менее коварной. Открывший ему высокий зомби закрыл за ним дверь, со скрипом провернув колесо засова, и пошел вглубь помещений. Ученый, как есть, с мешками и рюкзаком пошел за ним, светя ему в спину и время от времени освещая пространство по сторонам. В подзе-

мелье было не так уж и темно, странным образом его глаза различили далекую включенную лампу над входом в один из нескольких проходов. Именно к этому проходу и повел его мертвец. Пройдя к дверному проему, за которым открывались лестничные пролеты, теперь уже освещенные полноценно электрическим светом, Трофим выключил налобный фонарь. Мертвецы восстановили электричество, у них было достаточно времени, а главное, среди них оказались действительно полноценно восстановленные экземпляры, как минимум умом, хотя возможно и не было сложно это сделать, но в любом случае, когда они были здесь с Модем, ничего не работало. Зомби повел его по одному из подземных этажей, на котором он ранее не был. Длинный, мрачный коридор с множеством дверей. Неяркие лампы освещения горели через каждые двадцать, тридцать метров, создавая темные пространства там, где не доставал их свет. Чтобы лучше себя чувствовать, Трофим включил фонарь, заглядывая в некоторые открытые двери комнат, пытаясь угадать их предназначение. За одной из дверей он разглядел половину скелета, женского скелета. Другую половину он не видел, поскольку дверь была недостаточно открыта. Вероятно, это был предыдущий сотрудник секретной лаборатории, со времени утраты которого прошло более тридцати лет.

Наконец мертвец остановился возле приоткрытой двери, в которой горел свет. Развернувшись, он протянул руку к мешку с продуктами. Трофим отдал ему один. Мертвец лег-

ко взвалил его на спину и пошел прочь, проводив его взглядом, ученый выдохнул и, выразив учтивость, постучав в открытую дверь, вошел. Комната представляла собой небольшой, даже тесный кабинет, по правую сторону которого стояло два больших книжных шкафа, занимая место до противоположной входу стены, на которой была нарисована картина, имитирующая открытое окно, за которым виднелся залитый солнцем луг, несколько коров и мальчишка-пастушок в соломенной шляпе, завалившийся на спину и с соломинкой в зубах смотрящий в небо. Посередине небольшой стол с телефонным аппаратом, низкая настольная лампа с зеленым старомодным абажуром-гармошкой, деревянный стул, коричневый кожаный диван справа от стола и еще один шкаф со стеклянными дверцами с правой стены от входа. На диване сидел знакомый ему мертвец, который однажды представился ему как Юрок. Перед ним лежала толстая книга, открытая посередине. Куртку новичка он снял и теперь сидел в большой байковой клетчатой рубашке. Поскольку капюшон на нем не было, Трофим смог наконец определить его ранее прижизненный возраст. Лет двадцать с небольшим, совсем еще молодой, коричневые волосы, хоть и грязные, но без мусора, аккуратно причесаны. На вид в этом освещении он, так же как и в первую их встречу, показался просто живым человеком, но кукольные не мигающие глаза, которые ученый уже начал видеть и четко определять по ним зомби, указывали, что перед ним все-таки мертвец.

– Здравствуй, Юрок, – сказал Трофим.

Юрок только кивнул и как будто бы с усилием вдохнул и выдохнул. Трофим, не желая стоять на пороге, прошел дальше и протянул ему руку. Зомби пожал ее, опять оставив ощущение корня дерева. Руки его были чисты, серые ногти подстрижены. Трофим взял свободный стул, поставил его рядом со столом и сел, поставив на колени мешок с продуктами.

– Нам надо поговорить, – сказал ученый. Мертвец продолжал, не мигая, смотреть на него. – Там наверху появился новый вирус. Он уничтожает живых. Носители ведут войну с людьми. Этот вирус вышел из стен этой лаборатории. Мне нужно найти информацию по нему, возможно, мы сможем остановить его. Он слишком силен, зараженные им люди практически бессмертны, – Трофим замолчал, глядя на немого собеседника.

– Какое нам дело до вас? – его голос был ровным и бесцветным, но все-таки угадывались нотки ранее живого человека, голос был индивидуальным.

Вместо ответа Трофим развязал мешок и достал оттуда баночку энергетика. Энергетик, произведенный для Зоны. Его состав не известен, тем, кто его употребляет, было достаточно того, что его цена была непомерно высока, но действие было моментальным, сродни сильному допингу, которым он, собственно, и являлся. Не исключено, что в производстве этого продукта замешаны артефакты, но кто может знать? В любом случае в глазах зомби это был чистый сгу-

сток энергии. Даже если они и нашли тут старые стратегические запасы провизии, то их срок и качество были уже на исходе, а количество рано или поздно сведется к нулю. Этот штамм вируса не был особо энергозатратным для носителей, тем не менее восстановление, поддержание естественных процессов, а тем более переход вируса с одной стадии на другую требовали энергии. Трофим подозревал, что здесь, в подземелье, зомби стремительно прогрессируют, синхронизируясь с самой развитой колонией. Мертвец не удержался и посмотрел на баночку, показав ученому правильность его предположений. Они еще не голодают, но вряд ли они будут ждать, пока их запасы обнулятся и им придется выходить на поверхность.

Вместо ответа Трофим достал еще одну баночку, открыл обе и подвинул одну к собеседнику. Сам же приложил к губам кисло-сладкое зелье и сделал большой шумный глоток. Ему показалось, что даже воздух здесь стал легче, в голове прояснилось, сердце вдруг загудело мощно и ровно, требуя работы. Пальцы на руке мертвеца слегка шевельнулись. Ему трудно было устоять против такого соблазна.

– Вам нет никакого дела до нас, до живых, но ведь вам тоже нужна еда, – сказал Трофим. – Рано или поздно запасы здесь закончатся, и вы пойдете наверх. Наверху будут вооруженные сталкеры или новый вирус, про который мы ничего не знаем. Возможно, он захочет занять это место, – Трофим обвел взглядом комнату. – А вы будете ослаблены, не гото-

вы. Кроме того, вирус уничтожает все живое, включая другие вирусы и бактерии.

Мертвец моргнул первый раз за все время.

– Ты говоришь, он вышел отсюда? – спросил Юрок.

– Да. Его носитель открыл дверь, входящую на Пепелище, через которую вы зашли внутрь. И мне надо изучить все, что я тут найду по его разработкам.

Юрок потянулся к баночке, взял ее в руку и несколько секунд разглядывал голубую баночку с надписью Non stop в красном перечеркнутом круге. Затем медленно начал вливать ее в себя, его глаза закрылись от наслаждения, выпив почти половину, он поставил ее на стол. Было видно по его лицу, что скрываемая гримаса удовольствия все-таки рвется наружу.

– С такими энергетиками мы быстро поставим наших ребят на ноги, – сказал Трофим, улыбнувшись, и приподнял свою баночку.

Юрок широко улыбнулся, обнажив ряд конических острых зубов, которые стали уже не такими редкими и как будто не такими острыми. Плотина недоверия была прорвана, ученый нашел то, что может заинтересовать зомби. Юрок согласно кивнул, также приподнял свой энергетик и опрокинул его внутрь себя, блаженно и даже с некоторым стоном зажмурив глаза.

– Хорошо, Док... Мы поможем тебе. Я дам тебе доступ на нижние этажи. Ты увидишь все, что захочешь, в конце кон-

цов, ты все равно вернешься к нам. Если хочешь, можешь выбрать себе комнату... на будущее, у нас теперь общее будущее, – сказал зомби.

Тем временем большой отряд зомби численностью в сорок человек двигался в сторону Армейских складов под хмурым небом Зоны. Они были сильны и крепки. Для этого они сходили в один из участков Зоны, где было множество, десятки, сотни сгустков жизни. Они взяли ее с запасом. Старший Брат сказал унести, сколько смогут. В результате десятки кровососов, кабанов, псевдособак и snorkов остались лежать там, в завалах Рыжего леса.

Некоторое время назад один из отрядов братьев привел наемников, двадцать человек. Всех, что были на их базе. Также братья принесли много оружия и боеприпасов, несколько экзоскелетов. Хорошо, что один из первых вступивших в братство наемников по кличке Бич знал, где и что лежит, также он указал, где искать и как именно незаметно пройти к базе наемников, указал, как обойти мины, сигнальные устройства. Старший Брат был доволен, теперь, когда все братство было в хорошем обмундировании и вооружении, он может говорить с людьми на равных, но ему нужно больше. Теперь и мы, братья, можем нести его частицу гораздо дальше и уверенней, можем обращать всех в наше братство, чтобы быть едиными, сильными и верными, а тех, кто не захочет, мы простим, они все равно послужат нам.

Разведчики Свободы засекали движение большого количества зомби издалека, тут же скидывали сообщение в свою сеть, быстро меняли позицию на подготовленные места контроля. Мертвецы шли не таясь, громко, уверено. Ломая сучья и выгоняя со своих мест мутантов, бегущих от них как от огня. К вечеру в сумерках они должны были быть у Армейских складов. Вся Свобода была поднята по тревоге. Защищенные артефактами бойцы, чуть более тридцати человек, в экзоскелетах заняли свои позиции. Этой смехотворной количеством кучке зомби в сорок носителей взять базу Свободы численностью в боевую сотню, с вышками, пулеметами казалось невозможным, но Гипс не собирался недооценивать противника. Принимая живучесть нападающих, до сих пор, как бы это ни было парадоксально, не было ни одного случая действительного уничтожения этих новых зомби, их численность можно считать неограниченной, а не защищенные «кристаллом» люди не могли противопоставить ничего этим существам, поэтому Гипс скомандовал остальным спрятаться в специально предназначенном для защиты от Выброса подвале. Таким образом, базу защищали тридцать четыре человека против сорока носителей нового вируса. Еще четыре разведчика Свободы не могли вернуться на базу, постоянно уходя с маршрута идущих кратчайшим путем мертвецов.

Гипс расставил по два человека на каждую вышку, восемь

у главного входа и четырнадцать в центре базы на крыше одного из зданий, обложенной мешками с песком и специальными бетонными перекрытиями, за которыми можно было прятаться от гранат. С этой крыши простреливалась почти вся внутренняя территория, поскольку противник мог атаковать и не в лоб. Тучи, в течение дня громоздившиеся друг на друге в небе, так и не пролили за весь день ни капли дождя, делая погоду мрачной и душной. Ветер, царствующий внизу, не мог растолкать и расчистить небо, даже не пытаюсь выбрать направление, он бестолково рыскал и метался в разные стороны, то вдруг раздувая угли костров, то прижимая дым к земле. Бойцы Свободы ждали. Холодно, спокойно, опытные воины, закованные в броню и экзоскелеты. Лучшие стрелки, охотники, рукопашники давно пересчитали патроны, гранаты, проверили сталь и теперь, стоя в немом молчании, время от времени смотрели на ПДА, читая сообщения идущих параллельным курсом с зомбированными своих разведчиков. Разведка донесла численность, вооружение, броню идущих за живыми людьми мертвецов. Худой и Рваный, мастера артефактной сборки, не смогли определить, что ослабляет, а что усиливает артефакт «кристалл». Помня о случаях с Модем, Гипс распорядился снять все остальные артефакты. В крайнем случае стратегический запас «душ», «снежинок», «маминых бус» и «слизняков» находился в основании вышек у входа. Не исключено, что ошибка в выборе артефакта будет стоить жизни, нынешней человеческой

жизни, поэтому бойцы имели их в виду на самый крайний случай. Небо неумолимо темнело, так же как уменьшалось время ожидания, судя по сообщениям разведки. Ближайшая лесная опушка подходила к базе на сто метров, но темнота лишала снайперов преимущества, оставались только тепловизоры и приборы ночного видения, но кто знает, какая температура у идущих, насколько они будут выделяться на фоне остывающей поверхности. Последнее сообщение от разведки: «Видим заборы, противник вне видимости».

– По местам! – крикнул Гипс, находясь в центре на крыше.

Бойцы и без того уже несколько часов были на постах, но сейчас каждый занял свой сектор, вжавшись в свое укрытие. Пробежавшись по мрачному небосводу, сверкнула молния, в ее кратком ярком свете люди на вышках вдруг увидели со всех трех сторон забора уже вплотную подползших людей в броне, одновременно в центральном входе раздался взрыв РПГ, разметав мешки с песком и откинув далеко в сторону двух бойцов в экзоскелетах. Моментально затрещали очереди автоматов, защелкали выстрелы СВД, заговорило три пулемета с центрального входа. Зомби рванули к бетонному ограждению и, подсаживая друг друга, перекидывались через забор. Одновременно восемь мертвецов в экзоскелетах поднялись из травы и кустарника и тяжело побежали к центральному входу, ловя броней пилюли пулеметных патронов и рикошеты. Бойцы Свободы не были мальчиками для битья, без паники и лишних криков они концентрированным ог-

нем ловили перелезающих через стены мертвецов. Они знали, что так просто их не убьют, поэтому не удивлялись, когда вдруг упавший зомби вставал и перехватывался за автомат, начиная с ходу вести встречный огонь. Снайперы сверху стреляли в головы, защищенные шлемами, наверняка пробивая их, но этот огонь заставлял мертвеца только присесть, а затем, сместившись, продолжить огонь в сторону центрального входа и вышки. Еще один выстрел РПГ, дальняя правая от входа вышка разлетелась щепками, оборвав жизни двух бойцов.

– Гнезда, вторые номера вниз, – скомандовал Гипс, не желая терять сразу двоих бойцов в случае еще одного выстрела. – Крыша, рассредоточиться!

Зомби, сориентировавшиеся на местности, заняли сложные для прострела места и оттуда начали стрелять из подствольников по больно кусающимся вышкам и накидывать гранаты на крыши. Еще одна вышка замолчала, но на нее поднялся боец в экзоскелете, по приказу Гипса ушедший вниз, и, сменив СВД на пулемет Корд калибром 12,7×108 миллиметров, пренебрегая безопасностью, вышел за пределы ограждения вышки и открыл разрывающий в клочья бронекостюмы огонь по мертвецам, закидывающим крышу гранатами. Группа мертвецов пробивалась насквозь, под ними тут же стали расползаться черные круги смерти, показывая, что ресурс мертвецов требует пополнения, но и на крыше несколько человек, несмотря на броню и экзоскеле-

ты, получили контузии и ранения. На других вышках, поняв, что именно нужно в данной ситуации, также сменили СВД на Корды и теперь сосредоточили пусть и не прицельный, но разрушительный огонь на начавших смещаться зомби, часть из которых рванула в здание, а другие к вышкам. Из окон пыхнул огненной струей и сразу исчез боец со старым ранцевым огнеметом, запалив безмолвные фигуры, метнувшиеся внутрь здания. Ворвавшиеся внутрь были встречены шквальным огнем, и тут же по ним отработал второй ранец. Еще одна первая левая от входа вышка разлетелась в клочья, осветив разлетающиеся обломки и падающего человека. Взрывы гранат на центральном посту. Там атакующие экзоскелеты, получив множество пробитий и пережив взрывы гранат, приблизились к входу и вплотную открыли огонь из своих пулеметов, вслепую разбивая кирпичную будку и бронепластины обороняющихся. Из восьми штурмовавших двое были обездвижены механически, разрушением приводов экзоскелетов, еще двое, упав, восстанавливались, высасывая жизнь из населяющих почву под ними организмов, растекаясь черным пятиметровым пятном смерти. Из восьми обороняющихся центральный пост двое выбыли из строя сразу после первого попадания РПГ, еще двое приняли на себя множество автоматных очередей в спину, испортивших механизм передвижения, и теперь один из них мог только ходить, а другой мог работать только руками. Теперь на посту четыре на четыре бойцы в экзоскелетах практически в

упор яростным огнем раскаленных стволов расстреливали друг друга, ныряя в укрытия, тяжело перекатываясь от мешков с песком, куда залетали гранаты, разваливающие своими взрывами укрепления. Свобода сражалась за себя, Свобода сражалась за десятки людей, ждущих в подвале, сжимающих кулаки в бессильном порыве помочь, но они не могли, не имели права появиться наверху, своим появлением только дав дополнительный источник жизни мертвецам, потеряв свою. Обороняющиеся экзоскелеты, расстреляв свои короба и не имея времени перезарядиться, отступили на перезарядку и за запасным оружием, а атакующие, чьи ленты были полны, чувствуя скорую победу, уверенным шагом двинулись, чтобы расстрелять нырнувших в укрытие людей. Один из поврежденных бойцов в экзоскелете, чьи руки были деактивированы, встал, перегородив закуток с товарищами на пути двух пулеметных очередей, принимая весь огонь на себя, давая время бойцам перезарядиться и сменить позиции.

– Яшка, назад!

Но крики были бесполезны. Медленно, но верно дробящие и крошащие броню очереди поднимались от живота бойца к маске, холодно смотрящей на мертвецов круглыми окулярами. Брызнули осколки стекла, маска еще держала, еще несколько попаданий, хруст и кровавые брызги, выбивающиеся через выбитые стекла оптики.

– Яшка-а-а-а!!!

Обороняющиеся вскочили, один пулемет заряжен, трое на

автоматах. Один без привода ног на руках подполз к противнику и, схватив его за ногу, приставил УДП Компакт к пояснице, выстрел за выстрелом в одну точку, бронебойными разбивал броню, добираясь до контрольного модуля управления ногами. Искры и дым вырвались из отверстия. Экзоскелет противника замер в ногах, ему в маску ударили две злые автоматные очереди, разбивая толстое бронированное стекло и вбивая стальные сердечники внутрь. Минус. Хотя бы на время.

Внутри базы включился свет прожекторов, теперь, когда противник был внутри, нечего было скрывать. Свободовцы вели огонь с крыши, из окон и дверных проемов, встречая проникших в здание, валя их из подготовленных укрытий на землю и отступая. Атакующие частично уже вошли в обороняемое здание, но каждый из них был несколько раз уронен на землю. Еще одна вышка, уже центральная, разлетелась вдребезги, с трех оставшихся вышек стрелки вынуждены были спуститься, предварительно кинув гранату и отстрелив таящегося мертвеца на лестнице, после чего временно обездвиженного, не поддерживаемого огнем других мертвецов связывали веревкой и, заняв укрытие, вели огонь по противнику, которого уже выкидывали в рукопашной из окон здания. Вся база Свободы стала черной. Черные деревья, трава, кусты, мертвая земля. На этой земле валялись, вставая и вновь падая, мертвецы, лежали затихшие раз и навсегда люди, красными пятнами крови отписав свою жизнь Зоне. Сво-

бодовцы в здании схватились в рукопашную и сошлись на пистолетах, ударом и ярким огнем. Ранее безмолвная человеческим голосом картина огнестрельного боя, страшная отсутствием криков, и с той и с другой стороны теперь наполнилась руганью и проклятиями живых в сторону мертвых. Все чаще мастера ножевого боя, сражаясь с замедлившимися зомби, врезались в незащищенные места противников, срезая броню с креплений, нанося глубоки резаные раны в прочном, словно покрывка, теле мертвеца, заставляя того терять силы. Упавшего мертвеца выбрасывали в окна, где оставшиеся несколько человек, спустившихся с вышек, расстреливали их Кордами и автоматами. У центрального входа в базу тоже закрутилась рукопашная, оружие было выведено из строя, руками экзоскелетов. Бойцы, словно огромные механические роботы, боролись друг с другом, ломая друг другу механические суставы, разбивая маски и утопленные в броне гидроцилиндры ударами железных кулаков. Восстановившиеся два экзоскелета нападающих никак не могли подойти до дерущихся. Разместившиеся позади них снайперы Свободы роняли их вновь и вновь, выстрелом в затылок, каждый раз заставляя лежать и черными кляксами показывая весь их путь. Живые и мертвые боролись из последних сил, никто не желал сдавать позиции, отступить.

Но вдруг что-то изменилось в воздухе, ветер зашумел в живых деревьях, небо вздрогнуло и зашлось извивающимися молниями, стегающими непокорные облака огненными

плетками. Распахнувшись, тучи опрокинули на землю потоки воды. Бетонное ограждение разлетелось дырой от выстрела РПГ неизвестного стрелка, оставшегося снаружи. Зомби дрогнули. Они не смогли. Они не смогли забрать себе этих людей, потеряв связанными несколько. Оставшиеся в силах зомби вырывались из рук живых людей, сами выпрыгивали из окон и спешили к образовавшемуся отверстию в стене, убегая из последних сил, неся на себе остатки брони и прожигая землю черными пятнами. Экзоскелеты распечатались, из них истощенное поверженное братство, спеша и сотрясаясь при каждом шаге, уходило обратно, откуда пришло, словно гигантская мистическая улитка оставляя за собой широкий черный след. Оставшиеся в живых немногочисленные бойцы Свободы, шатаясь от усталости, держась за раны, шли к вышкам за артефактами, чтобы сохранить уходящее здоровье и жизнь. Разведчики уже были на территории и, вскрыв аптечки, кололи тех, кто не мог подняться и просил о помощи. Дождь, льющий небывалыми потоками на землю, смывал остатки черных погибших растений, красно-желтые разводы мертвецов и кровь погибших.

База Свободы выстояла, потери были огромны. Гипс, потерявший один глаз, сунув артефакт за пазуху, с трудом поднимался на крышу здания, в его руке был зеленый флаг с изображенной на нем головой волка в оскале. Он гордо выпрямился, повернувшись в сторону ушедших мертвецов, и одним рывком развернул знамя. Налетевший порыв

ветра подхватил и распрямил знамя, а перекрестье молний на фоне черного ночного неба осветило его невысокую фигуру, гордую и непокорную, словно высеченную из камня. Несколько молний ударило по широкой черной тропе, осветив последних уходящих зомби. Последним шло высокое с несоразмерно длинными ногами и руками, несущее РПГ существо. Почувствовав взгляд, оно обернулось и секунду смотрело на Гипса, чью фигуру в потоках воды оно не могло видеть физически, но оно все равно знало, кто и что находится на этой территории. Еще одна огромная молния, сделав круг по небу, ударила всей своей силой по стоящему рядом с существом черному дереву, расколов его и рассыпав трухой до самой земли. Существо дрогнуло, отвернулось и быстро пошло за своими братьями.

Глава 11. Лука

Трофим спускался вниз по лестничным пролетам, за плечами у него был всего лишь отощавший рюкзак с остатками провианта для него. Местные обитатели восстановили освещение. Шума генератора или других механизмов он не слышал, но равномерное свечение редких электрических ламп давало сносный вид пустых длинных коридоров, иногда перегороденных решетками. Юрок сам вел его. Аномалий стало меньше, ученый не ошибся в первоначальной оценке. Очевидно, когда отсюда вышел носитель нового вируса, уничтожающий все живое, даже микроорганизмы, местная среда стала возвращаться в первоначальный вид, по крайней мере неестественное скопление аномалий разрядилось.

– Можно спросить? – обратился ученый к ведущему его зомби.

Молчание. Восприняв это как согласие, Трофим продолжил.

– А где остальные? Вас тут должны быть сотни.

– Нас... – негромко сказал Юрок. – Нас тут много. Те, кто слаб и разрушен, сейчас лечатся. Это долго... Нужно много еды.

– У вас есть еда?

– У нас. У нас есть еда. Мы открыли старые запасы, все испорчено, непригодно, только зерна. Работает скважина, есть

вода. Мы варим зерна, – голос был бесцветен.

Юрок пошел вдоль коридора. Трофим увидел в некоторых комнатах стоящих плотно друг к другу мертвецов, пошарканных, в рваных одеждах, с грубыми наростами вирусных тел, похожих на большие бородавки. Невольно приостановившись, он привлек этим внимание Юрка.

– Хочешь посмотреть на нас? – тихо спросил он.

– А мне можно? – неуверенно и робея, словно он спрашивал о чем-то непристойном, спросил Трофим.

– Нам можно, – ответил зомби, развернулся и открыл полностью дверь.

В комнате с тусклым освещением стояло, закрыв глаза, восемь объектов, как определил бы их Трофим, первой В категории. Видны было грубые наросты на местах шрамов, сходящие на нет, некротические пятна и язвы. Рядом с ними стоял другой объект, в хорошей, цельной одежде, очевидно, местной, взятой в лаборатории. По нему ученый безошибочно определил третью категорию. Практически живой человек, смотрящий на него голубыми, но все равно кукольными глазами.

– Что тут происходит? – негромко спросил Трофим.

– Так мы вспоминаем, становимся сильнее, возвращаемся, – прошелестел голос. – Ты можешь снять костюм, он тут тебе не нужен... Здесь чистый воздух, – Юрок сделал паузу, ожидая реакции Трофима. Трофим, понимая, что забрало в его случае действительно уже не поможет, открыл его,

вдохнув сухой пыльный запах помещения. – Чем лучше мы вспоминаем, тем больше становимся похожими на себя, когда жили. Тут мы воскресаем. Обязательно должен быть тот, кто поможет вспомнить...

– Я называл этот процесс синхронизацией, – негромко сказал Трофим.

– Синхронизация... – повторил Юрок. – Можно и так. Нужно много времени, некоторые очень давно не могут вспомнить себя, мы им помогаем, они все вспомнят.

– А ты? Ты помнишь, кто ты? – не удержавшись, спросил Трофим.

– Да. Я помню. Я хорошо помню себя тут, в Зоне, и плохо помню там, на той земле, – Юрок повернулся, вышел из комнаты и пошел дальше по коридору. Серые стены, покрашенные в светло-серый цвет, с растрескавшейся краской вновь двинулись. – Я читаю книги и вспоминаю свой город, свою семью... Я хочу к ним, но это было так давно... Они не вспомнят меня.

– Но может быть, ты сможешь попасть в свой город? Сейчас многое можно решить. Может быть, ты станешь совсем... – ученый запнулся.

– Совсем как живой? Как ты? – спросил зомби.

– Да, – опасаясь, что задел его за нечто хрупкое, что не стоило затрагивать, подтвердил Трофим.

– Может быть... когда-нибудь.

– Ты сможешь, – неожиданно громко уверенно сказал

Трофим, заставив мертвеца обернуться на него. – Когда я попал сюда первый раз, я... мы, наткнулись на одного профессора по фамилии Одинцов, он был совершенно как живой.

– А где он?

– Он... – Трофима невольно прошиб пот. – Он почти убил сталкера на расстоянии, моего друга...

– И ты убил его? – спросил впереди идущий Юрок, остановившись, но не оглядываясь.

– Не сам, но... иначе... он был слишком испорчен, он был как человек, но не вел себя как человек. Он мог сделать очень много хорошего, но начал с плохого, поэтому я решил, что ему нельзя появиться на поверхность.

Юрок молчал, мерно продолжая ход. Наконец он остановился возле лестничного проема.

– Это все, чем он отличался? – спросил зомби.

– Да.

– Там, ниже, кабинеты и лаборатории, – вдруг сменил тему зомби. – Потом ты расскажешь мне все.

– Ну что, уроды, разговаривать не разучились еще?

Гипс, поливаемый ночным дождем, стоял возле нескольких железных клеток, в которых лежали связанные зомби с ржавыми пятнами на лицах. Сейчас разглядеть, кто есть кто, было сложно. Их лица в свете направленных на них прожекторов, раны и сломанные лицевые кости затягивались очень

медленно. Вышедшие из подвала свободовцы держались на очень большом расстоянии и рассматривали пленников в бинокли и оптику оружия. Несколько человек из переживших сражение стояли или сидели рядом на ящиках.

– Калмык? Где Калмык? – позвал Гипс.

– Тут...

Держа сломанную руку на повязке, он, стоявший поодаль, вынул из-за пазухи «душу», передал рядом стоящему бойцу с перемотанной головой и, немного скривившись от боли, подошел к Гипсу.

– Вот это вроде наш. Леший... Нет? – спросил лидер группировки, указывая на одного из зомби.

Калмык приблизился к клеткам, в которых всего за толстыми железными прутьями сидело семь пленников.

– Вроде Леший... – сказал он с сомнением. – Нет. Точно Леший.

– Вытащите его, – скомандовал Гипс.

Два бойца в экзоскелетах, изрытых разбившимися и засевшими в них пулями, открыли клетку и выдернули одного из зомби, поставив его напротив Гипса. Руки мертвеца были связаны за спиной, ноги перехвачены пластиковым хомутом.

– Леший, брат ты наш, помнишь меня? – спросил Гипс, заглядывая ему в глаза.

Мертвец посмотрел на него. Глаза с желтыми прожилками, пятнистое, перекошенное ударом приклада и все еще не восстановившееся лицо делали его чужим, но все равно

узнаваемым.

– Зачем приходили, может скажешь? Напоследок по-братски, – попросил Гипс. – Мы тебя тогда Доку нашему на опыты не сдадим. Если хорошо говорить будешь, оставим, может, вылечим как-нибудь. Домой отпустим, денег-то ты много накопил. Ты же за этим в Зону приходил. А?

Зомби продолжал без эмоций смотреть сквозь свободовца.

– Неужели все мозги перешли ему? – спросил Гипс у всех сразу и ни у кого.

– Не перешли, – хрипло ответил Леший.

– Говоришь, – оценил, кивая головой Гипс. – Давайте под навес, – скомандовал он бойцам, и те, приподняв Лешего, протащили его несколько метров под натянутый брезентовый полог. – Сигаретку будешь? – спросил он, протягивая ему сигарету фильтром вперед. Леший никак не отреагировал. – Так зачем пришли-то, скажешь? Может, не надо было приходиться? Только друзей своих, товарищей да братьев попортил.

– Мои братья все там, – ответил хрипло зомби.

Гипс вздохнул. На душе у него было так же тяжело и черно, как и эта черная убитая мертвецами трава и деревья. Одно дело – терять товарищей в бою, а другое дело – видеть, как что-то повернуло твоих однополчан против тебя, окончательно, бесповоротно сделав из них твоих врагов.

– Как вы зоветесь? Кто главный? Можешь сказать? Ты же

знаешь, мы с Зоной не воюем, мне понять надо.

– Нам до Зоны нет дела. Все мы братья, вы не наши братья. Отпусти. Старший Брат не оставит нас здесь, – ровно, механически произнес он.

– Старший Брат? Это, наверное, тот, что с РПГ последний ушел? Долговязый мужик такой?

– Да.

– Леший, давай не дури. Хочешь есть? Мы тебя покормим, ты только в себя приди, – не сдержался рядом стоящий боец в экзоскелете.

Зомби повернул голову к нему.

– Валек? – спросил он.

– Да! Я Валек! – обрадовался боец в экзоскелете.

– Нет, Валек, ты не понимаешь... Мы должны быть вместе. Мы должны быть со Старшим Братом, он вернется сюда за нами. Ты можешь пойти к нему, он примет тебя.

– Блин, – разочарованно протянул Валек.

– Ясно, – сказал Гипс. – Давай его обратно к остальным.

Все продезинфицировать, хлорки не жалеть. Хлорки сколько у нас, кто знает?

– Сколько хлорки, Жук? – крикнули в толпу.

– Шестнадцать бочек, – крикнул неразличимый в толпе Жук.

– Шестнадцать бочек, – доложил Валек.

– Слышу, не глухой, – пробурчал Гипс, с трудом поднялся и пошел к толпе. – Так, народ, слушаем мою команду. Кто

отвоевал, на мойку и на боковую. Остальные, надеваем броню, защиту. Дезинфицируем все, помещение моем, крышу моем, воды полно, вон Зонушка посыпает. За забором тоже посыпьте, – он вздохнул. – Этих пятнистых братьев не трогать, не подходить, для особо одаренных охрана только с «кристаллами», забор чиним, завтра минирuem. Старший... Где Лехан?

– Нет его, – подсказал кто-то. – Не успели.

– Твою душу, – процедил Гипс. – Гусь живой?

– Живой я, – ответил Гусь, сидящий на ящике в обнимку с Кордом.

– Как самочувствие? Не зацепило?

– Нормально, командир, ни разу не чиркнуло, – улыбнулся он.

– Молодец. За ночным проследишь?

– Да, – он вытащил откуда-то из недр своего бронекостюма «снежинку». – Теперь порядок, все сделаем, Гипс.

Гипс подошел к Гусю, туда же подошли еще несколько человек.

– Потери сколько? – с тревогой спросил командир.

– Четырнадцать человек. Остальных успели откачать, – ответил один из сталкеров.

– Давай ребят сфотографируй и в последний путь. Ждать нельзя до утра, поднимутся еще. Нехорошо будет, – отдал распоряжение Гипс.

Тем временем Ржавый шел со своим отрядом обратно в Рыжий лес. Люди, которых он недооценил, оказались сильнее. Его бойцы хоть и действовали слажено, но люди оказались организованнее, они роняли и роняли его посланников через каждые несколько метров, и скоро сил на восстановление не осталось. Еще немного, и его братья могли просто лечь без подпитки, поскольку оказалось, что жизненные силы этих противников не были досягаемы для них. Это было опасно. Они потеряли семерых обездвиженными, это не много, поскольку другой отряд из двадцати его посланников должен был привести еще людей, ходящих в другой местности, которую они называют Темной Долиной. Что ж, он оставит на время эту упрямую базу, которую они называют Армейские склады, он будет осторожнее, разведает другую базу, а потом соберет все силы в кулак и двинет к ней. На Росток. И на этот раз он будет действовать умнее. Также он займется бандитами, этими легкодоступными целями, у него есть тот, кто знает верную дорогу, и, да, он вспомнил свое имя.

Трофим спустился на один уровень вниз. В тишине тусклых коридоров были видны следы давно затихшего побоища. Разбитые двери, выцветшие, практически не заметные, но все равно определяемые старые пятна крови на полу, на стенах, черные кучки сожженного, торчащие из-под мусора фрагменты скелетов. Коридор, простирающийся впере-

ди, напоминал больше хаотичный склеп, у входа в коридор он увидел торец решетки, утопленной в стену, открывающейся скольжением внутрь стены, которая, очевидно, открылась недавно с подачей электричества. Оглушенный увиденным, он замер, боясь переступить через невидимую черту, за которой открывалось прошлое. Страшное прошлое этой секции подземной лаборатории. Выдохнув, он переступил желоб для скользящей решетки в бетоне, рядом с которым лежали громоздкие металлические трубы и баллоны. Коридор, длину которого из-за недостатка освещения трудно было определить, был закидан хламом, обрывками ткани и, к тревоге Трофима, золой. Черной бумажной золой, очевидно, здесь были или был человек, который находил в себе силы поддерживать освещение и ждать помощи. Ученый наклонился к угадываемому черепу под грязным обрывком лабораторного халата. Аккуратно потянул за ткань, которая начала отходить с черными длинными свалявшимися с пылью и тленом волосами, похоже, что женскими. Череп был проломлен в нескольких местах, а голова отрезана, это было видно по нескольким зарубинам на позвонках, оставленных металлом. Чудовищно. В нескольких метрах от Трофима лежали по отдельности серые, покрытые пылью ребра. Он аккуратно подошел и, включив налобный фонарик, осмотрел их. На некогда мягкой хрящевой ткани, кровотворительной части кости видны были следы зубов, человеческих зубов. Безумие. Глупо было думать об этом, но сейчас Трофим был бы

спокойнее, если бы в руке у него был пистолет, но он не стал идти на поводу эмоций, понимая, что здесь никого относительно живого и опасного не может быть, по крайней мере, в том состоянии, в котором оно было. Аккуратно переступая мусор, он двинулся дальше, заглядывая в открытые дверные проемы, в которых грудилась непонятная, покрытая пылью громоздкая древняя аппаратура. Все, что можно было сломать и разбить, было разрушено. Везде были видны следы борьбы, рваные одежды, разбитая мебель, мелкие части которой были сожжены, стекла, мусор, едва заметные остатки крови на углах острых железных столов и стенах. Жуткое запустение, тишина и отчаяние поселились среди этих серых молчащих стен. Где-то в середине коридора, другой конец которого теперь был виден с этого места, ученый обнаружил просторную комнату со стулом, матрасом на полу, большой кучкой пепла и сейфом, на котором было нацарапано число 6996. Сердце ученого забило от волнения, в центре этой галактики разрушения он увидел признаки живого, разумного человека, который жил здесь, держался за надежду, выживал... Какой ценой? Оглянувшись, Трофим подошел к старому, небольшому кнопочному сейфу и набрал несложный код. Механизм легко негромко щелкнул, словно обрадовавшись, что его наконец нашли и он теперь не будет здесь в одиночестве хранить тайны и тишину подземелья.

На нижней полке находилось множество паспортов СССР, прочно державших цвет, и фотографии людей. Трофим от-

крывал плотные корочки, и оттуда на него смотрели совсем молодые, иногда улыбающиеся лица мужчин, женщин, несколько фотографий умудренных жизнью пожилых людей, также легко и светло улыбающихся ему, своей неповторимой улыбкой человека прошлого. Года рождения... Рожденные до Великой Отечественной войны, рожденные во время, рожденные после войны, у всех неуловимая улыбка светлой веры, веры в будущее, и той великой цели, которую они приближают своей работой. Знали бы они, как сильно будет отличаться их будущее от планируемого. Десятки разобранных скелетов со следами человеческих зубов... Это не то, что они могли себе представить даже в своих худших кошмарах.

На верхней полочке лежал толстый коричневый ежедневник с закладкой и простой карандаш. Трофим аккуратно достал его, сел на стул, сдул тонкий слой пыли и открыл. На колени ему выпала небольшая черно-белая фотокарточка с улыбающейся девочкой с туго заплетенными косичками, белыми бантами в школьной форме и пионерском галстуке. Сзади надпись: «Дочь Дарья 09.09.1985, 7«А» класс. Гомель. Солнечно». Трофим аккуратно положил фотографию во внутренний карман, настроил свет налобного фонаря и погрузился в ежедневник. На первых страницах, там, где и положено, было написано в строке имя – Лука, фамилия – Псарас, отчество – Агапитович, дата рождения – 12.04.1946, национальность – грек, место работы – прочерк, должность

– прочерк, город – прочерк. Несколько первых страниц было выдернуто, еще часть залито какой-то жидкостью, не похожей на кровь, но размывшей чернила, которыми писались строки, а затем появились следы карандаша, неярко, но цепко зафиксировавшего буквы и плотный почерк пишущего. Почерк часто менялся, менялся нажим карандаша, то он вдруг был нервным и отрывистым, то вдруг спокойным и ровным, то вдруг заглавные буквы вырисовывались с особой тщательностью, какими-то вензелями, то вдруг они становились просто чуть больше строчных, но, без сомнения, это все принадлежало одному и тому же человеку.

«Несколько первых страниц залило водой, чернила размыло. Не вижу смысла, чтобы все описывать с самого начала, поэтому буду писать, как получится.

26.04.1986. Нас обесточило. Согласно протоколу аварийной ситуации все сотрудники должны покинуть лабораторию. Я как начальник службы безопасности организовал срочную эвакуацию персонала, но на поверхность успели выбраться не все. Часть сотрудников, думаю, вышла отсюда, но другая, так же как и я, осталась. Почему-то аварийная система блокировки этажей сработала практически сразу после сигнала, и тут же прекратилась подача аварийного электропитания. Лифты заблокировало, коридоры заперты решетками, резервная линия подачи электричества больше не включилась. Нас осталось пятьдесят человек, вместе с теми, кто работал на нижних уровнях. Тридцать шесть мужчин, четыр-

надцать женщин. Ждем помощи.

27.04.1986. Вода есть, но еда только на верхних этажах, а оттуда все ушли. Я собрал всех на этом уровне. Людей с нижнего уровня мы подняли по шахте лифта, сам короб лифта заблокировал выход наверх. Застрял на тормозах насмерть. Пытаемся разбить его, но это также и грузовой лифт, очень толстое дно, потратил все патроны на то, чтобы перебить трос. Тросы перебили, но не помогло. Ждем помощи.

28.04.1986. Положение ухудшается. Несколько человек разбились, пытаясь пролезть на свой страх и риск между коробом лифта и стеной. Они упали вниз, и мы не стали их поднимать. Женщины плакали, товарищи пытались что-то сделать с решеткой. Выбить или распилить. Я знаю, что это бесполезно, и не тратил силы, решетка сделана из очень хорошей стали, нашли два полотна по металлу, одно сломали несколько раз, второе почти допилило один прут, но потеряло все зубы, а нам нужно было хотя бы два разреза. Вытяжки практически нет, задымление очень высокое, поэтому мы редко жжем костры. Ждем помощи и еду. Экономим силы. Сверху пока тишина.

30.04.1986. Там внизу в шахте, куда упали наши товарищи, начали происходить непонятные вещи. Это нас пугает. Кто-то чавкает и вздыхает, иногда мы слышим обрывки человеческой речи. Батарейки на фонарях разрядились давно, поэтому мы иногда скидываем горящие листочки бумаги вниз, но ранее лежащих товарищей там уже нет. Товарищ

Малинков сказал, что, возможно, это их утащили восставшие функционирование экспериментальные образцы. Я никогда не вникал, что именно тут делают ученые, это не моя работа, но, я так понял, что те, над кем они работали, теперь могут ходить и перемещаться самостоятельно. Да, забыл указать, что на самом нижнем этаже у них был холодильник, но я считаю его моргом. Несколько женщин не выдержали, забились в истерику. Одна из них, тов. Аксенова, сломала себе шею, с разгону ударившись о железную решетку. Мужчины приготовили ножи стульев и забаррикадировали шахту лифта от этих образцов. Мне сложно называть их образцами. Будет ли помощь? Все хотят есть. Начинаем варить в химической посуде кожаные ремни.

02.05.1986. Труп женщины начал невыносимо пахнуть, мы решили бросить его вниз... Наверное, это была плохая идея, потому что там внизу его ждали. Когда он упал, мы отчетливо слышали, как они начали его есть. Мы сбросили им на головы пару сейфов, по-моему, никого не убили. Положение очень серьезное. Трудно признаться, но мне кажется, что нас забыли. Я, конечно, говорю обратное, но, наверное, мне уже не верят.

04.05.1986. Один из этих образцов забрался к нам на этаж. Он укусил товарища Савина и товарища Гузеева, медицинская помощь была им оказана, но товарищ Самруков сказал мне отдельно, что инфекция у них уже есть и скоро они станут такими же, как и образцы. Мы решили скинуть

их в шахту лифта. Было сложно, женщины плакали и прятались в углах, сил у нас уже было мало. Мы сбросили их вниз, у них уже начинался жар, и они бредили. Они плохо понимали, что мы с ними делали, потому и не сопротивлялись. Те, кто был внизу, не стали их есть.

05.05.1986. Жжем небольшие костры. Никто не говорит. Еще один человек, лаборант товарищ Ткаченко, покончил с собой. Что делать, не знаю. Положили отдельно.

06.05.1986. Потом, когда я делал обход, я обнаружил, что группа сотрудников начала есть лаборантку, товарища Ткаченко, они жарили ее мясо на огне. Я позвал своих товарищей из службы безопасности, и нам пришлось применить силу. Двое из них погибли в результате инцидента, нам пришлось сбросить их. Голова уже плохо соображает. Эта темнота и прячущиеся в ней люди странно поменялись. Женщины уже не плачут. Одна прыгнула вниз в шахту лифта. Сама. По крайней мере, кто был рядом, так сказали. Нас осталось всего около тридцати пяти человек, я не помню, кто куда делся. Должно быть больше. Может быть, прячутся.

10.05.1986. А теперь самое главное. Я пишу это, чтобы не сойти с ума, я должен донести это до вас, товарищи, чтобы вы, возможно, улучшили в будущем системы безопасности. Мои друзья и товарищи вынуждены были поступить так же, как и ранее поступили другие. Им пришлось убить и есть человека, иначе они бы погибли. Я тоже ел... Я тоже. Вы читаете? Я тоже ел с ними. Не знаю как, но постепенно мы пере-

стали быть товарищами, мы разделились на два лагеря. Правая часть коридора и левая. Мы воровали людей из той части, они из нашей. Я специально не называю фамилии, чтобы вы не думали, что я кого-то осуждаю. Мы стали как животные, мы следили друг за другом, кто забоится, кто даст слабину, кому будет тяжелее всего ходить. Это... это... не передать словами, как все поменялось. Про помощь теперь никто не думает. Почти не разговариваем. Если бы не часы, я бы думал, что мы здесь уже несколько месяцев, но мы всего лишь пятнадцать дней. Эта темнота что-то делает с нами... со мной, я как будто чувствую, что в ней делается. Это, скорее всего, из-за недостатка света или галлюцинации от голода. Устал. Я слышу, что нас становится меньше.

13.05.1986. Сегодня поднялись те, кто был внизу. Образцы, не люди. Мертвецы со стеклянными глазами, они были медленны, но мы слабы. Обоим концам коридора пришлось объединиться, чтобы сбросить их вниз. Это было... Это было... Не могу, как это назвать. Это не было страшно, это была борьба в темноте и молчании, мы били их ножками от стульев, они кусали нас. Оказывается, у всех были ножки или прутья. У женщин заточенные стальные спицы, они не помогли практически, но я понял, что теперь каждый за себя. Есть те, кого укусили, понимаем, что они инфицированы, но мне уже все равно, с какой стороны мы встанем завтра, с их стороны или со своей. Все стало просто для понимания. От голода, темноты и постоянного страха быть съеденным

мы превратились в злобных, затравленных и подозревающих друг друга в чем угодно существ. Нам пришлось съесть еще одного человека, чтобы хоть как-то поддержать силы.

15.05.1986. Невероятно сложно лежать одному в темноте.

16.05.1986. Случилось что-то страшное, мы вдруг все поддались какому-то приступу паники, ужаса и жестокости. Мы начали убивать друг друга, в темноте. Я слышал, как люди прыгали друг на друга, били по головам, били головами об углы, об полы, мы кусали друг друга, как те самые образцы, уже даже ели друг друга живьем. Каждый старался убить другого, потому что другой мог начать делать это раньше. Все разбились по отдельным кабинетам.

18.05.1986. Засады. Особенно много засад в конце коридора у туалетов, где все еще есть вода. Это очень плохо. Огонь никто не разводит, чтобы к нему не пришли, но кто-то регулярно не выдерживает и идет к воде, после чего там начинается бой, кто-то один побеждает и ест побежденного. Мы давно перестали говорить друг с другом, возможно, потому что стыдно, что его опознают, по крайней мере мне было стыдно. Я не хотел, чтобы кто-то знал, что я все еще жив, и понимал, почему именно я все еще жив. Вы все понимаете, какой ценой мне приходилось оставаться в живых. Я крепкий, ко мне никто не приходит. Я дважды ходил за водой. Я чувствую, как они прячутся за стенами. Их не много, они смотрят мне в спину, когда я иду. Нас осталось всего четыре человека.

21.05.1986. К нам пришли образцы. Я разжег огонь, потому что уже незачем прятаться. Я жду их, этих побритых налысо голых мертвецов со стеклянными глазами. Жду их как избавление и справедливое возмездие за то, что я сделал. Когда я разжег огонь, я увидел, кого именно я убивал и ел... Простите меня. Это были мои друзья и товарищи». На бумаге отчетливыми кругами видны были пересохшие пятна слез. «Но мертвецы не тронули меня, они пошли и начали есть остальных моих коллег и друзей. Я понял, что я тоже инфицирован, но теперь остался один вместе с ними... С этими мертвецами. Это мое наказание. Я пошел с ними есть, я вырывал у них еду, то, что было проще всего разжевать. Зубы шатались. Среди этих мертвецов я увидел и уже новых, это были те, кого мы первыми скинули в шахту. Они не помнили ничего, я разговаривал с ними, но они ничего не говорили.

22.05.1986. Я знаю, что здесь готовили какой-то вирус, который поможет человеку стать сильным, избавиться от всех болезней и победить старость, и я вижу теперь, что он победил даже смерть, но не смерть человека, а свою. И еще я вижу, что он гуманнее, чем мы сами, он не уничтожает себе подобных. Я не знаю, как они понимают, что я тоже заражен, но...

Когда я жгу костер, они приходят сюда, в эту комнату, стоят и смотрят на меня. Они и сейчас напротив. Безмолвные участники всех наших битв. Их становится больше. Каждый

день приходит кто-то еще, те, кого недоели, те, кого не нашли между завалами оборудования. Я не знаю, сколько может еще выдерживать моя психика, но я смотрю на фотографию своего ребенка, своей Дарьи... Она так похожа на мать. Я так люблю их обеих... Не могу смотреть долго, начинают душить слезы, истерика и мучения. Неужели я превращусь вот в это? В то, что стоит недвижимо передо мной, не дыша и не подрагивая, не разлагаясь и не кровоточа? Неужели меня когда-нибудь достанут отсюда и покажут родным? Покажут дочери? Нет! НЕТ! Это недопустимо!

25.05.1986. Я знаю, что я сделаю, я вспомнил и нашел там, на нижних этажах, инъекцию против этого вируса. Если я правильно понимал о его разработках, то он также сделан из другого вируса, который полностью уничтожает этот, по крайней мере на образцах с человеком, и это хорошо. Потому что, если я умру вдруг, то я стану как они, а я не хочу. Я умру как человек, окончательно и бесповоротно. Там внизу тоже разрушено, но значительно меньше, чем здесь, там, возможно, было бы можно жить еще. Но как долго? Есть уже больше некого, я пробовал есть их, но меня вырвало, есть такое ни в сыром, ни в жареном виде невозможно. Горькое, отвратительное, мне есть с чем сравнить.

26.05.1986. Итак, товарищи, вот она, инъекция, я нашел ее. Я бы вколол ее себе там, но мой дневник я оставил здесь. Я рад, что снова нашел ежедневник и могу хоть с кем-то делиться тем, что здесь произошло. Сил не было, но мысль о

том, что я не запишу последнее, не позволяла мне закончить все там, на нижнем ярусе. Я вернулся сюда, чтобы написать это. Не в моем положении сейчас бороться за жизнь, поверьте, в моем положении надо бороться за смерть. Никогда бы не поверил, что такое возможно. Я написал пароль на сейфе, 6996, ставлю шифр этот для того, чтобы в безумии не открыть и не уничтожить запись, если вдруг смерть не примет меня. Дочь, жена... Мне так тяжело было, когда я думал, что не умру. Теперь же знаю, что у меня есть то, что убьет меня наверняка, и это счастье. Я люблю вас. Я всегда вас любил. Надеюсь, что вы меня больше не увидите. Прощайте. Псарас Лука Агапитович».

Трофим вздохнул. Рядом со стулом валялись мелкие растоптанные в чешую стеклянные осколки и погнутый металлический нержавеющий плунжер. Что ж, кое-что прояснялось. Если другой вирус являлся вакциной против генетически измененного вируса папилломы, который должен был уничтожить его вместе с носителем, то это, должно быть, сработало, но носитель, судя по всему, не умер или умер совершенно иным способом. Принцип захвата и подмены ДНК оригинальной клетки, очевидно, был включен и у этого вируса, для чего? Чтобы уничтожить в принципе каждую клетку. Но вирус повел себя совершенно другим образом. Может быть, вакцина была недоработана? Трофим зажмурил уставшие глаза до появления синих кругов. Вирусов, способных лепить из клеток хозяина свое собственное тело, полно, все-

го есть три варианта взаимодействия: продуктивная, абортивная, интегративная форма клеточной инфекции. Но какой вирус смог бороться с другим вирусом? Да и вопрос не в том, как можно создать и уничтожить то, что уничтожает все живое уже на расстоянии. Очевидно, механизм электромагнитного взаимодействия модулированных нервных клеток носителя тот же, но мощность и восприимчивость колонии вируса, а также и носителя в разы эффективнее. Как можно уничтожить такое? В любом случае все ответы надо искать внизу, ведь именно там Лука, бывший начальник службы безопасности, нашел то, что искал, там создавался этот штамм, там и должна быть хоть какая-то информация по нему.

Трофим встал, положил ежедневник на сейф и двинул к видневшейся недалеко шахте лифта. Вниз проглядывалось еще три этажа. Ни веревок, ни троса, ни каких-либо устройств видно не было, без веревки ему тут делать нечего, переломается. Он развернулся и пошел обратно к Юрку. У того наверняка будет хорошая, прочная веревка, на которой можно будет навязать петли и аккуратно спуститься вниз.

Глава 12. Подземелье

Для страховки обвязавшись веревками, Трофим спустился по самодельной веревочной лестнице на один уровень вниз. Освещение в нем также было недостаточным, но широкий коридор, широкие двери, стоящие далеко друг от друга, показывали совсем другую планировку этажа. Аномалий не наблюдалось. Теперь здесь не было множества однообразных комнат. Длинный стометровый коридор имел по несколько больших залов с очень громоздким оборудованием, больше похожим на стеклянные саркофаги с подведенными к ним кабелями и шлангами. Осмотрев несколько из них, ученый понял, что в каждом саркофаге ранее целиком помещался человек, к которому подводилось и питание, и кислород. Анатомически приспособленная резиновая подложка и герметичная камера указывали на то, что, возможно, испытуемый или подопытный находился в жидкости. Размах научного и технического потенциала впечатлял. В современное время оборудование на Янтаре казалось намного скромнее, чем эти покрытые пылью стеклянные саркофаги и допотопные панели с лампочками и большими квадратными кнопками. Один из саркофагов не был открыт, и лежащее в нем превратилось в сплошную бурую массу, занявшую весь предоставленный объем. Трофим догадывался, что это за масса, но, будучи человеком науки, предпочитал не полагаться на догад-

ки, особенно в таких случаях. Следующий зал был чуть поменьше, и стеклянные саркофаги также были меньше, кроме них, были также совсем маленькие. Очевидно, здесь производились эксперименты над братьями нашими меньшими – собаками, обезьянами, крысами. Это также подтверждали свернувшиеся и потрескавшиеся плакаты с послойным изображением животных от кожного покрова до скелета. Следующий зал был конвейером работы над микроскопическими формами жизни. Тут Трофим узнал прототипы тех приборов, которыми они пользуются сейчас, разве что размеры были в разы больше, но сама постановка и последовательность их использования говорили о том, что десятки сотрудников передавали одну и ту же пробу на следующий и следующий аппарат, сканируя, просматривая, изучая, замеряя состав, плотность и жизнеспособность испытываемой колонии вирусов. Это было грандиозно и недостижимо по своим размахам. Трофим замирал в тишине, осматривая в свете напольного фонаря комбинезона утерянный размах науки. Прав был Одинцов, когда говорил, что даже сейчас это оборудование наверняка не является устаревшим. По крайней мере, большую часть экспериментов можно производить прямо здесь. Целостность оставалась неподтвержденной, шелковая тумблерами включения, он не добился отзыва ни от одного прибора. Вероятно, на них подается питание от отдельной ветки, вряд ли за тридцать с лишним лет они все вышли из строя до такой степени. Еще один зал того же уровня.

Множество запыленных и уже не прозрачных теплиц, в которых не осталось и следа от растительности, хотя не исключено, что здесь не было растительности изначально, вполне возможно, что здесь также разводились свои колонии микроорганизмов, над которыми в дальнейшем производились работы. Трофим тратил по несколько часов, обходя эти конвейеры научного оборудования, только его иногда сбивающееся дыхание, поскрипывание пыли под ногами и луч фонаря нарушали многолетнюю тишину, разбитую совершенно недавно тусклыми, запыленными лампами. Везде он искал хоть какие-то записи, журналы, тетрадки, но не находил даже мест, где могли храниться записи. Очевидно, секретность была настолько высока, что записи не держались на виду.

На следующий день он спустился на еще один уровень ниже. Планировка была такая же, как и на уровне над ним. Четыре больших зала с несколькими дверями для удобства вхождения и перемещения. Но здесь, видимо, велись работы уже над ожившими объектами. Нечто похожее на тренажерный зал, совмещенный с зоопарком. Решетчатый лабиринт, в котором не было даже стрелок, указывающих движение. Немного посомневавшись, Трофим вошел внутрь. Электрических замков он не видел, только механические защелки, себя он считал не глупее лабораторной мыши, поэтому заблудиться здесь, он рационально понимал, что не получится. Но все-таки попадая в тускло освещенный лабиринт, просвечиваемый лампочкой его фонаря, сделанный для ему подоб-

ных, он чувствовал себя неудобно. Походив и заглянув в клетки, он обнаружил иссохших и мумифицировавшихся мертвецов. Очевидно, это были так называемые образцы, которых теперь Трофим называл объектами. Внимательно оглядев неподвижные страшные образы смерти, он решил, что вирус все еще жив. Признаки разложения не проявлялись, поверхностный покров был сероватый и без повреждений. Можно было подумать, что их готовили к мумифицированию, но нет, это пораженные вирусом люди. Ученому не очень хотелось блуждать по этим мрачным клеткам-коридорам, поскольку тут рассчитывать на записи совершенно не следовало. На всякий случай он закрывал в каждой клетке, где находил тело, дверь на защелку. Когда он уже практически вышел в основной коридор, ему показалось, что он услышал какой-то металлический стук, но проверять, показалось ему это или нет, ему было слабо. Он все еще оставался человеком, стремящимся жить и любившим жизнь, а видеть что-то, что противоестественно даже его профессиональному рассудку, сейчас, находясь в полумраке и одиночестве, было откровенно страшно. Еще пара больших комнат, похожих на больничные палаты, с капельницами и каталками, полными шкафами хирургического инструмента и потерявших срок годности препаратов. Потеряв там уйму времени, он опять не нашел никаких записей, кроме номеров на койках и креслах-каталках. Адское место, похожее на бред садиста, и здесь тоже не было аномалий.

Еще одна комната была заперта. Наружная деревянная обшивка двери была сбита подручными материалами, но за деревом открылась стальная поверхность. Поняв, что сейчас пробиться за нее невозможно, ученый посмотрел на часы и, обнаружив, что время позднее, решил выбираться наверх. Поднявшись по веревкам и отдышавшись, он пошел через гораздо более обжитые коридоры, в которых редко, но появлялись мертвецы, упорно убирающие завалы и мусор. Еда у Трофима кончилась, и поскольку он ночевал в соседней от Юрка комнате, на чьей-то в общем не плохой кровати, сейчас он постучал к зомби в его кабинет. Юрок на этот раз сидел в светло-голубом шелковом халате и тапочках и читал одну из книг. Запыленный Трофим не ожидал такого поворота и пару секунд стоял, разглядывая какую-то неуместно праздничную одежду на мертвеце.

– Можно? – спросил ученый.

Зомби ничего не ответил, лишь медленно отложил книгу в сторону, показывая, что готов его слушать. Движения у мертвецов также были своеобразны. Это только сейчас Трофим стал замечать, что они двигают сразу всеми мышцами одновременно, стремясь окончить движение. Например, если человек отложит какой-то предмет в сторону, то он может сделать одной рукой или кистью, зомби же на протяжении времени, пока двигается его рука, также двигает и плечом, хоть на сантиметр, но на продолжении всего движения. Такое для живого человека было невозможно. Подобное Тро-

фим видел на мертвецах, убирающих мусор в коридорах и комнатах. Они наклонялись одновременно вместе со сгибанием ног и вытягиванием рук, отчего их движения скрадывались, казались механическими и ограниченными, но на самом деле амплитуда их была такая же, как и у живого.

– У меня еда кончилась, мне надо на поверхность, – сказал Трофим.

Юрок согласно кивнул.

– У нас еда кончилась, – то ли повторил, то ли поправил он. – Я читаю Джека Лондона, «Белый Клык», – вдруг сказал он. – У нас есть идея, хорошая и простая. Ты принесешь нам еды. Много еды.

– Хорошо, – согласился Трофим. – Сколько найду. Там же наверху сталкеры, Свобода. У них может быть не так уж и много.

– Они тоже принесут нам еду и оружие, в обмен на это.

Юрок посмотрел на один из книжных шкафов со стеклянной дверцей, за которой Трофим только сейчас разглядел несколько артефактов. Среди них находился и «кристалл».

– Я понял, в обмен на артефакты, сталкеры найдут много еды и, наверное, даже помогут с оружием, – согласился Трофим.

– Они найдут оружие, – утвердительно сказал зомби, и ученый услышал нотку убедительной интонации. – Я сталкер, Док. Я был сталкером. Я помню, как устраивать схроны, как торговать, кто были мои враги, как заводить друзей...

Ты мне тоже об этом напомнил. Я Юрок, а ты Док, – мертвец хохотнул странным, не похожим ни на что смехом. Как будто человек сдерживал кашель, но он все равно вырывался наружу с буквы Ы. – Мы сделаем тут свою базу... Над нами группировка Свобода, я помню их лидера, Гипс. Хороший командир, мы с ним поладим. Он меня тоже, наверное, вспомнит. Давно это было, он тогда еще не был в Свободе.

Зомби задумался, опустив глаза вниз. В эту минуту он больше всего был похож на человека. Неяркий свет и общая худоба делали его похожим на обычного сталкера, даже в этом неуместном небесно-голубом халате.

– Знаешь что, Док? Иди наверх, скажи им, что нам требуется, и приходи обратно. Они пусть оставят все, что надо, и уходят, мы сами все примем. Кто у них тут по месту командует?

– Я думаю, Якорь, – ответил Трофим.

– Якорь, – протянул зомби голосом, лишенным интонации, вновь превратившись в нечто пограничное между живым и мертвым. – Не знаю такого.

– Нормальный мужик, – заверил Трофим.

– Зону чует?

– Не знаю, наверное, – пожал плечами ученый. – Иначе как?

Юрок встал, опять же тем самым движением, когда одновременно срабатывают все мышцы и замирают в конечной точке, и подошел к шкафу.

– Давай рюкзак, Док.

Наполнив рюкзак артефактами, Трофим вышел, обнаружив на полу прочерченную мелом линию, извивающуюся и идущую по коридору. Поняв, что линия начерчена для удобства хождения, чтобы ненароком не попасть в аномалии, он хмыкнул и пошел по ней на выход. В двадцать один сорок пять он уже стоял в большом зале, полном аномалий, где добавилось пару лампочек и освещение стало чуть более приветливым. Было странно наблюдать, как цивилизация и Зона уживаются в одном месте, но, судя по всему, процесс шел не только в этой подземной лаборатории, но и в душах и телах людей. Линия вела к самым воротам, где его ждал тот самый высокий мертвец третьей категории.

– Так как тебя зовут, дружище? – не удержавшись, спросил Трофим.

– Витек, – низким голосом, на выдохе ответил зомби. – Я только имя помню...

– А я, а я Трофим, можно Док, – немного грустно, но все-таки с облегчением сказал ученый, протянув руку.

Мертвец пожал ее своей крупной, твердой ладонью, больше похожей на какой-то инструмент для рытья песка.

– Ты пока Док, потом будешь Трофим, – так же низко шелестя голосом, как будто не умея активировать голосовые связки, сказал зомби.

– Все там будем, – отмахнулся ученый. Сейчас ему стало легче, томившая его бессознательная тревога отступила,

оставив лишь легкую грусть. – Давай открывай, Витек.

Даже не скрипнув петлями, воротина, отделяющая территорию мертвых от остального мира, отворилась. Трофим, почувствовавший потянувшийся в помещение запах осеннего ветра, сырых листьев и холода, кивнул самому себе. Если кому и дано вдруг стать переходным мостиком между царством живых и зомби, то почему бы не ему? Ведь кто-то должен же быть первым? Скорректировав свет налобного фонаря, он шагнул вперед.

– Так ты говоришь, еду и оружие? – очередной раз переспросил ученого Якорь, сидящий у костра.

Рядом сидел Моль и еще пара сталкеров. На костре в большом котле варилась и булькала похлебка из чего-то мясного со специями, отчего у Трофима требовательно затрубил и заперезживал желудок. Похлебка гипнотизировала его своим паром и запахом.

– Еду и оружие, – повторил Трофим, оторвав наконец взгляд от котла.

Якорь вздохнул. Решение принимать ему, поскольку у Армейских складов была своя забота. Он, конечно, отправил сообщение Гипсу и напрямую, и по цепочке через связанных сталкеров группировке, но ответ нужен был уже сейчас. Рассказывать Трофиму о нападении зомби на основную базу он не хотел, чтобы не нагружать человека, по которому и без того было видно, что он не прохлаждается, лишней головной

болью. К костру подошел Шпагат, связной и помощник Якоря.

– Якорь, мы посчитали. Все артефакты один к одному, чистые, без сколов, дефектов. Хорошая цена у них. По верхней планке штук на тридцать потянут, – сказал Шпагат негромко.

Якорь кивнул.

– Ну давай, мужики, поспело что ли? – спросил он и первый полез ложкой к котелку, пробуя варево. – Нормально! Давай, Док, тарелку, тебе первому.

Трофим с охотой поднес большую тарелку, взяв ее из стопки общей посуды, стоявшей рядом на самодельном низком столике из доски с приколочеными к низу четырьмя маленькими ножками. Обжигаясь паром, Якорь сам наложил ему полную, чуть ли не с горкой тарелку, один из сталкеров нарезал хлеб. Мужики наложили каждый сам себе и на некоторое время замолчали, работая ложками и челюстями. За другими кострами картина была примерно такой же. Трофим с удовольствием съел свою тарелку, оставив место только для чая, который уже начинал шуметь в черном прокопченном походном чайнике. Сталкеры также постепенно справлялись со своей задачей, практически не разговаривая. Якорь ел молча, смотря на играющие жаром угли, погруженный в свои мысли. Его можно было понять. Вооружать и кормить неизвестное количество зомби, находящихся прямо у тебя под ногами, на стратегически важном участке земли?

Оправдан ли риск? Закипел чайник, брызнув из носика на огонь, заставив шикнуть того паром. Кто-то быстро снял его, открыл крышку и бросил туда заварки и пару листьев какого-то растения. Еще через минуту ароматный чай, пахнущий мятой, разлили по алюминиевым походным кружкам. Якорь посмотрел на ПДА. Ответа от Гипса все еще не было.

– Док, тут на Армейские напали недавно. Те, от которых вы с Калмыком отбивались. Потери четырнадцать человек, Гипс на один глаз, база вся в черное. Вот, – сказал он.

Трофим отложил кружку, внутренне напрягшись. Почему-то он чувствовал какую-то вину за случившееся, словно он мог предотвратить это, но не понял, как, или не знал, когда должен был. Разумеется, винить в этом ученого никто и не подумал, но у каждого ученого свои тараканы в голове.

– Наши семерых взяли. В клетках сидят. Разговаривают, но про свое прошлое забыли как будто. Вообще не интересуется их, что было, что может быть. Там среди них одного нашего узнали, Леший кличка. Хороший был сталкер, душевный. От Свободы ни на шаг, когда новичком был, все по лескам прятался, не хотел ни с одиночками, ни с Долгом пересекаться, потому и Лешим назвали, – Якорь отложил в сторону парящую кружку чая и полез за сигаретой, одновременно листая что-то на ПДА. – Вот на тебе фотки, посмотри, может, что-то подскажет.

Трофим взял ПДА и посмотрел на снятое крупным планом лицо Лешего во время его разговора. Глаза с желтыми

прожилками белков, отсвечивающие рыжиной зрачки, лицо и шея в произвольных по размеру и форме коричневых пятнах. Очень выраженное воздействие вируса, но фотографии мало о чем могли сказать ему сейчас, разве что там, в подземелье, он найдет-таки описание и фотографии подобных проявлений.

– Его надо было на спектральную камеру снимать, – сказал ученый.

– Да не до того было, Док, – сказал Якорь, выдыхая облачко дыма.

– Блин... Что теперь на Армейские, что ли, бежать? – перебирая фотографии, спросил Трофим.

– Сам решай, Док. Мы тут тебе не указ.

Трофим задумался. Пойманные и сидящие в клетках новые зомби, конечно, очень важные объекты исследований, но ведь они уже в клетке. А потом, их наличие не говорит еще о том, что у них на лбу будет написано, что за вирус, начальная его форма, жизнеспособность, функции, назначение, слабые и сильные места, механизм размножения и разрушения и многое другое, что в принципе может открыться в полной мере уже завтра, со всеми формулами, схемами, фотографиями и результатами экспериментов. Глупо так просто срывать на Армейские, когда ты уже в полушаге от цели.

– Надо тут закончить, – озвучил свое решение Трофим.

В ответ ему никто ничего не ответил. Ночь уже взяла свое,

и дым, подсвеченный костром, став светлее темного неба, полетел вверх, постепенно растворяясь в воздухе. Недалеко завыл кровосос. Отчего-то ученый понимал, что кровосос сейчас воет не для того, чтобы напасть или обозначить свое присутствие. Мутант выл как будто с тоски, глядя на разбросанные по Пепелищу костры и спокойно сидящих вокруг них людей. В другой стороне в подлеске сцепились друг с другом слепые псы, их рычание едва слышно долетало и до сталкеров. Трофим допил чай, почувствовав желание поспать здесь под открытым небом, вдыхая живые запахи Зоны, дым костра и слушая звуки настраиваемой гитары, которая скоро украсит ночное небо невидимым узором мелодии, извлекаемой пальцами из чутких струн инструмента.

– Вот сейчас дадим этим мертвецам под нами оружие, а вдруг они выйдут с ним на нас? – вышел из пучины своих раздумий Якорь. – Мы же сами и поляжем здесь. Ребят положим и Пепелище потеряем. Что думаешь, Док?

– Не знаю, я с их главным разговаривал, Юрок, помнишь? Мы про него тебе с Бериком рассказывали. Он себя помнит, кто он и что, Гипса помнит, когда тот еще главным не был. Мне кажется, что не будут они воевать против Свободы, – ответил Трофим.

Якорь задумался, потянулся еще за одной сигаретой, но, вспомнив, что только что курил, передумал, устало потер лоб рукой.

– Значит так, Док. Твое слово, конечно, веское, но и пола-

гаться только на него я не могу. Поэтому пойдём, поведешь меня к своему Юрку. Пусть меня там и сожрут, но ребят я подводить не могу, не имею права. Как с ним поговорим, так и решим.

– Хорошо, – согласился Трофим. – Верное решение, Якорь.

– Шпагат, давай мне четыре автомата АК соточки, поновее выбери, патронов к ним штук пятьсот, гранат десятка два и еды на остальное. Больше пайками клади, – распорядился сталкер.

– Так много еды получится. Упрете разве? – засомневался Шпагат.

– Клади, клади. Мы не жадные и не бедные, еще заказывайте и того, и другого. Если не выберусь, Моль за меня решает. Так, братуха? – обратился он к сидящему недалеко от него сталкеру.

– Так, так, – кивнул Моль, – только выберешься. Вон я туда ходил уже разок, познакомился с одним местным профессором, ниче, Док меня вытащил. И тебя вытащит, – улыбнулся Моль.

Быстро собравшись, Трофим попрощался с мыслью переночевать здесь, под открытым небом. Когда они налегке подошли к первым дверям, там уже лежало оружие и мешки с едой.

– А что дальше не пронесли? – хмуро спросил Якорь.

– Так, мало ли, – пожал плечами боец, стоявший на вхо-

де. – Упрут еще, потом скажут, что не было ничего...

– Упрут? – удивился Якорь.

Очевидно, он не думал о зомби как о существах с человеческими возможностями и привычками, а вот боец в комбинезоне Страж Свободы подозревал их в чем угодно, поэтому на вопрос Якоря только еще раз пожал плечами.

– Ладно, Док, давай нагружаемся. Пойдем.

Сталкеры нахлобучили на себя мешки с едой, взяли по два автомата ремнями на шею и, пошатываясь, вступили в темноту первого коридора, ведущего к черным двустворчатым воротам с гербом СССР. Дойдя до места, с пыхтеньем сложив все, Якорь кивнул Трофиму. Ученый трижды постучал, прекрасно понимая, что о них уже знали до того, как они постучали. Дверь распахнулась, и оттуда, высунувшись на половину своего высокого роста, нарисовался Витек. Глянув на оцепеневшего Якоря, пришедшего практически без оружия, только с пистолетом, он оглядел мешки и, не глядя, отошел назад, освобождая проход. Сталкеры собрались было снова нагрузить все на себя, как зомби произнес своим низким, но уже с некоторым оживлением голосом:

– Оставь, заберем.

Трофим кивнул и, оставив поклажу, пошел по нарисованной мелом линии, по известной ему уже дороге. Якорь последовал за ним, молча, стараясь ничем не выдавать волнение. Возможно, он и был с другими сталкерами здесь, когда эти ворота еще не запирались, но сейчас наличие электриче-

ства и аномалий в подземном помещении вызывало у него понятное Трофиму чувство соединения как будто взаимоисключающих явлений. Через несколько долгих для Якоря минут они уже шли по коридору, ведущему в комнату Юрка. В коридоре на этот раз стояло несколько хорошо вооруженных и восстановленных зомби третьей категории. Все стояли как статуи, держа в руках приведенное в норму оружие. Очевидно, Юрок знал, что так оно и закончится, и решил оказать определенный парадный прием гостю, заодно указав, что и они не находятся в бедственном положении. Якорь с удивлением прошел мимо неподвижно стоящих мертвецов.

– Серьезный у них подход, – негромко и как будто про себя сказал он.

Трофим не ответил ничего. Они уже стояли возле дверей, которые были приоткрыты. Справедливо посчитав, что стучать не имеет смысла, ученый открыл дверь, пропустив вперед Якоря. На этот раз Юрок сидел в своем сталкерском одеянии, в котором Трофим видел его первый раз. Серая, но уже чистая куртка новичка, камуфляжные штаны и ботинки.

– Садись, сталкер, – сказал он Якорю, имея в виду их обоих.

Якорь сел, и пока он крутил головой, разглядывая небольшую комнату с книжными шкафами, книгу, шкаф, за стеклянной дверцей которого светились артефакты, книгу, которую читал Юрок, за дверями послышался шорох шагов, и в комнату вошли два мертвеца с принесенными автоматами и

боеприпасами. За ними показался силуэт другого мертвеца, несшего на себе всю поклажу, которую с трудом принесли на себе до ворот Трофим и Якорь. Юрок протянул руку, и ему подали автомат. Зомби взял его в руки и, повернув настольную лампу на оружие, начал осмотр.

– АК 105, с оптическим прицелом, патрон пять сорок пять на тридцать девять. Длинный ствол, состояние почти новое, – прокомментировал Якорь. – Увеличенная обойма, мягкий спуск, уменьшенная отдача. Доработка Свободы.

– Вижу, сталкер, вижу, – кивнул Юрок. – Ты, значит, Якорь?

– Я. Все оружие в порядке, все с нашей модификацией. В мешках консервы, пайки. Все свежее, все с нашей кухни, – продолжил Якорь.

– Хорошо. Я Юрок, – сказал зомби и, наверное, впервые за все время посмотрел Якорю в глаза.

Сталкер спокойно выдержал взгляд и протянул руку.

– Вода есть у вас? – спросил он неожиданно, пожимая руку мертвеца. – В горле пересохло.

Юрок бросил взгляд на стоявших в дверях мертвецов, те, взяв оружие и мешки, исчезли, но менее чем через минуту из соседней комнаты вышел другой с двумя бутылками водки. Брови Якоря полезли вверх.

– Там, в мешке...

– Понял, сейчас сделаем, – сказал Юрок, к голосу которого Трофим уже привык, и теперь он не казался таким неесте-

ственным и бесцветным.

Еще через минуту на столе к бутылкам водки присоединились граненые стаканы, консервы, хлеб и банка маринованных огурцов. Юрок скрутил крышку и налил в стаканы по половине. Якорь вышел из ступора и, достав нож, открыл консервы, с сомнением поглядев на банку огурцов, открыл и ее, Трофим нарезал хлеба. Все еще находясь в культурном шоке, Якорь поднял стакан и, поглядев на ученого, затем с оторопью на мертвеца, поднял его вверх.

– За знакомство! – и опрокинул его в себя, не закусывая. Тут же взял открытую бутылку и, словно боясь упустить момент, наполнил по полстакана повторно. – За встречу!

Юрок кивнул и наравне с Якорем выпил. Трофим откровенно сачканул, лишь пригубив спиртное. На этот раз Якорь взял пальцами огурчик и закусил. Почувствовав, что его наконец слегка отпустило напряжение, он выжидательно уставился на Юрка. Тот понял, что человек, пришедший для переговоров, теперь готов воспринимать его.

– Это наш дом, – начал Юрок, глядя на сталкера. – Мы не мертвецы, как вы думаете, мы воскресшие. Мы будем существовать здесь, потому что так будет лучше для всех. Воевать мы можем не хуже вас, и шансов победить у нас больше, но, – зомби сделал паузу, – у нас нет такой цели. Рано или поздно большинство из вас придет сюда. Ты тоже, Якорь, – сказал Юрок, указав на него пальцем. Якорь моргнул и вопросительно посмотрел на Трофима. – И Док тоже... Док,

объясни ему, почему.

Трофим задумался, сделав паузу, чтобы кратко и в двух словах объяснить это сталкеру.

– Тут, Якорь, такое дело. Этим вирусом заражено было порядка двадцати – двадцати пяти процентов сталкеров. Такие данные у нас получались по результатам исследований на Янтаре. Я всегда сдавал кровь и был чист, но там, на Армейских, после Выброса моя кровь начала делиться, так же как и кровь Коваля. Пока никто об этом не знает, но после смерти я стану таким же, как они, Коваль тоже. Они, – ученый кивнул на зомби, – определяют, инфицирован сталкер или нет, лучше любого прибора, так что, видимо, Якорь, ты тоже.

– Лекарство от этого есть? – кашлянул сталкер, уставившись в стол.

– Лекарства нет. Это вакцина. Вакцина восстановления человека и была лекарством, но у нее оказались побочные эффекты. Единственное лекарство, которое разрабатывалось, было недоработано, а имевшийся образец использован неким начальником внутренней охраны Псарасом Лукой Агапитовичем, если я правильно запомнил его данные, – теперь уже Юрок повернулся к ученому, весь обратившись в слух. – Но лекарство также основывалось на каком-то штамме, который, возможно, уничтожил базовый вирус, но сохранил носителя. Не понятно, то ли он изменил базовый вирус, то ли заменил его. В любом случае его распространители на-

падали на нас, напали на Армейские склады, и, очевидно, для него требуются изначально живые носители. Живые люди.

– Так, подожди, подожди. Я стану зомби? – спросил Якорь.

– Да, когда умрешь, – подтвердил Трофим.

– Ох ты, вот это да, – дрожащей рукой сталкер налил себе еще полстакана и выпил залпом. – Вот это новости, – выдохнул он, уставившись в стол перед собой.

– Поэтому мы и не будем воевать с людьми, – сказал Юрок.

– Чем больше мы будем носить это в себе, тем полнее вирус продублирует собой наши клетки. Поэтому, если мы не хотим после смерти встать просто безмозглыми, разлагающимися трупами, нам надо подольше пожить, чтобы начать хотя бы со второй категории, – сказал Трофим. – Поэтому убивать нас им не выгодно. Переход с одной категории на следующую очень энергозатратен.

– Екарный бабай, как это? – встряхивая головой и часто дыша, приводил себя в чувство сталкер.

– Оказывается, есть жизнь после смерти, – улыбнулся Трофим, – давай, что ли, за это? – предложил он, приподняв стакан.

Троица чокнулась, на этот раз ученый выпил до дна и, скривившись, закусил как следует – и огурцом, и тушенкой, и хлебом. Якорь также закусил как следует и, уже захмелев,

сидел, покачиваясь, погруженный в свои мысли.

– Да знаешь, Юрок, будем прямо смотреть на эти вещи. Может быть, это не так уж и плохо, а? Каково это? – спросил он мертвеца.

Юрок понял, что сталкер находится в том состоянии, когда ему если уже не все равно, то по крайней мере он готов с отчаянной решимостью пуститься в любые авантюры, заглянуть в самую глубокую пропасть, которую он только может представить.

– Это не страшно. Это быть почти тем же самым, что и живым, только очень трудно вспоминать, что было раньше, трудно чувствовать, переживать.

– Железы очень долго восстанавливаются, а новые клетки не скоро начинают адекватно реагировать на гормоны, – негромко прокомментировал Трофим сталкеру.

– Я, он, ты все начинаешь разделять только спустя долгое время. Может быть, год, может быть, больше, а до этого жизнь понимается только урывками. С трудом вспоминаешь слова, потом трудно вспомнить, куда ты шел и что хотел, потом начинаешь узнавать места, потом себя, свои тайники, привычки. Я с трудом вспомнил, как читать, но потом становится все легче и легче, начинаешь вспоминать, откуда ты, с кем ты был, как погиб, – Юрок замолчал. – Время начинает работать за тебя, возвращать тебя к жизни, а не к старости и смерти.

– А как ты погиб? Расскажи, дружище, – попросил Якорь,

наливая водку по стаканам.

– Расскажу. Только водку на меня можешь не переводить. Не берет она нас, – пояснил он сталкеру. Троица чокнулась, Юрок, задумавшись, посмотрел на стакан, а потом выпил его. – Когда я чувствую что-то новое или забытое, то, что мог чувствовать, когда был живой, я стараюсь понять и усилить это. Так я возвращаюсь к жизни. – Трофим и Якорь понимающе кивнули. – Ну тогда слушайте. Гордиться тут нечем, все, кто воскрес после смерти, проходили такой же путь, как я, но мне еще повезло. В Зону я попал давно. Начал, как и все, с Деревни новичков, терся с молодыми сталкерами по близкой Зоне, слушали мы тогда любого, кто что подскажет, как сейчас помню, едва наскребали на хлеб и на патроны, иногда с мертвецов что-то снимали. Даже с одним сталкером подвязались за зомби ходить, ждать, когда они поодиночке встанут или уснут.

– А что, спите? – спросил Якорь.

– Да. Просто как будто что-то перезагружается, не знаю, вон, Док, наверное, скажет. Встаешь в поле как вкопанный, и все, обычно после еды. Когда зомби молодой, такое часто, сейчас я почти не сплю после еды, сплю после книги, – Юрок любовно потер ладонью обложку Джека Лондона, что не ускользнуло от взгляда Трофима. – Вот там, наверное, я вирус и подцепил. С них... нас собирали все, что могли, броню, оружие, ПДА, везло, если там координаты тайника были. Научились лассо кидать, чтобы связывать. Иногда убива-

ли. Тогда они... мы беззащитные были, не чувствовали ничего. Так и жили. Но однажды подсказал нам сталкер один на Юпитер идти, карту нарисовал с маршрутами, там зомби много было. Сталкер тот на Сидоровича работал постоянно, заказы вытаскивал, только не по артефактам, а по людям или по передачам от них. Не любили мы его, но в основном его уважали. Сталкеры там, куда он указал, крепкие были, мертвецами не занимались, брезговали. Мы с напарником и пошли. Да только тот самый сталкер за нами и пошел... Отмычки мы его были. Тропинки вроде бы хорошие, аномалии указывали и где мутанты постоянно пасутся и прячутся, да только напрямиком нас повела та карта через бандитскую стоянку, она почти возле Юпитера стояла. Мы с напарником осторожные были, видели, что люди впереди, без ПДА, но карте поверили, пошли аккуратно. Зацепили сигналки, подняли переполох, в нас начали стрелять, мы убежать, отстреливаться, бандиты за нами. Напарника моего завалили уже возле Юпитера, броня у нас кое-какая была, меня зацепило смертельно, когда я через забор перепрыгивал. Там бандиты и отстали, там за забором территория наемников начиналась, по знакам я понял, а бандиты знали. Дополз я до какого-то канализационного люка, упал туда и издох. В себя я начал приходить, не знаю, через какое время. Так получилось, что нашли меня там наемники. У них этот люк что-то вроде мусорки был и отхожего дела. Бросали мне крыс, объедки, нужду справляли, – Юрок замолчал.

Якорь дрожащими руками полез за сигаретой, достав пачку, одну протянул Юрку. Тот, не глядя, взял сигарету, а Якорь без всякого опасения поднес ему зажигалку, прикурив также и свою. Юрок затянулся, выпустив более прозрачный дым, чем сталкер.

– В общем, постепенно нужду на меня стали справлять меньше, стали по-другому использовать. У наемников дела с людьми были постоянно. Иногда и пытать надо было, так вот они человека связывали и ко мне пускали, не целиком, а либо только ноги, либо головой вниз. А я ел. – Трофим и Якорь произвольно покачали головами. Против такой пытки, пожалуй, не устоял бы ни один из них. – Иногда развязанного безоружного спускали, если совершенно не хотел разговаривать. Места в канализационном люке, сами понимаете, сколько, шансов у попавшего не было. Он меня бил как мог, но боли-то я не чувствовал, только равновесие терял, а потом он уставал, и тогда я его ел. Живьем. Убивать не мог, не догадывался. Наемникам весело было. Много Выбросов прошло, с каждым разом я все больше и больше понимал, кто я и что я. Кормили меня постоянно, в основном крысами, потому и зубы такие стали, – Юрок открыл рот и показал редкие острые зубы.

– Раньше острее были и реже, – сказал Трофим.

– Да, возвращаемся к прежней жизни, – ответил зомби, погасив сигарету, с которой он сделал всего одну затяжку. Обернулся в поисках пепельницы, но, не найдя, сломал си-

гарету и аккуратно засунул ее в крышку из-под водки. – Постепенно я начал чувствовать не только себя, но и окружающих. Я тогда думал, что я и должен жить в том люке, мне там нравилось, но потом я понял, что я, наверное, такой же человек, как те, которых ко мне спускали, и тогда во время Выброса я вспомнил, как я туда попал, и ушел. Я обходил сталкеров, потому что они могли быть такими, как я в прошлой жизни. А своих я находил, они были всегда голодные и ничего не помнили. Но я начал им помогать вспоминать, кто они. Мы стали объединяться, у нас появилась цель. И вот наша цель, – зомби посмотрел вверх, разводя руки в стороны, словно обхватывая все пространство подземелья. – И мы сами себе можем строить будущее здесь, – сказал зомби, глядя на гостей.

– А что дальше? Что будет дальше? – спросил Якорь, также потушив сигарету и засунув ее в крышку от бутылки, в которой уже не осталось места.

– Дальше я не знаю. Возможно, мы станем снова полноценными людьми. Новыми воскресшими. Возможно, мы первые, кто действительно достиг бессмертия. Возможно, если об этом узнают там, на Большой Земле, сюда будут приходить сотни, десятки, чтобы умереть, а потом вспомнить себя и вернуться на Большую Землю к своим делам. В любом случае ты сможешь выбрать будущее, если ты помнишь прошлое.

Медленно тающее облачко сигаретного дыма наконец рас-

таяло. Ученый и боец Свободы молчали.

– Юрок, а скажи, зачем ты убил Саню Клише? – спросил Трофим, решив, что теперь самое время пойти к откровенному.

– А, Саня Клише... Раньше он был Саня Богомол. Это он отправил нас к Юпитеру, я вспомнил его. Это ему за напарника и за других сталкеров. Он им тоже наводки давал, но редко кто возвращался, – прошелестел зомби, вновь потеряв человеческие нотки в голосе.

– Посчиталась, значит, Зона с ним, – негромко произнес Якорь. – Твоя правда, значит, – он вздохнул. – Давай так, Юрок. Теперь я все понял, кто вы и что. Работать с вами Свобода будет, я за Гипса сейчас тоже могу говорить. Главное, чтобы ваши друзья ребят наших не пугали, ну и мы стрелять не будем. Мы вообще палить по мутантам и всему остальному не привыкшие. Оружие и еду будем поставлять исправно, вы даете список, чего надо вам, мы даем список, чего надо нам. Ты согласен?

– Согласен.

– Я свое слово держу крепко. Бумаги подписывать не будем, но вот тебе моя рука, Юрок, если надо, своих можешь к нам на Армейские отправлять, я все улажу, – Якорь широким жестом подал руку. Зомби зеркально пожал ее. – Давай, мужик. Мне пора, Док, ты здесь останешься или...

– Здесь уже переночую. Завтра надо будет еще один этаж обыскать, и это, Якорь, газ нужен, ворота разрезать железные

дашь? – спросил ученый.

– Дам. Только...

– Мы поможем, спустим и разрежем, – заверил Юрок.

– Вот и хорошо, мужики, давай тогда прощаться, меня наверху заждались уже. Да и, Юрок, «кристаллов» нам собери, пожалуйста, – попросил Якорь.

– Соберем, а с тебя сорок седьмые АК, штук пятьдесят и патронов по две сотни на каждого.

Якорь удивленно присвистнул.

– Добро, – сказал он и, развернувшись, вышел из комнаты.

За это время, пока Трофим находился в подземной лаборатории, весть о том, что Свобода пленила нескольких зомби нового вида, облетела всех в Зоне. В Свободу поспешили сталкеры, защищенные «кристаллами», чтобы посмотреть на них. На связь к Свободе вышли бандиты, на которых скоро после поражения у Армейских складов напали пятнистые и увели по полбригады с каждой базы. Даже ученые с Янтаря запросили образцы для исследования, но Гипс, руководствуясь внутренним чувством, не давал им ни единого образца. Он пригласил их на свою базу для собственноручного отбора, но, конечно, никто не пришел. Пятнистые также напали на Росток, забрав оттуда не более десятка человек, осторожно отщипнув, словно контролер, по кусочку с нескольких постов, проверив на прочность их оборону и хладнокровие. Лидер Долга Рожок был в панике. Он знал, ка-

кой ценой Свобода отстояла свою базу, отстоять Росток в силу его размеров и большого количества незащищенных стелкеров будет сложнее. Вернувшийся Кабан рассказал ему, как быстро были уничтожены три вверенных ему квада.

Насмотреться на пятнистых не успели, они высохли и умерли, если можно это так назвать, повторно в течение двух дней, скорее всего, от голода. Окоченев черными, обтянутыми кожей скелетами. Их поливали водой, подносили крыс, но почерневшие, ставшие будто пластиковыми зомби не реагировали. Гипс распорядился все равно не подходить без защиты и не открывать клетки. Кто знает, что с ними сейчас происходит, кроме того, придет Док, он и будет разбираться с ними как положено, по науке, без жалости и сострадания, а пока... Пока они оставались страшным напоминанием невероятной силы и живучести.

Хутор взялся за работу вовсю. Его теплицы и многоуровневые подвесные грядки, к его безмерной радости, не пострадали. Зомби не дотянулись до этого оазиса жизни. Теперь он, подрядив еще десяток человек, рассаживал саженцы и сеял траву по всей территории. Теплый дождь как специально лил над базой Свободы по ночам, поливая саженцы и ростки, взявшиеся в рост на покрытой минеральными остатками почве с особой силой. Базу укрепили теперь с учетом выяснившихся возможностей и слабостей мертвецов. В каких-то моментах она теперь напоминала неприступную средневековую крепость. Снаружи за десятки метров от за-

боров установили датчики движения и мины направленного действия, вырыли ямы с зазубренными металлическими штырями, с которых невозможно было бы слезть, нарастили забор колючей проволокой, установили несколько дистанционно включаемых, замаскированных огнеметов. Но это все могло остановить лишь несколько десятков зомби, а что делать, если их будет больше сотни? Гипс, включивший в оборону базы всех своих людей, задавался этим же вопросом. Он ждал возвращения Трофима из той самой ходки, от которой могло зависеть все будущее базы, Зоны и, может быть, Большой Земли. Кто знает, может ли этот вирус жить там, за Периметром?

Глава 13. Без следов

На следующий день Трофим наскоро позавтракал в своей комнате, а также использовал заработавшую душевую, в которой появилось туалетное мыло прямоугольной формы с вдавленной надписью «Хвойное». Судя по его состоянию, оно было найдено здесь, где-нибудь в старых запасниках. Вода была уже не ржавой, но по-прежнему холодной, если бы здесь вдруг появилась горячая вода, Трофим бы, наверное, потерял сознание от радости. Но поскольку сознания он не потерял, он, быстро намылившись и смыв едва заметную пену, растерся полотенцем и двинул к себе в комнату, чтобы надеть комбинезон Сева и спуститься на предпоследний этаж.

Обвязавшись веревками, он спустился на минус пятый уровень. Лампочек здесь уже стало больше и освещение увереннее. Ученый прошелся мимо зловещих клеток с угадавшимися иссохшими мумиями к дверям, возле которых стояло трое зомби, прикативших баллоны с кислородом и пропаном и уже разрезавших внутренний замок, который успел совершенно остыть. Мертвецы стояли неподвижно, один из них был знаком Трофиму. Объект номер шесть, с золотым зубом, ломаным носом, множеством сросшихся шрамов и наколками на пальцах ЗУБР. Той прежней одежды на нем уже не было, сейчас он был одет в старый спортив-

ный костюм с надписью СССР. Очевидно, также изъятый из местных комнат и чемоданов.

– Здорово, Зубр, – негромко сказал Трофим.

Тот обернулся. Лицо стало намного более сглаженным и человечным. Исчезла неравномерность цвета, трещины. Резкие, зафиксированные смертью черты лица распрямились вместе с вновь заработавшими мышцами.

– Здорово, Док, – ответил он. – Мы тут с пацанами срезали все, но не трогали ничего. Юрок сказал, не надо.

– Познакомишь? – спросил Трофим, взглядом указывая на также повернувшихся к нему объектов.

– Сан Саныч, – сказал один высокого роста мужик, лет сорока прижизненных, с хорошими, явно растущими седыми волосами. – В прошлом Гнедой. Свобода.

– Валера, – сказал другой, небольшого роста, больше и до сих пор похожий на сталкера, но тут ученый не взялся гадать. – В прошлом Князь. Долг.

– Трофим Аристархович Гудин, можно Док, – пожал сухие твердые руки ученый. – Ну что, можно открывать?

Зомби отошли от двери, освободив проход. Ученый потянул за кованую стальную рукоять, сделанную в форме капли. Дверь, скрипнув отлетающим шлаком и просевшими от ее веса петлями, повернулась, открыв большую комнату, уставленную столами, механическими печатными машинками, древними коробкообразными компьютерами с маленькими экранами, большим количеством передвижных досок

для письма мелом и несколькими сейфами. Это была та самая комната, которую искал Трофим, и все было бы хорошо, если бы не одно но. Посередине большой комнаты было расчищено место, и на полу виднелась огромная куча золы, за которой виднелись старые иссохшие и покрытые пылью туфли. Трофим прошел внутрь, щелкнув выключателями. Затренькали и замигали через две лампы дневного света, освещая большой зал, предназначенный для обработки информации и теоретической работы. Внимательно осмотрев со своего места помещение, Трофим достал болт и бросил перед собой.

– Не нужно, Док, – сказал Зубр. – Тут все чисто.

Едва заметно кивнув головой, ученый подошел к трупу в расстегнутом лабораторном халате, лежащему за кучей. То, что это был труп, а не обесточенный объект, было видно по провалившимся глазам, разорванной разложением коже и положению тела. Рука трупа была прикована длинной цепью к далеко стоящему сейфу. Это был последний ученый этого комплекса, который, очевидно, уничтожил все труды и работы целой подземной лаборатории. Трофим присел рядом на корточки, трудно было передать его чувства словами. Целый пласт науки, работа сотен людей, передовые и до сих пор не известные технологии лежали здесь в этой куче золы, а тот, кто уничтожил их, очевидно, не был заражен. Трофим оглядел зубы покойного. Сильно стертые и выдавленные. Старик. Наверняка заслуженный научный деятель,

возможно, сошедший с ума, а возможно, именно по причине здравого ума решивший уничтожить все наработки. Сопровождающие его зомби встали рядом, беззвучно, словно тени.

– Это, наверное, ваш создатель... наш, – поправился Трофим и удивился, насколько поменялся от волнения его голос.

Ученый прошел вдоль цепи, мимо пустых шкафов и столов, мимо компьютеров, которые, как он теперь видел, были разобраны с задней части и оставлены без жестких дисков. Все было уничтожено, и только дойдя до открытого сейфа, он нашел пожелтевшие от времени листки пишущей бумаги, на которой обесцветившимися, но все еще читаемыми чернилами были записи. Аккуратно, боясь вздохом шевельнуть трескавшуюся бумагу, ученый включил фонарь и, не доставая бумаги из сейфа, разложенные одна за другой, принялся читать.

«Я, Никаноров Матвей Николаевич, будучи в здравом уме и рассудке, пишу этот документ для того, чтобы пролить свет на происходящее здесь. Двадцать шестого апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года произошла авария на линии энергоснабжения. Большая часть персонала покинула помещение и поднялась наверх. Я как коммунист, доктор наук, ученый секретарь, ответственный перед Верховным Президиумом СССР, назначенный для сохранения секретности ведущихся здесь работ, добровольно принял решение остаться в этой комнате. Вся ценность проводимых работ, их секретность и стратегическая важность являются аб-

солютным приоритетом. Мы не можем быть уверены, что лишение энергии нашего центра не является диверсией или саботажем врагов нашего правительства и партии, поэтому я не могу сойти с этого поста до тех пор, пока не придет помощь и уполномоченные лица.

Точно даты я сказать не могу, поскольку мои часы сломались в процессе первых дней вынужденного бездействия, но постараюсь донести события, не нарушая хронологию. Первые дни все было достаточно спокойно. Я остался здесь, вернувшись в темноте, и заперся. Никто не стал бы искать меня. Здесь есть еда и вода, мне одному ее хватит на месяцы. Вскоре за дверями я начал слышать стук, это вышли оставленные без присмотра образцы нашей прорывной разработки. Очевидно, они были голодны, но голод для некоторых из них менее губителен, чем для живого человека. Если наверху люди не успели покинуть соединенного с ними пространства, то, боюсь, их ждет ужасная участь.

Через несколько дней их стало больше, они скребутся в дверь, по-моему, даже грызут ее, но двери железные, грызть их бесполезно. Должен признаться, что эти шорохи, пощелкивания откусываемой щепы и стоны здорово портят мне нервы, но здесь есть медикаменты, в том числе снотворное и успокоительное, поэтому я держусь. Скоро образцы перестали грызть двери, может быть, полезли наверх через шахту лифта, а может быть, стоят за дверями и ждут, когда кто-нибудь появится. До шахты лифта почти сто метров, двери

плотные, и я не могу услышать, что именно там происходит, хотя мне казалось, что я слышал выстрелы.

Еще несколько суток, очевидно, прошло, никогда не думал, что как коммунист могу сказать или написать такое, но, товарищи, темнота душит меня и мне становится страшно. Кажется, что сверху спускаются какие-то злые черные волосы и хватают меня за руки. Думаю о тех, что наверху. Я уверен, что наверху кто-то есть. Темнота сверху не пустая. Она полна отчаяния и страха.

Не выдержал. Долго стоял у двери и открыл дверь, прислушиваясь. Мой коридор пуст, там через шахту лифта доносятся крики и звуки борьбы. Закрыл дверь. Страшно. Может быть, моим товарищам нужна еда? Наверняка. Но как я могу оставить пост? Кроме того, еды не хватит на всех, а мне нужно охранять материалы. Это крайне важные исследования.

Еще раз не выдержал, открыл дверь через, наверное, сутки. Мне показалось, что где-то рядом плачет женщина. Я же не каменный, женщину наверняка смогу прокормить. Чиркнул зажигалкой. Так и есть, недалеко стояла женщина. Позвал, не откликнулась, подошел ближе, позвал, пошла ко мне. Оказалось, что это уже не человек, это образец из совершенно свежих, недавно инфицированных. Лицо не разглядел, сломано и залито кровью, местами как будто прокусано. Больше открывать не буду, едва успел закрыться.

Образцов за дверями стало больше. Снова грызут двери

и стонут. Слышны обрывки речи. Спасает только успокоительное и снотворное.

Еще через несколько суток долгожданная тишина. Образцы ушли. Надо мной в разных местах слышны шумы. Роняют оборудование и дерутся. Очень страшно. Я надеюсь, что это спасательная операция и там уничтожают образцы. Жду.

Нет, это не было спасательной операцией. Люди наверху время от времени борются и кричат. Страшно, как будто животные. Никогда не думал, что такие звуки может издавать человек. Образцы так кричать не могут, им незачем. Теперь уже страх перешел в другое. Стало жутко, до рвоты. Огонь не жгу, пробовал. Здесь очень плохая вентиляция, видимо, заглушена. Из-за темноты вижу галлюцинации, светящиеся души. Я подходил к ним, разговаривал, они тоже что-то говорят, но я их не слышу. Они часто показывают мне на дверь, хотят, чтобы я вышел, но, может быть, этого хочу я сам. Я не выйду, я вообще боюсь шевелиться и издавать звук. Вкуса еды не чувствую, как будто отбиты нервные окончания.

Еще несколько суток прошло. Хочу выпить большую кучу снотворного. Я старый человек. Эти светящиеся души уже не показывают мне на дверь. Мне кажется, что кто-то хрюкает там в углу. Спрашиваю, кто, не отвечает. Я атеист, я коммунист. Жаль, что я не помню ни одной молитвы. Молюсь как могу. Это другая темнота, товарищи. Это безумная темнота.

Пришел начальник службы безопасности. Открыл дверь своим ключом. Что-то искал. Нашел инъекции, для чего и от

чего, разглашать не имею права. Взял только одну. За ним в открытую дверь никто не вошел. Видимо, я не зря молился.

Жить больше не могу. Помощи не будет. Я закрылся на ключ и оставил ключ внутри, чтобы снаружи не открыли. Я теперь понял, что говорят мне светящиеся души. Они говорят, чтобы я уничтожил весь этот материал. Я обязательно уничтожу. Я все сделаю. Поймите, я нахожусь в трезвом уме. То, что я называю галлюцинации, может быть и можно заснять приборами, по крайней мере, то, что я вижу, освещает немного столы и мебель вокруг. Когда они собираются вместе, они делают свет ярче, и они защищают меня от того, кто хрюкает по углам. Я боюсь теперь его.

Сжигаю все. Каждый листок и каждый отчет, каждый диск, инъекции и основной материал для выращивания. Кто бы ни захотел все начать сначала, он не найдет ничего. Мне доступны все сейфы и пароли. Дым теперь почему-то нашел, куда уходить, и все горит хорошо, но дышать все равно трудно. Но мне не долго.

Сжег все. Самая приятная работа. Тот, кто хрюкал в углу, ушел. Больше я его не слышу. Души тоже покинули меня, потому что я сделал то, что требовалось. Нашел цепь с ключами. Пришла мысль, что я могу тоже стать образцом. Мало ли. Но выходить отсюда все равно не должен, поэтому я прикую себя и выпью снотворное, все, которое осталось. Сначала положу только листочки так, чтобы их можно было сфотографировать. Неизвестно, когда их найдут, могут под-

вести чернила.

Все, товарищи. Что я вам хочу сказать напоследок. Не думайте, что наука сильнее всего. Есть нечто другое, другие законы, такие же, как и физическая гравитация. Не видимые, но реально существующие. Есть и другие материи, так же не видимые, как электричество. Не стоит играть всерьез с этими вещами, пока мы не изучим их полностью, иначе человечество разобьется или сгорит от излишне большой выпущенной силы. Теперь я чувствую себя совершенно свободным. Страх исчез, и я рад, что понял, для чего я тут остался. Прощайте, товарищи. Никаноров М. Н.»

Трофим дочитал тяжелые строки. Что ж, наверное, он был прав. То, что здесь производилось, не является лучшим выбором для человечества. По крайней мере для абсолютно-го большинства. Обернувшись, Трофим увидел стоящего рядом с ним Юрка, тот словно все понял по его взгляду.

– Бесполезно? – спросил Юрок.

– Да. Остался только нижний этаж.

– На нижнем ничего нет. Склад. Краска, лампочки, химическая посуда, строительный материал, запчасти для оборудования.

Трофим вздохнул и сел на один из стульев. Юрок занял его место у сейфа и несколько минут читал записи.

– Никаноров Матвей Николаевич. У нас должна быть своя история. Он будет у ее истоков, – сказал Юрок.

– Что же теперь делать? – спросил сам у себя Трофим. –

Что же теперь делать?

Тем временем на поверхности в Зоне прогремел еще один внеплановый Выброс. Зомби продолжали уничтожать Рыжий лес. Теперь черная, мертвая территория занимала десятки гектаров, а аппетит Черного Братства не уменьшался. С каждым вставшим в строй зомби скорость уничтожения Рыжего леса возрастала. Искалеченная, черная земля с черным тленом растительности, мертвые мутанты, погибающие еще на подходах к территории Братства, бесполезные для устранения зомби аномалии, которые сразу после обращения приобретали способность идеально чувствовать и виртуозно обходить их, так же как и десятки лет проживший под землей Старший Брат. Зона, потеряв часть своей территории, словно живое существо, двинулась восполнить потерянное за огороженный бетоном, колючей проволокой, огнем и минами периметр.

Выгнав полчища мутантов, Зона, так и не справившись с убивающими ее существами, повела мутантов на прорыв периметра, разделив их на два направления. Первое состояло целиком из крыс и полчищ тушканов, за которыми последовало незначительное количество других мутантов. В другой волне снова шли первыми кабаны, плоти и слепые псы, за ними снарки и кровососы, дальше, растянувшись на километры, огромные синеватые псевдогиганты, контролеры и переваливающиеся, спешащие на своих коротких ногах бю-

реры.

Первый поток понесся на Запад к относительно недавно разрушенному и захваченному Зоной блокпосту, чтобы вбить глубокий клин аномальной Зоны в Большую землю. Крысы и тушканы серой кипящей волной пронеслись по перенесенному и широкому минному полю, иногда подрывая настроенные на большой вес противопехотные мины. Мутировавшие грызуны неслись к недостроенному посту, с незакрытым вплотную забором, недостроенным строением казармы. К работающим кранам, экскаваторам, бульдозерам, к десяткам солдат, находящихся на укрепленном посту, вспыхнувшим навстречу мутантам ярким, испепеляющим плоть огнеметам, бесполезным автоматным и пулеметным очередям, убегающим людям в строительных касках и спецодеждах. Пройдя словно кишащий и пищащий безжалостный живой нож блокпост, мутанты оставили обезображенные десятки трупов, живых людей в кабинах строительной техники и задраивших дно гнезда солдат на вышках, и двинулись дальше вглубь Большой земли, ко второй линии ограждения, гораздо менее защищенной, но более многочисленной. Постепенно теряя силы, без поддержки аномальной энергии, из потока начали выпадать тушканы. Крысы же, являющиеся обитателями сразу двух миров, поредевшие и замедлившиеся, продолжали двигаться до второй линии заграждения, в сторону уже затараторивших в их сторону пулеметов, летящих из подствольников гранат. Упрямо, дымясь и

сторая, рвались через огнеметные шлейфы, по горящей земле. Дымящимися осколками боли и жажды крови ползли к стреляющим в них упор, бьющим прикладами и топчущим их армейскими сапогами солдатам. Многие десятки тысяч грызунов своими тушками обозначили путь Зоны, указав побелевшим от страха и невиданного прорыва солдатам, что это только один из ее выдыхов. На вдохе Зона как живой и саморегулирующийся организм забрала часть территории до первого, основного блокпоста с бетоном и вышками, поселив там разрывающие все воронки и трамплины, рассадив электры и жарки, застолбив для себя новый участок взамен утраченного.

Второй поток, состоящий из всего многообразия мутантов Зоны, двинулся к самому укрепленному южному посту, состоящему из сотен солдат и военных сталкеров. На этой базе стояли на балансе десятков бронетранспортеров, несколько вертолетов и устаревшая, но не потерявшая своей смертельной эффективности 240-миллиметровая ракетная установка залпового огня БМ-24Т. Появление потока мутантов не было неожиданностью, военные знали об этом, по своим каналам получив информацию о гоне. Системы видеонаблюдения, даже проводные, не работали во время Выброса, часто выходя из строя, тем не менее информация была доведена и весь гарнизон был приведен в боевую готовность. Мутанты разделились на несколько потоков, обходя пост по флангам, но плотный крупнокалиберный и автомат-

ный огонь, густо засеянные минные поля останавливали мутантов задолго до подхода к слепой, не простреливаемой зоне бетонного забора. Кабаны, плоти, псы, снарки и кровососы под беспрестанным огнем и взрывами мин гибли сотнями, ковром тел устилая землю. Последними пришли псевдогиганты, за которыми прятались бюреры и контролеры. И тех и других закрывали гравитационные поля, создаваемые телекинетиками, но поскольку силы бюреров были не безграничны, поле создавалось только впереди и по бокам связки. Увидев такое, военные сталкеры распределились за укрытиями, дав команду принять всем пси-блокаторы, ворота открылись и вперед выехали бронетранспортеры. С ходу, не давая псевдогигантам приблизиться и начать рушить строения и ограждения, бросились в бой, непрерывно палая из крупнокалиберных пулеметов. Бронированная техника, пробуксовывая по телам погибших мутантов, неслась в обход многотонных живых оппонентов. Контролеры, следующие за бюрерами и псевдогигантами, пытались взять водителей под контроль, но тщетно. Псевдогиганты, ударяя лапами по земле, создавая разрушительную кинетическую волну, не доставали обходящих их кругом машины. Зависшие в воздухе вертолеты крошили и разрывали замедлившиеся и ставшие беззащитными цели. Гон мутантов захлебнулся, не дойдя первыми рядами до бетонного ограждения десятки метров. Техника вернулась в полном составе, не потеряв ни одного ни раненым, ни погибшим. Солдаты-срочники, впер-

вые увидевшие в живую мутантов Зоны, с расширенными глазами все еще целились в дымящиеся тела мутантов, через чадающие прицелы автоматов и пулеметов.

– Отбой, – пронеслась команда.

Только лишь едва заметная красноватая дымка Выброса, потерявшая свою силу и принесенная на загравках мутантов, накатила на тела. Щелкнув разрядами, возле контролера, брызгая электрическими искрами, зародилась слабая электра. Подвинув слепого пса, словно зародыш аномалии, поселился небольшой трамплин, пульсируя и впитывая остатки красной аномальной энергии, едва пискнув костями, под действием мелкой и слабой воронки просел труп излома, не видимый в куче рядом лежащих тел. Еще и еще, незаметно для солдат, но наблюдаемые вдруг обернувшимися военными сталкерами, почувствовавшими ее дыхание, дыхание глубокой Зоны, докатившей сюда, не сумевшей одолеть заслон, погибшей здесь, но на последнем своем дыхании застолбившей хилыми, едва ли опасными аномалиями и этот участок земли.

– И здесь подселилась, – сказал один из военсталов. – Что-то с ней не так... В следующий раз дойти могут, если гравитационки поднимутся.

– Минировать надо подальше и пошире, – сказал другой, – тогда не дойдут.

– Минировать... Я туда не полезу. Пусть солдатня сама завалы разбирает, – сказал третий военстал, доставая зубами

сигарету из пачки. – Пропади оно пропадом.

Черное братство шло по следам крыс и тушканов. Лука решил, что стоит посмотреть, куда уходит такое количество носителей жизни, на что тратит Зона такой ценный ресурс, который всегда нужен его братьям. Лука многое узнал от тех, кого они приняли в свой мир. Он знал, что они находятся в Зоне, он знал, что Большая земля находится за охраняемым бетонным забором, с большим количеством людей и оружия. И то и другое должно быть у него, он чувствовал, что это соответствовало его цели. Он не мог это объяснить, но с каждым новым прибывшим чувствовал какое-то удовлетворение, как будто открыл для себя что-то новое и сделал то, для чего он на самом деле предназначен, но с некоторых пор появление одного-двух братьев стало не хватать ему. Поселившаяся в его груди жадность требовала все больше и больше последователей, все большего и большего количества братьев. Это было сродни жажде, которую испытывали в первый раз открывшие глаза в его новом мире. Жажду невозможно было погасить надолго. Он чувствовал каждого вошедшего в братство, чувствовал его жажду и голод, чувствовал вместе с ним и радовался насыщению, глядя, как чернеют деревья и жухнет трава, глядя, как истощаются и блекнут многочисленные носители жизни, передавая ее братьям. Он вспомнил, как его зовут, он вспомнил, как он ходил неизмеримое количество черных дней и ночей в подзе-

мелье, полном аномалий и едва светящихся очагов того, чего здесь было в избытке. Он пытался вспоминать, как он оказался в этих темных коридорах, но на это ему не давала времени жажда, постоянное желание почувствовать, как чужая воля становится его, как он проникает во все новые части пространства, расширяется, растет. Это на время делает его немного другим, нечто неуловимое, которое, казалось, вот-вот обретет форму в воспоминаниях, станет понятным и ясным, принесет удовлетворение, радость и успокоение... Но он никак не мог вспомнить. Люди всегда боялись его, пока наконец не переродятся, но, чтобы переродиться, они должны быть сильными и здоровыми, иначе они могут не выдержать и умереть, поэтому с некоторых пор они все носят аптечки. Аптечки не для себя, а для сталкеров, долговцев, военных, бандитов, наемников и свободовцев. Такое глупое и ненужное разделение. Они все для него одинаковы, они все станут братьями, и тогда, когда он обратит каждого в братство, которое будет для них религией, которое даст им цель и смысл, тогда и он вспомнит все, обретет покой и успокоение.

Ближе к вечеру длинная широкая полоса примятой травы, отпечатки мелких следов в грязи и тине редких луж, регулярно встречающиеся трупки тушканов или крыс безошибочно указали дорогу, ведущую к освещаемому электрическим светом забору разбираемого укрепления, у которого уже видны были пара тарахтящих бульдозеров, вышки и здание, в котором ходили вооруженные люди. Лука выбрал

обгоревшую одежду сталкера. Оставив несколько десятков братьев в тени, он сам пошел по усыпанному трупиками грызунов полю в сторону работающих бульдозеров, сталкивающих плиты забора и сдвигающих плиты укрепленного пункта. Инженерные войска разбирали погибших и теперь населенный аномалиями блокпост, чтобы построить еще более мощный и защищенный пост там, в нескольких километрах западнее. Сверкала сварка, разрезая металл, работала техника, сигналили краны. Лука уже видел и посчитал доступных ему людей, видел двух собак, которые стояли на поводке рядом с военными. Он чувствовал желание поговорить с этими людьми, узнать у них нечто новое, вдохнуть в себя часть их жизни, часть их мыслей, свобод и желаний. Подойдя на расстояние пятидесяти метров, он включил один из трофейных ПДА, поднял вверх руки и медленно пошел в сторону людей. Через десяток секунд его заметили по приборам, сканирующим прилежащее пространство.

– Стоять! – раздался крик. Несколько человек с автоматами метнулись к остаткам укрепления, прожекторы направились на идущее к ним существо. Собаки зашлись лаем.

– Не стреляйте! Не стреляйте! Помогите! Я сталкер, я обгорел, мне нужна перевязка, – крикнул Лука, держа руки с ПДА вверх.

Солдаты, разглядев в темноте страшное, кажущееся покрытым ржавой чешуей лицо человека, замерли в напряжении. Пальцы плясали на спусковых крючках, ожидая корот-

кой команды командира. Кобели хрипели и тянули кинологов в сторону пришельца. Командир медлил, колеблясь с решением.

– Кто такой?

– Сталкер я, вольный. В аномалию попал, попортило всего. Выручай, командир.

– Твою ж налево, – сплюнул военный. – Подойди. Медленно. Да уймите собак! – крикнул он.

Собак одернули, те, сдерживая возбуждение, заскулили, но прекратили лаять. Лука, опустив голову, как будто бы ослепленный светом прожекторов, подошел ближе, встав в десятке метров. Кто-то из солдат присвистнул.

– Разве после такого живут? – спросил один из солдат другого.

– Да кто их знает. Дикарей этих... Выходит, живут. Вон, смотри, одежда вся погорела, как только еще на ногах держится.

– Ребят, не стреляйте, – попросил Лука.

– Лабораторию! – крикнул командир.

– Вызвали, товарищ капитан, пять минут, – ответили ему.

– Стой, сталкер. Не дергайся. Повернись, – приказали ему.

Лука послушно повернулся спиной, через прорехи показав безобразное ржавое тело. По рядам изумленный и испуганный ропот.

– Нескладный какой-то...

– Ага. Руки длинные...

Играя красными и синими огнями, подъехал, огибая отмеченные аномалии, передвижной военный медицинский пункт. Дверь открылась, и из кабины вышел мужчина, на ходу надевая медицинский халат.

– Кто там? – спросил он и подошел к капитану.

– Да вот, – тот указал стволом автомата на пришедшего. – Сталкер, обгорел, говорит. Первый раз такое вижу.

– О-о-о, ведите его в будку. Он что на транквилизаторах?

– Да черт его знает, товарищ военврач, – ответил капитан.

– Давайте, уважаемый, пройдемте, – махнул рукой медик.

Лука кивнул и, опустив голову, пошел к врачу, затем за врачом в будку. Солдаты, обступившие его с нескольких сторон, изумленно шептались, не глядя в сторону Зоны, а зря. Оттуда из темноты, невидимые для приборов, бесшумно и быстро шли черные братья. Уже заходя в будку, Лука почувствовал, как падают один за другим, не сказав ни слова, солдаты, как вдруг сорвались покрывала жизни у рвущихся с поводка псов, как водители спецтехники, не успев понять, что происходит, откинулись в своих сиденьях или упали на рычаги. Сидящий напротив Луки медик вместе с симпатичной ассистенткой не могли знать этого, во все глаза глядели на него, надевая медицинские перчатки.

– Как вас зовут? – открыв журнал и приготовив ручку, спросил врач.

– Лука.

– Фамилия?

– Я точно не помню. Кажется, Псарас.

– Псарас, – повторил врач, записав фамилию.

– Кто вы и откуда, как давно в Зоне?

– Очень давно. Не знаю сам. Может, вы скажете, потом, когда сможете.

Девушка со страхом и жалостью глядела на Луку. Взгляд ее, казалось, нес то, что он искал уже некоторое время. Но он знал, что если заберет ее, то он больше никогда не увидит этого взгляда. Но он уже был ближе к тому, что ему нужно, он чувствовал нечто новое, новые горизонты его жизни и возможностей.

– Люда, – начал врач. Медсестра вопросительно перевела взгляд на начальника, ожидая распоряжения. Врач с изумлением качал головой, не зная, что сказать. – Это какое-то органическое поражение, Люда. Наденьте маску, – сказал он и сам надел воздушную маску светло-зеленого цвета с резинками за уши. – Я, честно, не знаю, чем могу помочь. Вы говорите, вы обгорели?

– Думаю, да. Не знаю, как это произошло.

– Что ж. Давайте возьмем у вас кровь на анализ. Затем... затем соскобы и потом поедem в госпиталь. Это неизвестный случай, очень похоже на инфекцию, но каким образом она... Ладно, времени, наверное, мало. Как вы себя чувствуете, Лука?

– Не очень плохо, – сказал он, помедлив, прислушиваясь к тому, как его братья взваливают упавших солдат и оружие

и уходят в Зону.

Медсестра подошла к зомби со шприцом в руке. Лука вытащил вперед руку, красно-коричневого цвета в приподнимающихся струпьях кожи. Людмила заметно побледнела, но стойко держалась, натягивая жгут, чтобы найти вену.

– Вены-то нет, – растерянно сказала она.

– Вот вена, – указал Лука, проведя желтым ногтем, обозначая линию.

Люда прицелилась и воткнула шприц, слегка шевеля кончиком, чтобы вернее нащупать канал. Нащупав, она потянула плунжер на себя, заполняя шприц отвратительной коричневой жижей.

– Что это? – побледнев еще больше, одними губами сказала она.

Врач, видимо, также был в растерянности.

– В госпиталь, срочно в госпиталь, – говорил он, ошеломленно глядя на коричневую жидкость, наполняющую шприц.

– Не надо в госпиталь, мне уже лучше, – сказал Лука. – Я пойду, – тоном, не терпящим возражения, сказал он.

Врач и медсестра со шприцом в руке молчали, растерянно глядя на человека, у которого, как они теперь видели, руки и ноги были длиннее, чем должно быть. Явное отклонение. Мутация человека или новое существо Зоны? Не сдержавшись, от страха, накатившего вместе с пониманием, держа в руке полный шприц, разрыдалась медсестра, не смея шевельнуться, открыл рот и побледнел врач. Зомби развернул-

ся и вышел из будки, закрыв за собой дверь. На разбираемом блокпосту уже никого не было. Ни солдат, ни операторов специальных машин. Только два мертвых пса лежали, уткнувшись мордами в пол, и бубнила, словно живая, на холостом ходу техника. Словно живая.

Глава 14. Снова Армейские склады

Лука был доволен. Без единого выстрела они забрали сорок человек с Большой земли. Скоро сорок чистых, свежих братьев пополнят их ряды. Ощущать их перерождение будет безграничным наслаждением. Лука уже мог планировать, он понимал, что нужно разделять, чтобы эффективнее управлять растущим братством и растить свою мощь. Теперь в братстве, можно считать, сто двадцать последователей, которые он разделил на три группы. Первая группа в количестве сорока братьев подчиняется Оводу Пустотелому. Вторая группа в том же количестве подчиняется Бичу, старшему среди наемников. Третья группа подчиняется Куполу, одному из первых бандитов, принятых им в братство. Купол имел талант устраивать засады и знал многие тропинки, где часто ходили сталкеры в поисках артефактов. Лука отчетливо понимал, ему нужна своя база. Хорошая и крепкая, полная оружия и запасных ходов, там, где можно поместить множество братьев. Речь шла, конечно же, о базе Долга, Ростке. Лука прошупал их посты ночью. Проверил, насколько защищены и крепки люди, охраняющие входы в Росток. Оказалось, что только единицы из них не досягаемы, но остальные, выкраденные с постов по одному, по двое, уже состояли в его братстве. Через пару дней он возьмет Росток, это так же верно, как то, что вместе с чернеющим от неумолимой жажды его

братства Рыжим лесом происходит расширение Зоны. Зона стремится сохранять занимаемую ею площадь, а поскольку братство как черная раковая опухоль растет в ней, пожирая ее территории, она будет вынуждена забирать их у Большой земли, раз за разом бросая Выбросы и гоня мутантов на чистые прикордонные территории, заселяя их своей энергией и волей. Братство будет гнать Зону наружу, идя вслед за ее Выбросами и мутантами, собирая и обращая в братство оставшихся людей, оставшихся после пушечным мясом выступивших мутантов. Черное братство будет использовать Зону, как еще никто не использовал. Он будет делать все, что посчитает нужным, чтобы увеличить свою силу, безмерно и безгранично. Это будет скоро. Это уже почти наступило.

Трофим находился в подземелье, на объявленной мертвецами своей базой территории подземной лаборатории номер шесть, на том самом этаже с саркофагами, где один не вскрытый саркофаг хранил бурую массу разросшейся и видоизменной материи. В тусклом освещении запыленные стекла пустых саркофагов едва бликовали, в отличие от тщательно протертой поверхности саркофага, на который смотрел Трофим. Это все принадлежало местным обитателям, которых трудно было отнести как к живым, так и к мертвым, поскольку пульс у них был, при их желании, кровь, какая-никакая, также была. Рассудок и воля проявлялись со временем.

Юрок назвал их самих Воскресшими, а не мертвецами. На

стенах ученый вдруг заметил появившиеся редкие рисунки человеческого черепа с исходящими из него крыльями. Рисунки делались и черным по белому и белым по черному, мелом или углем. Череп и крылья были нарисованы достаточно схематично и рублено. Что-то в пропорциях этих двух элементов в общих чертах делало рисунок похожим на сову, где череп с пустыми глазницами отдаленно напоминал тело и глаза совы, треугольный проем носа напоминал клюв птицы, а оскал заостренных зубов оперение нижней части жабо совы. Очевидно, художник из местных, был мастером своего дела при жизни, поскольку даже не искушенный взгляд некробиолога видел точность и выверенность линий, обрывающихся там, где надо, и гармонично сходясь, без нагромождений и излишеств. Трофим понял, что зомби все большим и большим числом переходят в третью категорию, осознанного существования. В этом был совершенно новый для него как для некробиолога дух открытия. Совершенно новое и непостижимое будущее, которое творилось не только в его присутствии, но и в какой-то мере и при его участии. Создавалось нечто, что уже вышло за рамки эксперимента, нечто, что уже нашло само себе направление и смысл, по крайней мере на ближайшее время, нечто, что дает даже смысл таким, как он, подхватившим, носящим и выращивающим в себе этот вирус. Сколько на самом деле таких сталкеров, он не мог предположить, возможно, не двадцать – двадцать пять процентов, как они с его коллегами на Янтаре думали рань-

ше, а пятьдесят или больше. Возможно, вирус не цепляется к некоторым носителям, возможно, есть зараженные им люди на Большой земле. Может быть, он уже незаметно перешел Периметр, и теперь умершие там, на Большой земле, и захороненные на глубине двух метров бьются головами в деревянные ящики. Кто знает? От всего этого уже кругом шла голова, а если учесть, что в Зоне есть еще одна форма вируса, которая проявляется не после смерти носителя, а паразитирует именно на живых людях, что эта форма крайне агрессивна и способна дистанционно воздействовать на межклеточном уровне на все формы жизни, то есть все шансы просто войти в ступор и ждать, когда жернова эволюции повернутся так, чтобы указать, в каком направлении нужно будет теперь идти им, людям разумным. Разве что это может оказаться настолько поздно, что человек будет сметен с лица земли как самостоятельный вид, вместе со всеми остальными формами жизни, а вирус, неизвестно, какой по счету раз победив другие формы жизни, уйдет в спячку либо заставит направить свои колонии на другие планеты. Они ведь, эти пятнистые зомби, не теряют разум абсолютно. У них ведь остаются профессиональные навыки и память?

Примерно с такими мыслями ученый стоял у стеклянного саркофага, закаченного когда-то физиологической жидкостью, герметично замкнутого с содержанием. Как вскрыть этот саркофаг, Трофим мог только догадываться. Разбить толстое стекло крышки или сделать что-то подобное еще с

этим оборудованием было бы невероятной ошибкой. Перерезать подсоединенные шланги бесполезно, поскольку внутри они были сухие. Сами запорные клапаны находились в теле саркофага. Открыть клапаны механическим проколом было рискованно, поскольку давление за стеклом могло оказаться больше, чем несколько атмосфер, и тогда открытие мембраны может вызвать ее разрушение и разлив этого неизвестного содержимого по большой территории комнаты, что для вируса будет практически то же самое, что распыскать его по всему комплексу. Кроме того, все клапаны были снизу, в наклоненном днище, и общий объем этого стеклянного гроба мог быть около трехсот литров, что в любом случае создавало свое давление на пока еще удерживающие его перегородки.

Трофим стоял и напряженно думал. Если вдруг запитать оборудование, то стоящие рядом шкафы управления наверняка покажут и давление, и температуру, и пульс, которого уже давно нет, и кучу других параметров последнего обитателя саркофага, возможно, можно будет дозировать взять пробу. Но с пробой возиться куча времени, кроме того, это может быть вообще не то, что сейчас ходит по поверхности Зоны, ворует, отбивает и инфицирует людей. «Надо возвращаться, – решил Трофим. – Больше информации из этого места уже не выжать. Нужно работать с плененными объектами, и чем скорее, тем лучше». Ученый развернулся и решительно двинулся к шахте лифта, в которой воскресшие,

работая предоставленным газовым резаком, что-то с шипением резали. Расплавленные капли металла капали вниз и, разбиваясь искрами о дно шахты, угасали, пуская дым прижатой ими ветоши. Ученый что-то крикнул вверх, шипенье сварки смолкло, и он, перебирая руками и ногами, все так же сосредоточенно размышляя, полез наверх. Теперь его путь был через Юрка, на выход и оттуда с проводником на Армейские склады.

Зона встретила Трофима рвущимся в смятении небом, темно-синие и сизые тучи которого рвались ветром, сливались в ком только для того, чтобы вновь, словно по прихоти бесноватого скульптора, ищущего и не находящего, вновь разорваться на мелкие части. Ветер так же шумел в деревьях и качал траву, безжалостно заставляя ее кланяться всем четырем сторонам света. Пятнадцать тридцать, отметил, глядя на ПДА, ученый, видя множество зеленых маячков Свободы на экране.

– Якорь ушел, Док, – сказал ему молодой боец на охране выхода из подземелья, чей вид говорил о крайней степени собранности и сосредоточенности на посту.

– Мне на Армейские надо, кто проведет? – коротко и немногословно спросил Трофим.

– Щас сделаем, – он отбил сообщение на ПДА и устался в лесок, у которого локально, словно новая, неизвестная аномалия, ветер тормозил несколько невысоких елей. – Зона беснуется что-то, – обеспокоенно сказал он. – Нехорошо.

Через пару минут подошел сталкер, со знакомым ученому лицом.

– Готов, что ли? – спросил он, глядя на тощий рюкзак попутчика.

– Готов, – вскочил, присевший было на деревянную коробку Трофим.

– Я Чародей, если что. К вечеру будем, поскакали.

Не говоря более ни слова, Трофим пристроился вслед проводнику и, всей душой ощущая смятение и беспокойство, носимое ветром по поверхности Зоны, двинулся в путь.

– У нас уже почти половины пацанов не хватает, – Лапа хотел сплунуть, но вовремя осекся.

Ему как пахану среди бандитов, соблюдающему нейтралитет со Свободой, сейчас находящемуся напротив Гипса в его кабинете, было неудобно. Но Зона жестко гнула свою линию. Сейчас бандиты, не самая многочисленная группировка, были в отчаянном положении. Гнусы, как прозвали новых зомби бандиты, стали навеваться на их стоянки. Большого ужаса и наказания для них не было, потому что к ним приходили их собственные, но уже отмеченные пятнами пацаны. Сначала они, как правило, что-то говорили, а потом забирали тех, кто был без «кристалла». Имеющий же артефактную защиту уходил, не отстреливаясь, на своих двоих, глядя, как падают его кореша, и темные силуэты в одежде, а иногда просто в ее обрывках, взваливают бесчувственные те-

ла на плечи и собирают оружие. Счастливец уходил так быстро, насколько быстро позволяла ему Зона и знание чистых троп. Теперь им уже было не до охоты на сталкеров. Теперь в перешептывании у костров они все чаще и чаще приходили к мысли, что надо рвать когти из этой Зоны, на Большую Землю. И пусть там, на Большой Земле, их ждут нары и ищут менты, это по-любому лучше, чем дожидаться, когда же гнус придет и за ними. Нужно было только узнать, что вообще по-большому происходит в Зоне, у тех, кто ближе к интересующим их событиям. Ближе всех оказалась Свобода. После того как она отстояла свою базу, бандиты заимели надежду на то, что, может быть, все обойдется, а потому Лапа, медвежатник и вор, сам пришел побазарить с Гипсом за гнус и за все это паскудное дело с неладями в Зоне, взять что Выбросы, что вдруг жестко сократившийся ход сталкеров по клеткам.

Гипс не любил бандитов как деструктивный элемент, который никогда не выведется из Зоны, пока там вообще есть сталкеры. Плохой мир, как известно, лучше хорошей войны, и потому лидер Свободы принял Гипса, накрыв поляну в виде водки и закуски. Лапа, тонко чувствуя обстановку, не стал принимать белую, запросив для порядка чифирка. Он знал, что Свобода в последнее время пополняется сталкерами, которые, видя быт и направление группировки, все охотнее и охотнее вливались в нее, а потому Лапа справедливо опасался, что, когда бывших вольных сталкеров станет в Свободе

уж слишком много, они могут вдруг вспомнить все старые обиды и отлить злую пулю бандитам. И тогда тем станет совсем тяжело, поскольку одиночки – это просто овцы, иногда, конечно, и волки в овечьей шкуре, а Свобода, если возьмется извести бандитов, запросто потреплет их как щенков, сломав весь костяк и какой-никакой авторитет в Зоне, что было бы самым крайним исходом. По этой причине Лапа ловил атмосферу и сейчас старался не выражаться, поскольку Гипс еще ни разу не обронил матерного слова в сторону зомби и их нападения. Основной целью бандита было заручиться поддержкой Свободы, если вдруг гнус будет обнаружен на подходе к кочующим стоянкам бандитов, и в этом случае Лапа бы хотел обрушиться на гнус в основном «пацанами из Свободы» и показать ублюдкам, что бандиты вообще не те, к кому надо попадать в поле зрения. Гипс прекрасно считал ситуацию, доверия бандитам у него не было, но слово авторитета, что и его пацаны обязательно помогут Свободе, когда дойдет до дела, имело вес. Бандиты, прознавшие про защитные свойства «кристалла», вывернули все нычки у всех сталкеров, которых они предпочитали не убивать, если те не быковали больше положенного, а, получив хабар и наводку, отпускать их на все четыре стороны с оружием и провиантом, внимательно следя через мушку прицелов за всеми неровностями в их поведении.

– Я тебе говорю, Гипс, мы с пацанами впряжемся, если ваши неподалеку с гнусом зарамсуют. У нас ребята сейчас

поумнее стали, если близко подойти не сможем, то будем их с пультки на подходе метить. Только и ты, если что, наших пацанов поддержи, лады? – низким сиплым голосом с нажимом говорил Лапа.

– Лады, Лапа. Дай мне вашего связного, мы отдельный канал сделаем, для аварийной связи. Своим скажу, чтобы помогли, если по этому каналу помощи попросят, – подтвердил Гипс.

– А-а, – осклабился бандит, достигнув соглашения.

Ему как человеку, давно решающему вопросы в другом порядке, с кем угодно, хоть с представителями власти, хоть с другими ворами, сейчас, находясь в роли просящего крыши в случае необходимости, было унижительно получить отказ от Гипса, бывшего вольного сталкера. Такой поворот сулил бы им скорый перебег на Большую Землю, где линия ограждения только кажется дырявой. На самом деле прозрачной абсолютно она не была. Камеры и службы с достаточно высокой степенью вероятности идентифицировали переходящего границу, и только для того, чтобы не нарушать выгодный промысел артефактов, на это все до определенной степени закрывали глаза. Другими словами, если бандиты побегут из Зоны насовсем, а не на отдых и обратно, то там, на Большой Земле, им быстро скрутят рученьки и отправят в другую зону.

– Ну ты сам-то как? – решив перейти чуть ближе к личному, спросил бандит, показывая на свой глаз, имея в виду

потерянный глаз Гипса.

– Привыкаю, – ответил он. – Хорошего мало.

– Да, не говори, братан, – негромко согласился Лапа, потягивая чифир. Напиток уже остыл, да и приготовлен был не на уровне, но отдать должное гостеприимству в этом не уютном для вора месте было необходимо. Поэтому нарочито не спеша допив чифир, Лапа поставил чашку на стол и накрыл ее ладонью. – Ну, благодарствую, Гипс, за поляну. Гнуса я посмотрел, хорошо, что спекся уже... Пацаны меня заждались, пора.

– Удачи, Лапа, – не протягивая руки, ответил Гипс.

Вор встал и не спеша вышел. Его длинный плащ, местного пошива, тяжелый и крепкий, таящий в себе множество карманов и тайничков, качался в такт его шагам, пока он хозяйски шел по коридорам здания. Его пацаны, в количестве трех человек, сидящие на скамейке, встрепенулись, как только он появился в дверном проеме. В этом месте, где черные деревья уже были спилены, а из земли проклюнулись тонкие нежные иголки недавно рассаженной травы, они чувствовали на себе взгляды сталкеров, проходящих мимо, стоящих поодаль и курящих, как будто вовсе не интересующихся ими, но всем своим звериным чутьем понимая, что тут они далеко не друзья. Поэтому появление Лапы было для них облегчением в любом случае.

– Добазарился, – коротко сказал он, сплюнув наконец на землю. – Хотун, тормознешься у центрального, там по свя-

зи потри, что да как. Чтобы они нам, если что, могли маляву катнуть, и мы им. – Гордо осмотревшись, Лапа, не встречаясь глазами со стоящими недалеко сталкерами, запахнул плащ и пошел на выход. За ним, придерживая автоматы в походном положении, пошли остальные.

Сталкеры молча провожали их взглядами. Яйца, конечно, у авторитета были железные. Сидевший у костра сталкер в комбинезоне Заря встал, обнажив лицо, и неотрывно глядел вору в лицо, пока тот проходил мимо. Лапа вскользь глянул на него, но ни единый мускул, ни единое движение глаз не выдало того, что он узнал Хунту – неофициального лидера вольных сталкеров, который пришел намного раньше бандита и, действительно дружески поговорив с Гипсом, пошел пообщаться со своими знакомыми и друзьями по территории.

– Мразота, – процедил он сквозь зубы. – Пристрелил бы шакала, – на его лице читалась угрюмая ненависть.

Он, как никто другой, знал жизнь вольных сталкеров и знал, насколько тяжело вольному в одиночку добывать свой хлеб, а с учетом того, что на тропах встречаются охотники за сталкерским хабаром, нередко ходки превращались в испытания, где после всех опасностей Зоны сталкеру еще приходилось вырывать свой хабар из цепких пальцев бандитов.

– Согласен, – сказал другой сталкер в бронекостюме Булат. – Может, пристрелим гада? А?

– Нельзя... Тут нельзя, – глядя в спину уходящему бандиту, сказал он. – Пойду у Гипса узнаю, чего он приходил.

– Давай, брат, сходи. Интересно, сам пришел, никак поджилки трясутся, узнавал, что да как с этими пятнистыми делать.

Хунта, оставив рюкзак на напарника, легким шагом двинулся в сторону здания, где находился Гипс. Стрелой взлетев к нему, он махнул охранникам и, коротко постучав в дверь кабинета, вошел. Гипс стоял, облокотившись на стену, на которой теперь висела самодельная, но подробная карта Зоны, с обведенными там маркерами кругами, и курил, задумчиво глядя сквозь синий сигаретный дым.

– А... Хунта, – невесело усмехнулся Гипс, – знаю я, зачем ты пришел. Хочет Лапа, чтобы мы помогли ему, если пятнистые на пересечении его интересов будут.

– Да на хер бы он не пошел? – твердо и уверенно спросил Хунта.

– Нет, не пошел, – отрицательно покачал головой Гипс.

– Нет... – растерялся вольный сталкер, во все глаза глядя на свободовца. – Ты что будешь помогать этой твари?

Гипс вздохнул, выпустив облако дыма и потушив, положил сигарету на край пепельницы.

– Подойди, давай посмотрим, – пригласил он вольного к карте. – Вот здесь, вот здесь, вот тут, тут, тут, тут и еще не известно, где, пропали люди. Пропали наши люди, и были замечены следы этого, как они себя называют, Братства. А вот тут Калмык обошел, вот отсюда и до сюда, – Гипс тыкал пальцем по карте, указывая места и точки, понятные им обоим.

им, – растет черное пятно. Мертвое черное пятно, там, где нет ничего, кроме... ну ты сам знаешь. Эти твари, это, так его через одно место, Братство, жрет Зону, понимаешь? Зона изнутри уменьшается, ей это не нравится, поэтому происходят Выбросы и трещит по швам периметр. Сейчас этих братьев человек... не знаю... может восемьдесят, может больше. У тебя, ты говоришь, сколько сталкеров с ходок не вернулось? Человек тридцать?

– Да... Может быть тридцать, – сбавив пыл, подтвердил Хунта.

– У Лапы, его, как их там... пацанов, человек двадцать, может, у нас... у Долга... Ты подумай, брат, если этих пятнистых штук двести соберется, сколько нас, живых людей, в Зоне останется? Кто живой будет?

Хунта молчал, прекрасно понимая, к чему ведет Гипс. Его всплеск эмоций был не более чем эмоциями при виде уж слишком спокойно проходящего мимо него и якобы не замечившего его бандита. Гипс сел на свое место, знаком показывая присесть и вольному.

– Чаю будешь? – спросил Гипс, поднимая почти истлевшую сигарету из пепельницы.

– Да не, – отмахнулся вольный и схватился за голову. – Никогда бы не подумал, что с этими уродами в одну сторону стрелять буду.

– Будешь, будешь, Хунта. Поодиночке это братство нас, живых людей, сожрет, как саранча, быстро и болезненно. Ап-

петиты у них точно такие же, смотри, сколько от Рыжего леса уже оттяпали. Они уже в течение недели соберутся с новыми силами и снова ударят по нам. Я, кого смог, за периметр выслал, – Хунта вопросительно посмотрел на лидера Свободы. – А что? Толку-то от них немного. «Кристаллов» на всех не хватает, и то почти все отказались на Большую уходить. Вон Хутор, садовник-то наш, без теплицы своей и жизни представить не может. Ляжет грудью и помрет на грядке как пить дать. Коваль... Ну без Ковалья ни одна война не пойдет, он и сам прекрасно знает. Калмык, так тот боец, хоть и говорит, что зверолов всего лишь. Я ему и не предлагал особо. Пацанов только наших талантливых спровадил, Худого и Рваного, и то пока дуракам объяснил, что и там они могут из артефактов свои игрушки лепить, они не соглашались. Про Дока, ученого того, что и говорить... Рад бы его сохранить, да только на весах слишком много, он один может эту войну выиграть. Это я так фундаментально говорю. Если бы он «кристалл» не вычислил, где бы мы уже были? Сидели в пятнах лишайных, как эти... тьфу, – не выдержал Гипс.

– Понял, я понял... Выбор у нас не особый, – негромко сказал вольный.

– Вот ты-то только что понял, а бандит этот, Лапа, чуть раньше, поэтому и пришел. Он же тут между строк спрашивал: валить им за периметр или нет? Им-то что, свалит и ладно, а мы с тобой оставим это все... – свободовец развел руками, показывая окружающее пространство. – Да и потом,

такими темпами Зона все равно за нами придет, к нам в дом. Только этих самых тварей, этих зомби пятнистых, будут уже тысячи, и на одно наше сталкерское рыло их по сотне или больше будет, а мы все поодиночке, без защиты и без оружия. А сейчас, пока мы все в Зоне, мы в большинстве. На одного пятнистого по двое-трое живых с артефактом приходится. Другое дело – то, что сидим мы все по своим огородам и ждем, когда они нас поодиночке сцапают, вот что плохо. Так что даже пацаны этого вора, бандиты, которых, ты сам знаешь, я тоже не люблю, сейчас на нашей стороне. В нашу пользу.

– Хреновая от них польза, – мрачно буркнул Хунта.

– Да. Но какая есть. Если что, подскажут, предупредят. Лишние глаза и уши никому еще не мешали. Согласен?

– Согласен, – махнул рукой вольный и вздохнул.

Трофим с проводником добрались до Армейских складов вечером. Всю дорогу сопровождаемые рвущимся во все стороны безумным ветром, иногда наотмашь бросающим из ниоткуда капли дождя. Впервые за все время прохождения с проводником на них напали слепые псы. Но «напали» – это было сказано чуть более сильно, чем надо. Здоровые безглазые мутанты сопровождали их несколько километров, отсвечивая на ДЖФ желтыми сигналами. Чародей был достаточно спокоен и внимательно следил за их передвижениями, часто меняя маршрут, обходя видимые ему места, где мутанты

могли устроить им засаду. Трофим, с трудом выходя из плена раздумий, не спрашивал проводника о подобном сопровождении их слепыми псами. Очевидно, мутанты побаивались идущих и сомневались, напасть ли напрямую на сталкеров, а места, где они это могли сделать быстро или застать идущих врасплох, проводник знал и обходил загодя. Таким образом неприятное соседство не вылилось в откровенную охоту и драку, чему ученый был несказанно рад. Уже на Армейских складах информацию о его приближении получил Гипс и лично вышел встречать Трофима. Сменив повязку, закрывающую потерянный правый глаз, на вырезанную из кожи кровососа черную нащепку на тесемках, он был похож на пирата. Такая пиратская повязка даже немного шла сталкеру.

– Ну, пошли, Док, посмотришь этих зомби, потом поговорим о другом. Они, правда, издохли, но мы без тебя их не трогаем.

Повернув сразу же ученого к клеткам, располагавшимся внизу, рядом с железнодорожными путями, выходящими из тоннеля, он приказал включить все освещение на клетки, что и было сделано. В разных позициях в клетях сидели и торчали, высунув худые, костлявые и изможденные руки и ноги, обтянутые кожей черные мумии. По некоторым из них уже ползла зеленая плесень. Как бы ни была сильна и агрессивна колония при жизни, теперь она явно была не активна. Внимательно оглядев каждого из семи трупов, тем не менее не

открывая клеток, ученый кивнул.

– Понял все. Теперь только через микроскоп. Но, думаю, что они мертвы. Похоже, истощение. Сколько они прожили?

– Двое суток примерно, потом сильно худеть начали, а потом затихли, – ответил Гипс.

– Последний среди них был? Самый живой или кто-нибудь, кто выделялся чем-то? – спросил ученый, внимательно разглядывая позы, в которых упокоились существа. Никто из них не отличался от других внешне.

– Не знаю. Крокодил на посту стоял, может, он что видел. Крокодила позови! – крикнул Гипс, подняв голову в сторону моста, возвышавшегося недалеко над ним, на котором, облокотившись на самодельные перила, заглядывали вниз сталкеры.

Через пару минут с остатками хлеба в усах прибежал боец.

– Кто-нибудь из них последний был? Кто последний умер? – спросил Трофим у прибывшего.

– Дык, это, они все потихоньку того, копошились, копошились вроде. Шарили руками своими по полу там, в стороны, потом все притихли. Я их не трогал, не положено, но вроде как они сильно друг от друга по времени не задерживались, – вспоминая и шевеля усами, ответил боец.

– Ясно, – Трофим устало зажмурился и потряс головой.

– Ну хорошо, – сказал Гипс, – пойдём, Док, покушаем, поговорим, а потом и этими займешься. Я там слышал от Якоря, мертвецы нам дружбу предложили, расскажешь. То-

варищ, кабанятины приготовил с зеленью, Хутор урожаем собрал, сейчас салатов попробуешь, есть у нас один особый, гусарский, с перцем. Эх! Жаль, нельзя его второй раз как в первый попробовать! – хлопнул ладонью по плечу ученого Гипс.

Скоро они вдвоем сидели за отдельным столиком, на четыре человека, в отдельном построенном в баре закутке, освещенном отдельной лампочкой с абажуром. Трофим с удовольствием поглощал тонко нарезанные, сочные куски мяса, прямо со сковороды на подставке, наполовину тушенные, наполовину прожаренные на медленном огне, с сохранением сока и вкуса. Рядом налитое в кружку стояло привозное пиво, хлеб и в глубокой тарелке мелко крошенный машинкой салат, компоненты которого не определялись с виду. Гипс внимательно следил, как ученый ел, наблюдая его реакцию, мычание и кивание головой, а при первой вилке салата, засунутого в рот, расширенными глазами, усиленным мычанием и потряхиванием головы убедился, что Док проникся старанием Товарища в полной мере. Когда Трофим прошел почти всю дистанцию, сбавил темп и начал запивать это все пивом, Гипс сходил за бутылочкой для себя.

– Ну, теперь рассказывай. Что и как.

Трофим прожевал, тщательно вытер рот салфеткой, которую достал из лежащего рядом на стуле комбинезона, выпустил верхний пузырик и начал свой рассказ. Он кратко рассказал, кто и что такое вышло на поверхность, показал фо-

тографию, которую Гипс не замедлил сфотографировать на ПДА, написал отдельно на салфетке имя Псарас Лука Агапитович, затем рассказал о том, почему никаких документов не нашлось, также записал на салфетке имя Никаноров Матвей Николаевич и, конечно, указал о новой силе, появившейся под ногами свободовцев, занявших Пепелище, которые называли себя Воскресшие. Гипс внимательно слушал, иногда аккуратно уточняя детали. От его внимания не ушло, казалось, ничего, в этой внешности боевика с пиратской повязкой таился дюжий ум следопыта и детектива. Остатки мяса на сковороде уже давно остыли, от диковинного хрустящего салата, чей вкус действительно был неповторим, остались только приставшие к стенкам тарелки лоскутки, а Трофим и Гипс все еще разговаривали. Холодное мясо теперь удачно шло к пиву. К ним подсаживались приближенные Гипса, слушали, что-то спрашивали у него по другим делам, подходили другие сталкеры, стараясь не «светиться», прислушивались, до тех пор, пока Гипс не обращал на них внимания. После чего некоторые уходили, а некоторые отходили подальше, все еще оставаясь «на связи».

– Так значит, у нас такой вот коленкор получается, – задумчиво отпивая уже третью кружку, сказал Гипс. – Надо всех проверить. Чувствую я, мне тоже туда дорога прописана будет, – он усмехнулся и откинулся на стуле. – А знаешь, это даже хорошо, это даже... легче как-то. Юрок, Юрок... Встретимся, – он не договорил. Благодушное настроение и

пиво расслабили его ненадолго, но реальность сегодняшнего и завтрашнего, буквально завтрашнего дня, который наступит через полчаса, не давала основания для расслабления. – Ладно, Док. Завтра что у тебя по плану? – спросил он, вновь став прежним собранным Гипсом.

– Завтра беру образцы с органов. Вскрываю черепные, но одно слабое место мы у них уже увидели. Они не могут переносить голод. Двое суток хватило, чтобы они сильно ослабли. Искусственно выведенная колония вируса не успела эволюционировать в сторону рационального энергопотребления, скорее всего, на синхронизацию с объектом и моментальный трансфер энергии из живых существ тратится почти столько же энергии, сколько и получают в результате этого. Таким образом, накопления энергии на качественный эволюционный скачок не происходит, для этого нужно будет либо десятки лет, либо огромные, просто невероятные постоянно питающие вирус частоты, совпадающие с частотой, на которой он производит трансфер. Таких приборов нет, это просто теория, мы не можем воссоздать или засечь эти частоты, чтобы повлиять на перенос энергии. Это уже проходили, нечто подобное делал Тесла с лампочками больше века назад, но слишком высокие потери энергии. Здесь же природные зашифрованные в строении вируса механизмы ушли на порядки вперед по эффективности. Очевидно, артефакт «кристалл» имеет нужную частоту, и я бы посоветовал усиливать частоту этого артефакта. Но тут нужен очень сильный

специалист по профилю, – Трофим задумался. – Ваши... наши ребята Худой и Рваный, которые по артефактам, они смогут, как думаешь?

– Я их отправил отдохнуть, пока тут все не разрешится, – ответил Гипс, подперев подбородок ладонью. – Но мысль я понял, не забуду. Давай дальше, Док, не отвлекайся, я слежу...

– Если у обычных зомби, – продолжил Трофим, – в качестве подпиточного буфера используется более развитый носитель, второй или третьей категории, так это еще и происходит неделями, кроме того, это мы и по приборам выделили как самую энергозатратную часть жизненного цикла колонии. Очевидно, инъекция, которая должна была убить Псараса как носителя, должна была ускорить жизнедеятельность клеток и умертвить колонию таким вот образом, заставив ее истощиться. Но этого почему-то не произошло.

– Почему? – спросил Гипс, внимательно следя за ходом мысли Трофима.

– Не знаю. Тут может быть множество факторов. Какое-то генетическое исключение, недоработанная инъекция, а может быть, все сработало как надо, только носитель постоянно находил себе минимальное количество энергии. Были же другие зомби на одном с ним этаже, от них не осталось целого скелета, он ел их и физически. Территория подземелья большая, возможно, плодившиеся там микроорганизмы обеспечивали минимальный уровень для того, чтобы он не

погиб. Не знаю, – Трофим допил третью кружку пива. – Завтра буду смотреть, что получится. Надеюсь, хоть что-то вылезет, но на это надо очень много времени.

– Времени у нас мало, – серьезно сказал сталкер. – Но ты прав, завтра, – он посмотрел на часы. – Сегодня уже надо будет начинать работу. Поэтому давай на боковую, а с утра начнешь. Помощников возьми сколько надо, на тебя, Док, теперь вся Свобода смотрит.

Глава 15. Коса и камень

Лука дожидался, когда принесенные сорок солдатиков, выкраденные с разбираемого блокпоста, закончат процесс обращения. У всех он происходил по-разному. Кто-то просто засыпал в том положении, в котором его оставили, кто-то метался и вскакивал, вырываясь из плена бреда, пытаясь понять, что с ним происходит, кто-то сознательно просыпался несколько раз и старался уйти, пугался, умолял, спрашивал, постепенно растворяясь и соединяясь своим разумом и волей с Братством. Лука иногда спрашивал сам себя, почему они все готовы были следовать и подчиняться ему? Ответ был не очевиден, но он объяснил себе это тем, что он был единственным, кто знал, что делать и как это делать. У него когда-то было слишком много времени, когда он ходил, наверное, в таком же, как и они, состоянии, не управляемый никем и ничем, а теперь он начал вспоминать и учиться новому. Теперь он сам определял, что и когда ему делать. Если первым братьям, которые появились у него, не нужны были приказы, они просто шли за ним и понимали, что нужно было делать, то теперь, когда он разбил Братство на три отряда, он не мог возглавлять каждый из них, поэтому приказы приходилось отдавать голосом. Часть из примкнувших к Братству была из Долга, в их ПДА было много информации, Лука, научившись пользоваться прибором, читал и изучал в

основном карты. Информация о тайниках, о людях, о взаимоотношениях, вроде того, кто кому должен, у кого когда и какое дежурство, не интересовали его, поскольку это было все тщетно и бессмысленно. В его Братстве этих вопросов просто не будет, как не может быть в едином, здоровом организме несколько самостоятельных личностей.

И вот, наконец, спустя долгие трое суток зомби в полном составе вышли из покинутого ими Рыжего леса, в котором уже сотни гектаров было убито этими существами. Лука решил, что нет смысла пытаться уничтожить или захватить всех, кто есть на Ростке. Вполне достаточно будет, чтобы они покинули это место. То время, когда он пытался взять каждого добровольно, живым и невредимым, прошло. Они все отказывались, согласившихся за все время так и не нашлось. Теперь он понял, что он с большой степенью вероятности может пойти вслед за гоном мутантов во время Выброса, не рискуя практически ничем, потому что носителей жизни будет больше, чем надо, а солдаты будут слишком заняты, чтобы отстреливать именно их. Большая Земля всегда предоставит ему столько, сколько нужно послушников, это так же верно, как и то, что Большая Земля существует. Лука чувствовал, как время, когда он сможет шагнуть туда, за бетонные стены ограждения, стремительно приближалось. Отныне он будет брать все, что захочет, не считаясь с потраченным, он выполнит то, для чего, он чувствовал, он предназначен. Он заполнит собой все окружающее пространство,

все будут братьями, все будут едины, все будут с ним так или иначе. Не скрываясь, зомби шли днем на Росток, через Дикую территорию к северному посту.

Росток. Заброшенный кусок цивилизации, сотни метров цехов, тянущихся над землей, поддерживаемых опорами труб, десятки мелких строений, подсобок, подвалов, сгруженных в кучу строительных плит и железных конструкций, напоминал больше огромный, невероятных размеров скелет, в котором все связано со всем. Сталкеры научились жить не только в пустых помещениях, но и соединили соседние крыши мостками и лестницами, пробили проходы в стенах и крышах, превратив все разрозненные конструкции в один населенный людьми организм. Это не пугало Псараса, если Долг убежит, тем лучше для него, если нет, что ж, у него есть на это своя тактика. Кто не падает от их невидимых рук, падет от стали и свинца, если понадобится, братья заберут красное покрывало жизни с каждого, чтобы сохранить свои и продвинуться вперед, медленно, но верно. Лука на этот раз надел самый обычный сталкерский комбинезон. Он не должен был выделяться среди своих братьев. Рядом с ним останутся несколько послушников, но он будет следить за ходом события с расстояния.

Вот они, развалины завода, вот кострища и недавно отстрелянные гильзы. Вот труп кабана, в которого отстрелялись сталкеры. А вот и металлический забор, в котором прорезана дыра и в который можно войти самое больше по

двое. Неудобно, но это можно обратить в плюс, его братьям не надо видеть противника, они могут чувствовать его на расстоянии, сорвать либо сместить одеяло жизни, оставаясь невидимыми для человека. Первый отряд под предводительством Купола встал за забором. Они щупали пространство, ощущая несколько десятков человек, залегших за укрытиями из мешков с песком, разместившихся на крышах и в бетонных кольцах с амбразурами, кто-то был недосыгаем для воздействия, а кто-то находился слишком далеко. Их ждали. Лука этого ожидал. Зомби дотянулись лишь до нескольких человек, упавших и потерявших сознание без слова, выронив оружие. Долговцы, поняв, что находятся в зоне воздействия, отступили на заранее подготовленные позиции, держа проем на прицеле. Купол оглянулся на Луку, ожидая подтверждения. Лука кивнул.

Бойцы, сидящие за укрытиями, напряженно вслушиваясь в затихший вдруг топот многочисленных ног по асфальту за железным листовым забором, услышали отдельный тяжелый топот железных подошв. Экзоскелеты. Боец, вооруженный РПГ, привстал из-за укрытия и направил оружие на проем. К топоту добавился еще один бегущий экзоскелет. Бойцы переглянулись. На крыше стоял на одном колене и целился в проход еще один боец с РПГ, выстрела которого хватит, чтобы безвозвратно уничтожить дорогую игрушку. Секунда, две... Со страшным визгом раздираемого металла в проеме показалась дверь от автомобиля, которой прикрывался пер-

вый зомби. Раздался выстрел первого бойца, боеприпас пробил дверь и прожег струей насквозь экзоскелет, полыхнув пламенем намного позади зомби. Тут же, в дыме первого выстрела, через проем ограждения пробился второй экзоскелет, держа на прикрытие дверь. Выстрел еще одного РПП прошел сквозь дверь и прожег зомби плечо, оставив дыру в тридцать сантиметров, но за вторым вломился еще один экзоскелет, и сразу после него посыпали бегом с оружием на изготовку их бывшие товарищи, бывшие сталкеры, бандиты, свободовцы, солдаты периметра. Пост Долга вжал гашетки. Полетели гранаты, взрываясь в толпе, заработал огнемёт, окутывая всех жаром и пламенем, застрекотал дробно крупным калибром пулемет, миниганы, автоматы. Зомби падали, ползли и стреляли в обороняющихся. Через раскуроченную дыру в заборе шли новые и новые зомби, стреляя и падая, меня направление. Упавшие ранее без сознания долговцы на глазах у людей чернели и ссыхались, а упавшие и горящие мертвецы вставали и шли, стреляя из оружия, падая вновь, но, стреляя, они заставляли бойцов Долга и помогающих им сталкеров уходить с линии огня, скрываться за укрытиями, в то время как сами мертвецы не пытались прятаться. Их задача была смять хотя бы на половину первую линию обороны.

Взорвались и объяли пламенем окоп баллоны огнемётчика, которого накрыла взорвавшаяся над ним лимонка. Затих сначала один, а потом другой экзоскелет с пулеметом, ползущие мертвецы успели дотянуться до не защищенных сталке-

ров второго ряда, которые стали чернеть и иссыхать на глазах у других бойцов, а мертвецы первой волны, десятками лежащие на асфальте сразу возле раскуроченного и превращенного в ажурную сеть забора, поднимались. Еще один топот железных подошв. Свежие, необстрелянные зомби, сверкая никелированными штоками новых экзоскелетов со знаком синей головы орла группировки наемники, вошли уже через забор, порвав прошитый в прозрачное пулями металл. За ними ринулись новые десятки. Эту группу вел Бич. Ворвавшиеся зомби быстро меняли позиции и, пользуясь тем, что самые разрушительные калибры были подавлены, от укрытия к укрытию двигались вдоль стен строений, сосредотачивая огонь на ближайших огневых точках. Оборонительная линия второго ряда и первый ряд расстреливали подходящих, но потери обороняющихся возросли. Продуманная офицерами Долга оборона на этой стадии перекрывала линию первого ряда кинжальным огнем с десятков подготовленных мест, но не защищенные артефактами люди, не успевшие отступить, падали со второй линии обороны, трава и кустарник вдоль зданий чернели и крошились, брызжа черным тленом от попадающих пуль, осколков и взрывов. В то время как первая линия обороны, задыхаясь от близких разрывов гранат и сплошного концентрированного огня, падала под натиском второй волны зомби, зомби первой волны вставали, кто мог, кто не мог, ползли обратно на Дикую территорию. Если напряженно наблюдавший за этим в би-

нокль Рожок считал это отступлением, то Лука знал, что те, кто истощен и не может дотянуться до людей согласно его приказу, должны были вернуться, чтобы восстановиться, и снова броситься в бой. Для восстановления на этой территории было достаточно живых организмов и растений, и на это должно было хватить и десятка минут. Лука не собирался больше оставлять своих братьев противнику. Вторая волна зомби, простреленная, потерявшая эффективность, под командованием Бича, спряталась в незначительных не простреливаемых углах. Он как грамотный тактик не позволял еще достаточно сильным бойцам его группы просто так выходить в прострел.

Третья группа. Ведущий Овод Пустотелый. Бывший долговец, нынешний брат. Его группа без выстрелов понеслась через остатки забора, частично вбиваясь в укрепленные огневые точки, с гранатами в руках, другая часть группы понеслась по известным ему коридорчикам и лазейкам, подсаживала друг друга на крыши и тянулась ко второй линии обороны, за которой открывалась третья. Но там, в третьей линии обороны, были только сталкеры, не защищенные артефактами, стреляющие издалека, через оптику. Овод зашел последним, наблюдая, как половина от группы Бича ринулась вслед за свежими братьями по крышам и коридорчикам, наблюдая, как последний боец первой линии перешел на ножевой бой и воткнул несколько раз широкий страшный нож в сердце его брату. Это напомнило ему кое-что. Овод

сориентировался на местности, залез на крышу здания. Увидел далеко впереди на специально пристроенной площадке водонапорной башни тех, кто владел ранее этой территорией, Овод снял бронежилет, сорвал ненужную камуфляжную куртку и обнажил то, что вызвало ужас у тех, кто видел его оттуда, у тех, кто обратил на него внимание и начал вести по нему огонь, у тех, кто ненароком повернулся в его сторону. Выпотрошенный, но все еще не умерший организм, удерживаемый чудовищной волей к жизни, силой и способностями неизвестного вируса, поставляющего ему энергию принципиально другим способом. Некоторые обороняющиеся дрогнули, кто-то вскрикнул от ужаса, кто-то выронил оружие и побежал прочь, кто-то, слушая командиров, продолжал сражаться, поливая упрямо ползущих зомби и кидая гранаты в проемы помещений, где пятнистые уже начали выбивать и ломать оборону. Овод Пустотелый нашел одного из бойцов Долга, лежащего без сознания с несколькими ранениями. Что-то мешало ему схватить хорошо видимую жизнь и забрать ее. Зомби, сотрясаясь от регулярно попадающих в него пуль СВД, пускаемых с водонапорной башни, расстегнул броню человека. Из нагрудного кармана выпали какие-то красноватые кусочки, похожие на стекло. Овод сорвал шлем, там, в подшлемнике, тоже что-то блестело, но зато теперь он почувствовал этот тонкий аромат наполнения, который, казалось, сам шел в него. Зомби сделал усилие и приподнял бойца, с наслаждением прижимая его к себе. Жизнь, пол-

ная, красная и сочная. Ни с чем не сравнимая, первая человеческая, которую он по праву мог забрать целиком себе... По его лицу расплылась улыбка наслаждения. Болезненные попадания в него прекратились, раны затянулись и перестали напоминать о себе, тело стало послушным и легким. Овод выдохнул и открыл глаза. То, что он прижимал к себе, больше не было человеком, это была черная высохшая кукла, широко открывшая рот в последнем немом крике отчаяния пришедшего в себя человека. Пустотелый развернул ее так, чтобы все обороняющиеся могли видеть это. Он знал, что они увидели. Человек на вышке, наблюдающий за ним в оптический прицел СВД, замер, сталкеры, стреляющиеся с его братьями, на секунду повернули головы в его сторону, повинувшись необъяснимому жуткому предчувствию. Они все увидели эту жуткую гримасу смерти и потерявшего жизнь окончательно бойца. Противник сломался. Это пронеслось в воздухе. Те, кто мог бежать, бежали. Кто оставался заперт в своем укрытии, продолжал сражаться, но павшая вторая линия и посыпавшаяся третья кормила и восстанавливала Братство, которое уже начало брать новых послушников.

Один за одним раздалось два мощных взрыва. Долг пошел на крайние меры по правилам войны, взорвав оба склада с боеприпасами и оружием. В небо взвились черные дымы поверженной и отданной врагу базы.

– Ну что, наука, какие подвижки? – озабочено спросил Гипс Трофима, находящегося в своей пластиковой палатке внутри ангара.

– По-прежнему ничего, – устало ответил ученый, отрываясь от экрана электронного микроскопа.

Трофим уже третьи сутки почти безвылазно сидел в лаборатории. Все тесты, которые он проводил, все анализы, электромагнитные облучения, питающие растворы и режимы вскармливания, которые работали на других вирусах, которым, в частности, был заражен и сам некробиолог, не дали ничего. Вирус окоченевших в железных клетках носителей умер окончательно. Все пораженные им ткани были разорваны в хлам. Не осталось ни одной целой структуры, в которой можно было бы выделить ядро или границы оболочки. Ничего, что могло бы подтолкнуть, в какую сторону двигаться, или хотя бы получить живой, пусть и ослабленный вирус, из которого потом можно было бы вывести колонию и работать уже с ней. Ничего. Его образцы крови, которые он оставил в инкубаторе, так же как и образцы крови Ковалея, разрослись, заполнив выделенные им ячейки блистера и исчерпав ресурсы питательной среды, ушли в спячку, но не умерли. При желании можно было разбудить их. Более того, даже у мертвеца годовой стадии разложения всегда останется достаточно целых клеток, с которыми можно было бы произвести по крайней мере визуальную идентификацию их принадлежности. В этих же трупях, которым было всего несколько дней, все, все

полученные клетки были изорваны в хлам, перемешаны, не осталось даже признаков органоидов. Действительно вакцина уничтожила все на таком уровне, на котором невозможно сделать это механическим способом, разве что сильные кислоты могли сотворить примерно то же самое.

Зато полученные образцы крови у большинства сталкеров Свободы сейчас были разобраны по блистерам и уложены в инкубатор. Трофим не заглядывал туда и уже не переживал за результаты. Он ожидал бы их после Выброса, которого в силу последних событий можно было ожидать в любой час.

– Ладно, Док, вылазь, отдохни. Тут нам новости пришли. Не очень хорошие, – сказал Гипс.

Трофим положил бесполезно дежурившую в руке ручку на открытый блокнот, так и не дождавшийся существенных записей, и встал. Сняв в предбаннике маску, шапочку, перчатки и халат, он задумался, стоит ли вообще их надевать в следующий раз. Вообще, ему надевать их смысла не было, но привычка и чистота эксперимента, в котором сейчас он не нуждался, все-таки не позволяли ему подходить к оборудованию и образцам тканей не защищенным, да и к тому же мало ли... Вдруг шевельнется среди всего этого что-то ценное. Некробиолог, выйдя с освещенной палатки под полумрак ангара, не сразу разглядел серьезное и озабоченное лицо свободовца.

– Пятнистые Росток взяли, – без предисловий сказал он. – Мы уже обсудили с нашей колокольни, но ты сам что дума-

ешь?

– Росток? – недоуменно протянул Трофим.

– Да. В Зоне паника. Периметр отсечен теперь по-настоящему. Стреляют вообще во все. Никого не впускают, никого не подпускают. Глушат сразу с крупного калибра... Совсем крышу всем сорвало, – Гипс развернулся и пошел к выходу, предлагая продолжить разговор на свежем воздухе. – По всему периметру укрепления идут, строятся день и ночь. Автоматические турели, мины, колючая проволока просто тоннами, – продолжал он на ходу.

База Свободы удивительно быстро плотно поросла свежей, зеленой, плотной травой. Посаженные Хутором и другими сталкерами саженцы деревьев и кустарников уверенно держали листочки вверх, а темные влажные круги земли у основания говорили, что их дополнительно поливают, не дожидаясь дождя, и наверняка подкармливают удобрениями. Гипс сел на скамейку, сделанную из погибшего дерева, покрашенную в голубой цвет и поставленную на выходе из ангара. Солнце светило прямыми лучами через безобидные барашки облаков, которые могли в любую минуту вдруг превратиться в огромных темно-фиолетовых небесных баранов и столкнуться друг с другом с грохотом грома и молниями, катающимися как между ними, так и сыплющимися на землю.

– Я ничего не могу сказать, – сознался Трофим. – Ничего, что хоть как-то могло помочь...

– Я вижу, Док, – сталкер вздохнул, глядя куда-то вдаль. – В общем, так, выхода из Зоны теперь нет. Ни для сталкера, ни для меня, ни для Долга, вообще ни для кого. Даже Сидорович, хрен бездушный, слинять не может. Чего уж о нас говорить. Янтарь эвакуировали.

– Что весь? – удивился Трофим.

– Говорят, весь, – Гипс внимательно посмотрел на ученого. – Я за тебя сообщал туда, наверх, но там что-то страшное происходит. Все все забыли, ничего не надо. Я так понимаю, теперь ждут, когда этот вирус нас всех сожрет, или мы его сожрем, или хрен его знает...

– И?

– И видать, нам надо это Братство сожрать, какие варианты, – сказал Гипс. – Только шансы... Короче, слабовато у нас по шансам. Их там на Ростке уже штук двести пятнистых рыл может стать, а нас. вместе с бандитами, сталкерами, должовцами человек сто защищенных будет, потом они от обороны играть могут, оружие крупнокалиберное у них... Сами вроде не дураки, кто успел убежать, рассказали.

– Долг тоже участвует? – не веря, затаив дыхание, спросил Трофим.

– А куда ж они денутся, – невесело усмехнулся свободовец. – Выхода из Зоны им не дают. Рожка сожрала, остальные должовцы, они же прежде всего живые люди, а тут при таком выборе либо под пулю, либо к пятнистым, либо к Свободе на поклон, они все выбрали на поклон. Так у них хоть

шансы есть... Ну какие-никакие. Не больше чем у нас у всех, у каждого, в общем.

Оба замолчали. Трофим вдруг поймал себя на мысли, что Гипс часто смотрит в небо и вообще ведет себя так, как будто прощался с тем, что видит, и готовится умереть. Солнце по-прежнему ласкало ярко-зеленые стрелки растущей травы, тихо шумел ветер в далеком подлеске, шрамированном мертвой черной полосой некогда отступившего Братства, тихо и спокойно. Даже не было слышно воя собак или карканья ворон, которое в условиях Зоны передавалось иногда слишком далеко. Пусто. Пустая Зона, какая-то выжатая и ожидающая. Словно сломленная новым хозяином, который нашел на нее управу и теперь, встревоженную и испуганную, временно не давил своей пятой, оставляющей черные, болезненные отметины на ее лице.

– Тихо-то как, – сказал ученый.

Гипс промолчал, согласившись. Теперь и Трофим проникся этим общим настроением и фоном Зоны. Все. Игра была проиграна. Чаша весов больше не качается. Выбить из обороны двести или даже сто пятнистых силами живых людей было просто невозможно. Ждать, когда зомби соберутся с силами и дадут последний бой на этом, наверное, единственном пяточке земли, который может дать им хоть какой-то отпор, было ошибочно. Время работало против живых. Пытаться пробиться силой за Периметр? Погибнув еще на первой линии? Не вариант. Вариантов не было. Нужно

было атаковать врага в обороне. Заставить его замерзнуть там, обессилить и, возможно, умереть с голоду – вот единственный шанс.

Трофим не мог знать, что еще вчера Гипс, Лапа, Хунта и Терек, один из офицеров Долга, который принял командование на себя, всю ночь обсуждали, дымя сигаретами и чашками кофе, что и как нужно делать. Десятки раз перерисовывали планы Ростка, десятки раз считали и пересчитывали людей, защищенных артефактом. Составляли списки, рисовали схемы. Людей не хватало катастрофически, а говорить о том, чтобы вести с собой в бой питательные элементы для зомби, которыми становились все сталкеры без артефакта «кристалл», не собирался никто. Все лидеры группировок понимали, что это конец их истории. Так или иначе, но они слишком долго воевали здесь друг с другом, с Зоной, с мутантами, чтобы отклониться от последнего боя, исход которого ясен. Если хорошо подготовленная эшелонированная оборона Ростка, находясь в большинстве, не смогла удержать сотню с небольшим пятнистых, то что может сделать сотня живых против двух сотен совершенно не безмозглых зомби, находящихся в обороне? Гораздо проще погибнуть от пули, чем стать одним из тех существ, которые могут обходиться без внутренних органов, которые выпивают саму жизнь из человека, из растений, из земли в секунды, оставляя лишь черную оболочку. Гипс вздохнул. Ему незачем было сейчас быть похожим на героя, каждый сталкер знал ставку в этой

игре, и сейчас многие хотели пойти в бой, чтобы честно погибнуть, чем быть беспомощной овцой, когда зомби придут за ним.

– Эти наши Воскресшие тоже не бойцы против пятнистых? – спросил Гипс без особой надежды, не глядя на собеседника.

– Нет. Те зомби не имеют защиты. Новый вирус дистанционно разрушает саму структуру и ДНК клеток, они такие же...

– Такое же мясо, как и мы? – перебил его сталкер.

– Да. Такое же мясо, – грустно подтвердил Трофим.

– Эх, плакала моя новая жизнь, после смерти, – не то пошутил, не то всерьез сказал Гипс. Его лицо, смотревшее куда-то вдаль, не выдавало эмоций.

– Так что будем делать? – осторожно спросил Трофим.

Гипс повернулся к нему. Одним глазом он смотрел на него несколько секунд, запоминая все черты лица этого человека, однажды пришедшего к нему в Свободу. Пришедшего добровольно, но оказавшегося в ловушке, из которой ни у кого из них не было выхода.

– Мы выступаем завтра с утра. Все вместе. Все, кто лучше стреляет, кто лучше дерется, кому они больше всех должны. Свобода, Долг, сталкеры, бандиты. Дойдем до Ростка к вечеру, там все и решится. Не думаю, что это будет долго.

– Но ведь вечером не удобно. Темно.

– Останавливаться на марше для ночевки нельзя. Они мо-

гут застать нас врасплох на открытом месте, устроить засады. Потом эффект неожиданности, если они нас ждут, то никак не в сумерках. Возможно, половина из них будет вне Ростка, возможно, они будут спать... Они ведь могут спать? – спросил Гипс.

– Эти? Вряд ли. Нет в этом смысла.

– Ну и пес с ними, – махнул рукой сталкер. – Пусть не спят, главное, чтобы не ждали.

Где-то среди базы группировки, которая, как только сейчас заметил Трофим, была наполнена людьми, обозначилось некое оживление. К Гипсу, отчаянно спеша, шли двое вольных сталкеров, буквально дымившихся паром, словно загнанные лошади. Лица осунулись и похудели, в глазах горел нездоровый блеск, говорящий о том, что сталкеры находятся или под энергетиком, или под артефактом, повышающим выносливость, а возможно и под тем и под другим.

– Гипс, – с трудом сглатывая слюну, сказал один сталкер, – хорошо, что успели. Тут тебе от Сидоровича...

Он и его напарник скинули рюкзаки и в присутствии вдруг обступивших их вольных сталкеров, напряженных долговцев, бандитов, подозрительно зыркающих на вольных сталкеров, высыпали на землю бумажные свертки, по форме которых угадывались артефакты «кристалл» разных размеров.

– Тут тридцать штук, – так же тяжело дыша, сказал второй сталкер. – Принимай.

Народ вокруг загудел. Было что-то объединяющее всех в

этот момент, нечто, что вдруг поселило среди отчаявшихся людей отблеск надежды. Нечто, что сказало им, что не все еще кончено, нечто, что показало, что даже прижжимистый клещ Сидорович, на душе которого немалое количество грехов, тоже является живым человеком, оставившим вопрос бизнеса и отдавшим ставшие баснословно дорогими артефакты сталкерам.

– Батон! – густым голосом крикнул Лапа, стоящий в толпе.

Стоящие рядом с ним сталкеры, до этого момента не обратившие на него внимание, расступились как тающий дрейфующий лед перед атомным ледоколом. Рядом нарисовался Батон, следящий за общаком. Лапа кивком головы указал ему на кучу. Батон кивнул и исчез, через минуту появившись с плотным черным рюкзаком. Он присел на корты рядом с Лапой и быстро развязал рюкзак. Скоро оттуда один за одним появилось шесть средних «кристаллов» и один большой, которого можно было разделить на два.

– Пацанам вашим на прикид, кто на стрелку двигает. Одним делом замазаны, – произнес он, оставив звенящую тишину во вдруг умолкнувшей толпе.

Толпа зашевелилась. Вольные сталкеры, одиночки по одному пробивались к лежащим на земле сверткам и выкладывали, у кого что было. Кто-то припрятал один целый лишний артефакт в надежде продать его, если все обойдется, кто-то клал лишь осколки. Кучка медленно росла. Одиночки ока-

зались прижимистыми и запасливыми на артефакты. Хунта сел рядом с Гипсом на скамейку, в его глазах таилась искорка задора.

– Смотри, Гипс, что мужичье творит. Вот жмоты, – шуточно замахнулся он на одного из сталкеров.

– Еще пятьдесят, – посчитал Гипс. – Это хорошо.

– У меня бойцы есть, – выступил Терек, – пришли от Янтаря полные экзоскелеты, только без «кристаллов». Двадцать человек.

Гипс подошел к куче, отсчитал двадцать кристаллов и передал в руки должговцу.

– Собирай, – сказал он.

– Я пойду! – вышел вперед один из вольных.

– И я, – пробился из заднего ряда другой.

– Мы с Кедром пойдем!

– Я.

– Я.

– Я...

Вольные сталкеры и сталкеры Свободы, ранее не имевшие защиты, теперь выступали вперед и получали свой артефакт, свой шанс на победу. Вскоре артефактов не осталось. Трофим удивился такому большому скоплению людей. Казалось, все сталкеры Зоны собрались здесь на Армейских складах, в единственном месте, где еще могло оказываться сопротивление. Гипс встал на скамейку:

– Завтра выход в шесть утра. Остановок до Ростка не бу-

дет, идем налегке, еды на полдня, но боеприпасов на неделю. За патронами и броней на склад. Бар бесплатно.

Радостно загудев, толпа начала расходиться. Лицо лидера Свободы просветлело.

– Сто пятьдесят, броня и внезапность, – он улыбнулся дикой, хищной улыбкой, обнажив крупные прокуренные зубы. – Мы еще потанцуем с тобой, костлявая, мы еще потанцуем...

Глава 16. Генерал

Утро резким, звенящим карканьем ворон огласило построение. По-прежнему чистое небо, сейчас в шесть часов утра окрасилось оранжевыми и красными цветами у самого горизонта, перемещаясь вверх холодными цветами зеленого льда, такими же, как и ледяной ветер, уверенно обдувающий ряды сталкеров всех группировок, выстроившихся в одну линию. Первым стоял Долг, под командованием Терека. Двадцать пять бойцов в экзоскелетах Долга с тяжелым вооружением, пулеметы, миниганы, пара РПГ, тридцать бойцов в стандартной для Долга ПСЗ-9д, вооруженные ОЦ-14 и АК. За ними выстроились сорок сталкеров под началом Хунты, тридцать человек, одетые как в свои костюмы, начиная с усиленного броней комбинезона Заря до выдавших виды, но исправно работающих Булатов, и десять человек, переодетые уже здесь, на базе, в броню Страж Свободы. Вольные сталкеры умели работать командой, среди них, кроме крепких, хладнокровных сталкеров, были и очень серьезные бойцы, от одних кличек которых у некоторых бандитов холодело в груди. Далее построилась Свобода. Пятьдесят человек. Пятнадцать экзоскелетов, всего несколько из них с тяжелым вооружением, остальные экипированные в свои Стражи Свободы, Бериллы, Булаты, вооруженные винторезами, валами, отбойниками и модернизированными АК из стратегических

запасов оружейника Коваля, когда-то перекрутившего автоматы на повышенную скорострельность и меньшую отдачу. Среди свободовцев также стояли на общем построении сталкеры, пришедшие из Пепелища, Якорь, Моль, Шпагат и другие. Моль, несмотря ни на что, стоял в своем потертом комбинезоне Сева, придерживая СВД прикладом на ботинке. За Свободой собрались бандиты, пятнадцать человек, в тяжелых укрепленных плащах, чья защита от пуль, сделанная их умельцами, была на уровне некоторых бронекостюмов. Бандиты стояли, пусть и не выстроившись в линию, а кучкой, но все были повернуты лицом к принимающему построение Гипсу. Лапа стоял поодаль, и по его виду не было понятно, идет он вместе со своими или останется здесь, на базе Свободы. Бойцам, не имеющим защиты органов дыхания и лица, Свобода выдала стальные шлемы в связке с респираторами. Защита в ближнем бою от инфицированной крови Братства.

Трофим уже вечером не мог работать, смотреть на эти разорванные в хлам клеточные структуры. Трупы в клетках уже потекли, не имеющая структуры масса, захваченная занявшими свое место бактериями, быстро разлагалась, обнажая кости. Поэтому, прекратив бессмысленные изыскания, он вытащил из комбинезона осколки артефакта. Тот устаревший экзоскелет, при помощи которого он когда-то расчищал ангар, сила которого работала в ущерб скорости, не защищенный от аномальных воздействий, не имеющий замкнутого цикла дыхания, а всего лишь фильтры, но имеющий тяже-

люю броню, ждал его в дальнем правом углу общего коридора ангара, накрытый синим постельным покрывалом с цветочками. Чувствуя себя каким-то нарушителем, он располовинил конструкцию и прикрепил осколки внутри машины. Вопросы типа того, что будет, если Гипс запретит ему идти, или он будет обузой для них, постоянно лезли ему в голову. Его сомневающаяся натура постоянно оценивала все за и против его решения, которое он принял, руководствуясь не холодным рассудком, а каким-то древним, доисторическим чувством единения. Ученый прекрасно понимал свою незначительную эффективность. Его неумение пользоваться оружием, незнание тактики военного дела списывало со счетов все его желание помочь, но... Но упрямо решив, что он пойдет за ними в любом случае, он установил артефакты в нужных местах, накрыл покрывалом экзоскелет и с бьющимся от волнения сердцем с трудом уснул в своей комнате. Сегодня проснувшись раньше всех, он, быстро приведя себя в порядок, скрылся в своей лаборатории, где быстро позавтракал холодным и собрал рюкзачок.

И вот теперь, стоя в дверях ангара, он думал, что в тысячи раз легче выйти в смертельный бой прямо сейчас, чем показаться на глаза Гипсу и ста пятидесяти бойцам, идущим наверняка в последний бой, и оставшимся на базе сталкерам, молча стоящим за рядами готовых к походу бойцов.

– ...Перекрывать друг друга огнем, на территории Ростка не атаковать труднодоступные цели, при потере связи не

снимать защитные маски, – громко давал общие указания Гипс, – гранаты использовать с максимальной эффективностью в скопления противника, для обездвиженных целей подкладывать под тело. Повторяю, не рядом, не на пятнисто-го, а под тело! – он выдохнул. – Вопросы?

Трофим неуверенно качнулся в своем неуместном, тяжелом, покрашенном в песчаный серый цвет экзоскелете. Скрипнули и зажужжали приводы, тяжелый шаг конструкции, шорох и треск камушков под ногами. Экзоскелет встал в конец шеренги.

– Это еще кто? – изумился Гипс, не веря своим глазам.

Стоящие бойцы, чьи лица еще не были закрыты масками, переглянулись. Сталкеры вторых рядов устремили свое внимание на неизвестного.

– Док, ты? – прищутив оставшийся глаз, спросил Гипс.

– Я, – дрожащим от волнения голосом признался ученый.

Он очень надеялся, что динамики экзоскелета не передадут это предательское волнение сталкерам.

Гипс приблизился и, нащупав кнопку открывания маски, нажал на нее.

– Ты же стрелять не умеешь, Док, – растерянно сказал он, глядя на красное от стыда лицо Трофима. – Дорогой, ты мой человек, – единственный глаз сталкера заблестел слезой, Гипс обнял эту конструкцию, как будто она могла передать его тепло заключенному внутри человеку. – У тебя же пальцы здесь под другие гашетки сделаны...

– Я это... я все равно пойду, – шмыгнул носом Трофим, доставая нелепо спрятанную за спиной лопату, грубо сваренную из лома, уголков и листа броневой стали. – Все равно... – борясь со спазмом и стараясь не пустить предательскую слезу, твердо сказал он.

Лапа, авторитет и вор, стоявший неподалеку, приблизился, хлопнув широкой ладонью по глухой броне экзоскелета.

– Пацаны прикроют, Гипс, не ссы, – сипло сказал он, встав рядом

Из шеренги бойцов выделился Якорь, подняв руку вверх.

– Гипс, у нас медицина по аптечкам только, если вытасщить кого и перевязать, не с руки. Пусть Док заведует. Не умирать же идем!

– Добро, Док, добро, – отступая на шаг и пряча лицо, сказал Гипс. – Медицина на тебе, значит, – он встряхнул головой. – Собрали сталкера!!! – вдруг заорал он в толпу стоявших позади и остающихся на базе людей. – Выдвигаем!

Тяжелый переход, с короткими остановками на перекусы и надобности, под ставшим пасмурным и холодным небом Зоны. Первыми шли отряды Долга, за ними растянувшись на сотню метров вольные сталкеры, за ними более компактно, несмотря на большее количество, Свобода, и с отрывом в полкилометра шли бандиты, за которыми на грани видимости шел Трофим. Его экзоскелет, тяжелый и медленный, не мог идти быстрее, чем средний шаг бойца. Вначале Трофим потратил много сил, стараясь идти быстрее, но, поняв, что

его усилия поднять ногу быстрее не влияют в действительности на скорость конструкции, смирился, и, поймав ритм, навязываемый ему механизмом, сосредоточенно двигался в хвосте, нагруженный невесомым для него огромным вещевым мешком с медикаментами и чем-то еще, он не заглядывал в рюкзак. Терпеливо дождавшись, пока наконец сталкеры соберут и закрепят вещевой мешок, он поспешил так, как он мог, вслед за видневшимися впереди черными спинами бандитов, но, несмотря на все усилия, расстояние между ученым и основными силами очень медленно увеличивалось. Тем не менее бронированная черепаха, покачивая горбом вещевого мешка и чудовищной лопатой, скоро скрылась за горизонтом.

Первые отряды Долга достигли окраин Ростка к шести вечера, часа через два, два с половиной, в зависимости от погоды начнет темнеть. Остановившись, они приняли энергетики, дожидаясь стягивающихся к ним вольных сталкеров и свободовцев. Бандитов никто не ждал, инструкции для них были не писаны, а их роль как следящих за спинами основных сил была вполне им по плечу. Задача для штурмующих Росток была проста – уронить, обездвижить и уничтожить как можно больше зомби. Для этого у всех сталкеров были подготовлены веревки и большой запас гранат. Захватившее Росток черное Братство вряд ли могло ожидать такой дерзости от людей, поэтому, возможно, они будут опрометчиво спешить на помощь своим, попадая под перекрестный огонь

намеченных к первоочередному захвату точек обстрела на крышах зданий. Подошла Свобода, не говоря ни слова, они также приняли энергетики. Сейчас они были не на своей территории, и поэтому общее руководство операции в силу детального знания окрестностей, мелких троп, пролазов и обходов взял на себя Терек. Они остановились недалеко от того места, откуда на них самих совершенно недавно напало Братство.

– Экзоскелеты Долг и Свобода, во фронт, улицы и укрепления. Свобода идет за Долгом. Хунта, ваши по крышам, за нами. Свобода, кто полегче, разделитесь. Часть за броней, часть по крышам, зачищайте и вяжите, нам останавливаться нельзя. Будут потери, заменяйте. Замыкающие... Где они?

– Отстали, идут, – подсказал кто-то.

– Ладно, эти по месту ориентируются. Медицина, тоже в хвосте?

– Да.

– Док ваш пройдет по телам нашим или их. Поймет, что к чему. Ну что, мужики, с богом!

Терек задраил маску, его примеру последовали остальные. Тенями и призраками объединенные силы сталкеров двинулись через разрушенный металлический забор. Экзоскелеты плотными рядами, держа оружие наготове, быстро шли по первой пустой улице с так и не убранными телами бойцов, стрелянными гильзами, пятнами крови. Одетые в более легкую броню бойцы залазили на крыши и стреми-

тельно бежали к намеченным заранее укрытиям. Братство не ждало гостей, первые зомби, рассеявшиеся возле не горящих костров, стали попадаться на местах ночевки сталкеров в пустых помещениях цехов, возле стен под навесом. Ровно идущие вперед экзоскелеты обрушили на первых из них разрушительный огонь миниганов, пулеметов, автоматов, разрывая в клочья концентрированным огнем тела, вместе с обрывками одежды. Страшный, многоголосый, нечеловеческий крик огласил Росток. Десятки покрытых пятнами существ, хватая оружие, бросились навстречу атакующим из цехов, из Бара, из Арены, из полуподвальных помещений завода. Крыши, занятые сталкерами, разразились огнем, оставляя бурые, тотчас зарастающие отметины на телах и одеждах мертвецов.

Встречный огонь Братства, потеряв пару десятков своих братьев, упорядочился. Зомби стали отходить в укрытия, прячась за стены, в углы, залегая за низкими плитами, в наступающих полетели гранаты. Экзоскелеты, стараясь не терять темп, бросились ближе к нырнувшим в укрепления мертвецам, страхуя и дублируя друг друга, они подавляли огнем и гранатой зомби, хватали их и вышвыривали на улицу, где по ним уже работали сталкеры с крыш. Но и среди сталкеров начались потери. С десятков мертвецов взобралось на крышу, уже экипированные в броню. Стреляя и получая взамен, они медленно, но верно оттесняли сталкеров с некоторых точек, пробивая броню либо заставляя покинуть пози-

цию, кинув туда гранату. Ослабевшее верхнее прикрытие экзоскелетов позволило мертвецам работать с флангов по броне. Огонь идущей следом за броней Свободы отбрасывал то одного зомби, то другого внутрь подвальных и оконных проемов, но через минуту они снова появлялись и, выставив наружу пулемет или автомат, открывали огонь. Пара долговцев в экзоскелетах, нырнув в дощатую будку, куда уполз один из мертвецов, вытащили его из-под матраса и засунули в простреленную брюшину гранату, тут же выкинув его на улицу. Грянул взрыв, тело разорвало на две части, верхняя половина отлетела к стене. Внезапно придя в себя, верхняя половина, открыв рот, поползла на руках за ногами, оставляя грязно-желтые разводы на земле. В область головы прилетела граната из подствольника, разметав неуспокоенного на клочки. На крышах мертвецы уже переступали через первые трупы сталкеров. Жестокий и яростный огонь сталкеров дырявил и сотрясал тела, которые падали на колени. К ним тут же подбирался один из ближайших сталкеров, поддерживаемый огнем, валившим и заставлявшим залечь мертвецов, он приподнимал труп и закатывал туда гранату без чеки, тут же откатываясь за укрытие. Взрыв раскидывал половины тел по разным сторонам здания. Появлялись новые зомби, как внизу, так и вверху, но свежие, новоприбывшие члены Братства уже были экипированы броней. Бой разделился на два яруса, если нижние бойцы, в основном защищенные от пуль экзоскелетами, еще держали попадания, продвигаясь вперед,

то бойцы в более легком облачении вынуждены были часто прятаться в укрытия, контролировать проходы, окна и двери, добивать вновь оживших мертвецов либо связывать их веревками, если ситуация по причине близости товарищей и отсутствия близкого укрытия не позволяла использовать гранату. Сталкеры были опытными бойцами, не лезли под пули, знали, откуда может исходить угроза, но потери продолжали нарастать.

Вот, споткнувшись о прямые выстрелы мертвеца в маску экзоскелета, вдруг выставившегося из-за угла и стреляющего из ОЦ-14, упал долговец. Зомби снова зашел за угол, перезаряжая оружие. К его ногам прилетела граната, а в стену рядом, выбив красное кирпичное крошево, впечаталась очередь автомата. Боец Свободы в экзоскелете тут же кинулся к пятнистому и, протянув руку за угол, схватил его железной рукой, вытащив на себя, через секунду поднял над собой и с размаху впечатал в асфальт. Тут же ему в спину и сбоку прилетели две очереди. Сориентировавшись, боец скрылся на лестнице, ведущей в подвал, в не простреливаемое его пространство. Не отпуская пришедшего в себя мертвеца, который схватился за железную руку и тщетно пытался разжать пальцы экзоскелета, боец с размаху, железным кулаком в тело сломал ребра и, подняв еще раз над собой, бросил в бетонный пол головой вниз, вкладывая в это все возможное ускорение механизма экзоскелета. Череп мертвеца раскололся, глаза его закатились, но руки продолжали бороться

с железной хваткой механизма.

– Да сдохни же ты!

Боец с размаху, механическим чудовищем начал отбивать мертвецом стену здания. Трескались и ломались кости, текла красно-коричневая жижа, но мертвец продолжал цепляться за руки.

– Хорош, Коваль, – крикнул ему Якорь. – Туда, – указывая пальцами направление на двух зажатых у входа в здание долговцев, по которым велся огонь сразу с нескольких направлений.

Сражение начало перетекать в отдельные изолированные друг от друга бои, по секторам обстрела. Наступающие не давали окружить и локализовать себя, стараясь не отделяться от основной массы бойцов, не уходить вглубь помещений, не преследовать труднодоступных уползающих и не бросать товарищей, поддерживая их в наступлении. Зомби же видели и чувствовали людей через стены, устраивая огневые выходы в самый неожиданный момент. На улицах и на крышах Ростка лежали десятки убитых сталкеров и десятки фрагментов мертвцов, связанные и пришедшие в себя зомби пытались освободиться, падали с крыш, ползли, как могли, к укрытиям. Идущих и прикрывающих второй линией бойцов Свободы стало меньше. Многие из них заменили собой вышедших из строя бойцов первой линии.

Наконец подросли бандиты.

– А, ща, пацаны, поможем, – кричали они, стреляя в ожив-

ших мертвецов, катающихся по черной, безжизненной земле.

– На тебе лимон, сука!

– Слева, слева заходи!

Свежие, хоть и не удерживающие рисунок общего боя бандиты оказали большую услугу сталкерам, поскольку оглушенные, присыпанные, склеившиеся вновь из практически разорванных на части тел зомби начинали уже, хоть и с трудом, но поднимать оружие и двигаться в тыл прошедшим внутрь Ростка отрядам. Наступление замедлилось. Братство сориентировалось и закрепилось в помещениях, не давая работать ударным отрядам, одновременно отжимая крыши, пусть и с серьезными потерями в виде улетевших вниз черных братьев. Если зомби падал в досягаемости наземных сталкеров, то его долго катали по асфальту автоматные и пулеметные очереди, пока наконец его попытки пошевелиться не прекращались. Потери были значительны и перешли за половину личного состава с обеих сторон. Сталкеры больше не могли продвигаться вперед. Терек знаками указал всем бойцам занимать крыши, чтобы помочь верхним отрядам и, двигаясь по крышам, зайти сверху в здания, представляющие собой большую для нападающих проблему.

Трофим наконец-то доковылял до Ростка. Теперь он понял, почему этот экзоскелет, несмотря на всю его мощь и защиту, так быстро вышел из обихода. Он был очень, издевательски медленен. Уже слыша звуки боя, он остановился

возле лежащих на земле раздавленных баночек. Открыв броню, оставаясь незащищенным от возможного воздействия мертвецов, он снял рюкзак и достал оттуда баночку, открыв, давясь и захлебываясь, судорожно выпил ее, чувствуя, как ветер остужает его взмокшее тело. Сердце забилося сильно и ровно, в голове прояснилось и успокоилось. Трофим влез в экзоскелет, задраился, взяв в одну руку лопату, а в другую мешок, шагнул за забор. Первая короткая улочка не имела следов свежего сражения, только трупы, которым было уже несколько дней, да старые пятна разрывов. Длина первого переулка была не более пятидесяти метров, выстрелы были слышны дальше. Трофим свернул, вот и первые тускло светящиеся гильзы. Вот и останки зомби, кожа стала чернеть и скукоживаться, очевидно, окончательная смерть. Дальше еще чернеющие и стремительно увядающие останки тел. Тело бандита. Трофим наклонился, перевернул. Живой, ранен в оба плеча. Аккуратно подняв его, ученый скорым шагом отнес его назад, вылез из экзоскелета и, вколов обезболивающее, перемотал и заклеил биоклеем раны.

– Спасибо, братан, – раздался слабый голос человека.

Снова запрыгнул в экзоскелет, прихватив лопату, вышел. Еще дальше первые трупы сталкеров. Ничем не помочь, глухая маска экзоскелета простреляна бронебойными, изнутри все окрашено красным, кровь на стеклах и на лежащем рядом оружии. Еще дальше еще тела, раненые. Еще и еще. Трофим перетаскивал бойцов, расположив их между мешками

с песком одной из первых укрепленных точек, выпрыгивал из брони, клеил, колол шприцами, бинтовал, быстро шлепал медицинским степлером. В вещевом мешке Трофима оказались артефакты «душа», «слизень», «глаз», он высыпал все рядом со сталкерами. Кто-то мог встать, кто-то сидел, кто-то, уже покачиваясь и держа артефакт на быстро затягивающейся ране, собирался вернуться обратно в бой.

Тем временем положение сталкеров становилось все хуже и хуже. Зомби теснили их как на крышах, так и на земле. Боеприпасы, несмотря на все расчеты, заканчивались у сталкеров и, судя по всему, у зомби. Собственные склады Долга были взорваны, и теперь у мертвецов было только то, что они собрали с погибших, и то, что когда-то принесли с собой. Трофим, перетащив с десяток человек в укрытие, все ближе подбирался к ставшей менее интенсивной перестрелке. Теперь противоборствующие стороны все чаще сходились в рукопашном бою, где пистолеты сталкеров выигрывали раунд за раундом. Медленно темнело небо, вместе с иссякающими силами людей. Трофим отчаянно пытался добраться до боя, но, находя раненого сталкера, вынужден был возвращаться с ним на исходную. Крики людей, перемежающиеся с выстрелами пистолетов, редкими взрывами гранат, слышались с разных сторон. Некробиолог, уже просто оттащив раненого, где ему оказывали помощь бойцы, вернулся обратно, двое сталкеров, оклемавшись, двинулись за ним, но он не заметил этого сразу. Тяжело шагая в одном из проемов,

он увидел лежащего сталкера, которого, наседая сверху, давил ножом к горлу пятнистый. Сталкер повернул голову и в искаженном от напряжения одноглазом лице Трофим узнал Гипса. Заорав, проклиная тяжесть и неповоротливость экзоскелета, он пошел на выручку, перехватив свою чудовищную лопату. Один мощный хоккейный удар по наседающему мертвецу, и тот с треском грудной клетки и сломанным лицом отлетел к стене. Оскалившись, он начал подниматься, опираясь спиной о стену, но второй удар, уже ребром лопаты, отделил его голову от тела. Тело замерло и, шевеля руками, пытаясь нащупать противника, осело на землю.

– Гипс, живой? – спросил он, включая прожекторы.

– Живой, Док, спасибо, – он тяжело дышал, множественные порезы рук, простреленные ноги, глубокая царапина на шлеме.

– Щас отнесу, – засуетился Трофим.

– Не надо. Помогите ребятам наверху, им в хвост зашли. Патронов нет почти, – Гипс тяжело вдохнул воздух, маска респиратора, скрывающая его рот и нос, сдвинулась, из-под нее красной полоской внутреннего кровотечения по щеке, переходя на шею, потекла кровь. – Ничего, у них тоже нет... почти.

У проема застрекотали автоматы. Шедшие за ученым сталкеры открыли огонь по приближающимся снаружи зомби. Трофим понял, что итог сражения, без оружия и боеприпасов, вряд ли окажется на стороне людей. Рано или позд-

но, организм зомби победит, просто в силу того, что он может расщеплять и убивать собственные клетки ради питания остальных. Перехватив лопату, он поднялся на один пролет вверх, повернув голову, он увидел несколько направленных на него стволов, он тут же присел, но по крепкому шлему и маске экзоскелета, высекая искры, ударили пули, остальные щелкнули по бетону и железу. Подняв лопату, защищая лицо, он быстро, насколько мог, двинулся на мертвецов. Один из автоматов замолчал, выпустив последнюю очередь в светло-серый экзоскелет. Лопата, сделанная из пятнадцатимиллиметровой броневой стали, держала удар.

Два автомата перестали плевать в корпус, ноги и лист брони. Трофим отодвинул инструмент от лица. Один из мертвецов доставал гранату, другой перезаряжал. Еще несколько сместились вглубь открывшегося коридора. Потеряв на время понимание ситуации, Трофим ударил лопатой сверху вниз по голове ближайшего, сломав череп до основания, еще одним ударом отбросил второго куда-то вглубь коридора. Оттуда по Трофиму открыли огонь. Вновь прикрывшись лопатой, он двинул за стрелявшими, за ним следовали добивающие и вяжущие зомби сталкеры. Работая медленно и неумолимо в закрытом для отступления помещении, Трофим крушил и мял, разбивал и рубил своим адским инструментом человеческие фигуры с пятнистыми лицами и страшными осками. Толстая, гораздо более стойкая броня старой модели, для привода которой использовались мощ-

ные, но медленные гидравлические цилиндры, держала все автоматные очереди.

Кто-то окликнул его, в свете прожекторов экзоскелета указав на ведущую на крышу лестницу. Перехватив инструмент, неуязвимый механический монстр поднялся наверх, сломав оказавшуюся ему слишком малой деревянную будку, закрывающую люк от дождя. На крыше находилось всего с десяток сталкеров. Раненых и тяжело дышащих, измотанных до предела с пустыми обоймами и рожками. На соседних крышах также последние из людей по двое, по трое сбросили мертвецов с прикрепленными к ним гранатами вниз и теперь, не имея сил, едва стояли, смотря друг на друга. Выживших, изодранных, окровавленных и стоявших на ногах едва набиралось с три десятка. Сталкеры стояли на крышах соседних цехов, не имея возможности соединиться друг с другом. Ранее соединяющие крыши лестницы были сброшены вниз. Сумерки разбивались только ярким светом прожекторов экзоскелета Трофима и фарами еще нескольких боевых экзоскелетов. Внизу, во дворе между цехами наметилось какое-то движение. Зомби собирались и сползались в кучу. На территории Ростка уже давно не было зелени и растительности. Пятнистые расстегивали бронекостюмы раненых, лежащих на земле без сознания людей, открывали экзоскелеты с живыми людьми, вытряхивая «кристаллы» и восстанавливались. Поднимая оружие павших, проверяя магазины и вытаскивая оставшиеся боеприпасы. Сталкеры, оставшись

без защиты, чернели и ссыхались, на глазах превращаясь в черные, не узнаваемые куклы. Стоящие наверху безоружные люди кто с ненавистью, кто со страхом смотрели вниз. Трофим покачал головой, перехватывая лопату, такого конца он не желал никому. Как бы то ни было, он попробует унести с собой одного-двух, если получится.

Пятнистые, не боясь, выпрямлялись и наливались силой, приобретая объем, сращивая раны и переломы. Их осталось немного, не более двух десятков, но они подтаскивали все новых и новых сталкеров, вяло сопротивляющихся, пытающихся бороться, кричащих от ужаса. Черное Братство в изорванных одеждах смотрело на державшихся на одной силе воли людей.

– Добро пожаловать в братство, – сказал один, самый высокий из них, с непропорционально длинными ногами и руками. Его лицо и тело были сплошь покрыты отвратительно ржавой чешуей, желтые глаза и рот с тонкой прорезью тянулись в победной ухмылке.

Трофим подошел к краю крыши цеха. Внизу стояло несколько старых УАЗиков Долга. Здание было примерно высотой в два с половиной этажа, и прожекторы легко преодолевали это расстояние, освещая сгрудившихся зомби внизу.

– Так ты и есть Лука Псарас? – спросил он.

Зомби резко обернулся на голос, задрал голову, сиюсья рассмотреть говорящего через ослепляющий свет.

– Кто говорит?

– Я, Гудин Трофим.

– Откуда ты можешь знать меня?

– Я много что про тебя знаю, Псарас. У меня для тебя кое-что есть.

Трофим нажал на кнопку, и экзоскелет разошелся, оставив беззащитного человека перед мертвецами. Сталкеры непроизвольно подошли ближе к ученому, бессознательно стараясь защитить его. Несколько страшных рук с пятнами потянулись в сторону Трофима, но Псарас шикнул на них, и они исчезли. Трофим достал фотографию девушки, дочери некогда человека, возглавлявшего службу безопасности сверхсекретной шестой лаборатории.

– Вспомни, кто это, – сказал Трофим и кинул фотографию вниз.

Прямоугольный кусочек бумаги, девять на тринадцать, кувыркаясь и меняя траекторию, упал недалеко от Псараса. Трофим влез обратно в экзоскелет и запечатался, пока зомби на мгновение отвлеклись на падающую фотографию. Псарас сделал несколько шагов и подобрал фото. Несколько секунд он неотрывно смотрел на него.

– Это ничего не значит, – сказал он, не глядя на человека. Но его голос, дрогнувший новыми струнками, вдруг ставший абсолютно человеческим, задрожал, словно невидимая рука перетянула что-то в этом существе, заставив его стать непохожим на себя самого минуту назад и на окружающих

его мертвецов. – Добро. Пожаловать. В Рабство, – с силой и ненавистью, заставляя себя произносить каждое слово, сказал он, глядя сквозь прожектор в маску светло-серого экзоскелета. И на его лице появилась растерянность, он сказал нечто неожиданное для него самого, то, что понял и ощутил как человек только сейчас, находясь именно в этом, почти человеческом эмоциональном состоянии.

Движение и грохот автоматов с западной стороны, со стороны Бара стали неожиданностью и для Братства, и для сталкеров. Какие-то тени выскочили из ближайших зданий и, не переставая палить, сближались с пятнистыми. Зомби, развернувшись оружием, встретили нападавших огнем. Сталкеры четко видели, как пули пятнистых насквозь пробивали неизвестных сталкеров, сунувшихся на помощь людям. Нападавшие были обречены. Пятна крови на их одеждах множились, так же как множились и отметины рвущейся плоти на пятнистых, но ни та, ни другая сторона не падала. «Зомби! – догадался Трофим. – «Юрок». Снова призрак надежды шевельнулся в его душе. Не желая тратить время на спуск в своем медленном экзоскелете, он, схватив лопату, прыгнул вниз на стоявший внизу УАЗ, оставив изумленных сталкеров без ответа. Машина с громким скрежетом вминаемого корпуса и системы экзоскелета погасила удар, но Трофим все равно почувствовал, как все его внутренние органы сотряслись и заболели, в глазах поплыли круги от перегрузки. Черное Братство поняло, кто противостоит им, и, вытянув впе-

ред руки, начало свою борьбу с Воскресшими, так нагло и бесцеремонно вторгнувшись в их владения. Воскресшие не были защищены артефактами, но и они умели убивать на расстоянии, гасить жизненные функции и обрывать жизненные процессы. Юрок и стоящие за ним зомби, выставив руки вперед, начали свою беззвучную войну, на уровне не достигаемых оборудованию электромагнитных частот. Черное Братство и Воскресшие хрипели и содрогались, как от попаданий крупного калибра. Трофим, заорав нечто нечленораздельное, обрушил громовой удар лопаты по одному из противников, расколов тому голову. Один из Воскресших перевел руку на другого зомби из противостоящего Братства.

Теперь и сталкеры поняли, в чем дело. Экзоскелеты начали свой торопливый спуск вниз, сталкеры, кто был еще в силах, доставали ножи и спешили вниз. Трофим крушил лопатой направо и налево, а ему на помощь спешили уже другие сталкеры. Поняв, что именно теперь исход боя определен окончательно, Лука и остальные кинулись прочь, медленно, словно в замедленном кино, вырываясь из невидимых рук Воскресших. Трофим постарался догнать их, но экзоскелет не спешил идти хоть на полшага быстрее, остальные сталкеры, едва державшиеся на ногах, также бросились вслед убежавшим, но и их сил уже не хватило, чтобы передвигать ногами хоть чуточку быстрее пятнистых.

– Юрок! – отчаянно крикнул Трофим, глядя, как с десятков мертвецов скрываются между зданиями.

Юрок и другие зомби из его группировки подошли к сталкерам. Их лица потемнели, а тела как будто уменьшились. Этот кратковременный прямой контакт стоил им половину запасов энергии.

– Мы не сможем их убить, – сказал зомби. – Они слишком сильны.

Терек, оставшийся живым, открыл забрало экзоскелета.

– Твою же душу, Док... Это кто?! – спросил он, не веря своим глазам.

– Это друзья, Терек... Это наше будущее...

Небо в стороне ЧАЭС побагровело, дополнительным источником света осветив Росток. Выброс обещал прибраться на этом залитой красной и бурой кровью клочке земли. Хором, гимном смерти запели свою песнь неискоренимые слепые псы, недалеко от восточного входа на Росток, закаркали испуганные вороны, глядя на десятки тел, разбросанных по территории завода, ветер погнал пыль и листву, присыпая темнеющие лужи крови.

Рассветные сумерки осветили бредущую в тумане процессию покачивающихся и спотыкающихся мертвецов, поднятых ночным Выбросом. Их было много, бесконечно много, сталкеры, бандиты, Свобода и Долг, вытянувшиеся в линию, ведомые и охраняемые Воскресшими. Один из ведущих остановился и дождался, пока процессия почти пройдет мимо него. Поравнявшись с хромающим, невысокого роста

мертвецом, один глаз которого был прикрыт черной пиратской повязкой, он бережно поправил на нем съехавший набок подсумок.

– Эх, старый ты мой бродяга, дружище... Ты, наверное, думал, что не встретимся больше никогда? Ничего, то, что не успели с тобой при жизни, успеем еще... Потанцуем еще с костлявой, потанцуем...

Колонна медленно прошла через Пепелище. Бойцы Свободы снимали шлемы и шапки перед идущими в колонне бойцами, провожали взглядом своего генерала, не имеющего ни воинского звания, ни закрепленных официально полномочий, но оставившего глубокий след в их сердцах и душах. Проводив их до первых ворот, они выстроились в ряд, перевели автоматы на одиночные. Троекратный залп из всех стволов огласил последние шаги уходящих в бессмертие бойцов под молчаливо взирающим вниз хмурым небом Зоны.

Книга 1. Янтарь. Вирус бессмертия.

Книга 2. Рабы бессмертия.

К автору pishu2012@mail.ru

Обложка сделана специально по заказу автора, художником Екатериной Холиной (Silent Soul).